

АМТЕРРА

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

NOVA

№ 1(16)
2019

ЖУРНАЛ «ЛИТERRА NOVA» — ТЕРРИТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

*Литературно-публицистическое сетевое издание
с печатью по требованию*

Параметры отбора произведений

1. Любое произведение должно быть интересным (с точки зрения редакции).
2. Редакция имеет право в отказе автору в публикации без объяснения причин.
3. Стихотворные произведения не должны превышать 20000 строк (очень строгое соблюдение нормы обязательно, но желательно).
4. Прозаическое произведение не должно превышать по объёму 200000 символов с пробелами.
5. Произведения, размещаемые в номере журнала, должны быть написаны на русском языке.
6. **Произведения принимаются по электронной почте на адрес sandisaba@mail.ru при предоставлении автором:**
  - а) **биографических данных и фотографии;**
  - б) **сведений о публикациях, если есть.**
7. Не принимаются произведения от анонимных авторов. Хотя произведение может быть опубликовано под псевдонимом при обязательном условии, что редколлегия будет знать настоящее имя автора. Не принимаются произведения, содержащие ненормативную лексику, существенно противоречащие литературной политике редакции и пропагандирующие ненависть.
8. Принимаются произведения всех жанров, соответствующих политике журнала: от реалистической до фантастической. Приветствуется разнообразие форм: интервью, эссе, рассказы, зарисовки, повести и романы.
9. Авторы, приславшие свои произведения, автоматически соглашаются на редакторскую правку.
10. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора при публикации публицистических произведений.

Формат

Журнал «Литерра Nova» издается форматом Б5 176 x 250 мм, печать цифровая, обложка и восемь страниц — полноцветные, остальные в один цвет, 136 страниц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- **Александр БАЖАНОВ** —
главный редактор sandisaba@mail.ru
- **Александр ЗЕВАЙКИН**
- **Светлана ТРЕМАСОВА**
- **Алексей МУЗАЛЕВ**
- **Наталья РУЗАНКИНА**
- **Сергей СОЛОНИН**
- **Майя СИДОРОВА**
- **Стас (Степан) НЕСТЕРЮК**

Художник:

- **Александр ТРЕМАСОВ**

Обложка

- **Александр ТРЕМАСОВ**

Верстка

- **Владимир КОШКИН**

Издатель

- **Сергей ГОЛОВАНОВ** golovanovcv@mail.ru

Адрес редакции: 430016, г.Саранск, ул.Полежаева, 115-5

Телефоны: 8 (8342) 230171, +79176965448

Е-мейл: sandisaba@mail.ru

Издание напечатано по технологии Print on demand (печать по требованию) по индивидуальному заказу

Литерра Нова ©

ЛИТЭРРА НОВА

ТЕРРИТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-публицистическое сетевое издание
с печатью по требованию

12+

Издается четыре раза в год

1(16) 2019 год
МАРТ

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 ДЕТЕКТИВ. **Владимир КОЛАБУХИН**. Фальшивая коронка. *Повесть*.
- 11 ПАМЯТЬ. **Стас НЕСТЕРЮК**. «Когда нет слов...» *Очерк*.
- 28 ПАМЯТЬ. **Владимир МЕШКОВ**. Рождество Матроса. *Рассказ*.
- 35 МИНИАТЮРА. **Татьяна НЕЩЕРЕТ**. Синяя птица. *Новеллы*.
- 41 АССОРТИ. **Алексей ШТРЫКОВ**. Патака, или Юэци. *Рассказ*.
Векши-вирши. *Поэзия*.
- 49 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ВОЙНА. **Владислава ПОДЛУБНАЯ**. Перекрестки. *Рассказ*.
- 55 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ВОЙНА. **Любовь Корецкая**. Пуговица. *Рассказ*.
- 65 СТРОФЫ. **Сергей СОЛОНИН**. Дневники осени. *Поэзия*.
- 69 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ДЕБЮТ. **Анастасия САРАНЧИНА**. Хвост. *Рассказ*.
- 72 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ДЕБЮТ. **Ольга Хоцкая**. Зеркало. *Рассказ*.
- 73 СТРОФЫ. **Юлия Гейченко**. Мой лабиринт. *Поэзия*.
- 77 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ПРОЗА XXI ВЕКА. **Алексей СОЛОВЬЕВ**.
Сладкий аромат. *Рассказ*.
- 81 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ПРОЗА XXI ВЕКА. **Александра МАКСИМОВА**.
Исключительные вещи. *Рассказ*.
- 87 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ПРОЗА XXI ВЕКА. **Ольга Романеева**.
Под снегом дышит весна. *Рассказ*.
- 90 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ПРОЗА XXI ВЕКА. **Владимир МАЛЫШЕВ**.
Если бы да кабы. *Рассказ*.
- 92 СТРОФЫ. **Светлана Гордеева**. Я люблю эту жизнь. *Поэзия*.
- 96 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ФАНТОМ. **Владимир Хабаров**. Взаимовыручка. *Рассказ*.
- 102 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ФАНТОМ. **Маргарита КАЗАКЕВИЧ**. Внутри. *Рассказ*.
- 104 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ФАНТОМ. **Павел ЛЕЦ**. Последняя история. *Рассказ*.
- 107 СТРОФЫ. **Ирина Шлеменкова**. Все повторится. *Поэзия*.
- 111 РЕЦЕНЗЕНТ. **Ольга Карпова**. «Родниковая правда» народной памяти. *Статья*.
- 114 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ЛУКОМОРЬЕ. **Ольга Ботвинова**. Остров Тишины. *Рассказ*.
- 121 НАШИ ЛАУРЕАТЫ. ЛУКОМОРЬЕ. **Василиса Псарева**. Под дубом на холме. *Рассказ*.
- 126 СТРОФЫ. **Андрей Шурьгин**. Фарватер души. *Поэзия*.
- 130 КЛАССИКА. **Сергей Носов**. Поэзия и магия. *Статья*.
- 134 НАШ ГОСТЬ. **Илья Шокин**. «Мой любимый драгоценный камень — планета Земля...» *Интервью*.

Владимир КОЛАБУХИН

«Я родился 5 июля 1937 года в подмосковном городе Коломне.

К литературному творчеству приобщился с юных лет. Впервые выступил в печати теперь уже в далеком 1956 году: городская газета «Коломенская правда» опубликовала мое стихотворение «Письмо, письмо...» Член Союза журналистов России. Закончил Московский факультет Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ) и перешел на службу в систему МВД, где более 20 лет проработал на различных должностях оперативно-начальствующего состава. В настоящее время пенсионер – в 1992 году в звании подполковника внутренней службы вышел в отставку. Живу в городе Ярославле».

ФАЛЬШИВАЯ КОРОНКА

Повесть

1

Случилось это несколько лет назад, летом.

Райотдел милиции, где уже две недели работал инспектором уголовного розыска Сергей Ракитин, хотя и находился в областном центре, обслуживал пригородную зону вдоль узкой, но глубокой речушки Ильмы. Знакомил Сергея с обстановкой сам начальник угрозыска капитан Шатров. Тучноватый и приземистый, с тихим голосом, он почти всегда приходил на службу в скромном штатском костюме, носил большие роговые очки с толстыми линзами, и вообще, по мнению Ракитина, его скорее можно было принять за какого-нибудь врача или учителя, чем за оперативного работника. Разговаривал Шатров неторопливо, чуточку окая, добродушно улыбался Сергею, с нетерпением рвавшимся к самостоятельной работе.

Вот и в это первое августовское утро ничто не указывало на то, что молодого оперативника ожидает напряженная и интересная работа.

Опустив вихрастую голову, Ракитин бесцельно прошелся по кабинету. Другие работники уже разошлись по своим делам, а он, как вчера и позавчера, должен был входить, по выражению Шатрова, в специфику района.

Он остановился у письменного стола, огорченно взглянул на его полированную крышку.

«Чисто!.. И так изо дня в день – ни одной бумажки. Работничек, называется. Все еще не верят в меня, что ли?».

Ему, вчерашнему выпускнику специальной школы милиции, и невдомек было, что Шатров еще приглядывается, приценивается к нему: не так-то это просто – поручить новичку самостоятельное дело.

Неожиданно дверь широко распахнулась, и в кабинет вошел Шатров. Он подсел к столу Ракитина и достал из принесенной тоненькой папки какую-то бумажку:

– Понимаешь, какое дело... У одной гражданки жиличка пропала.

У Сергея екнуло сердце. Он тоже сел, нетерпеливо покосился на бумагу.

– А что за особа эта жиличка?

– Некая Ирина Тимошкова. Двадцати лет, незамужняя. Работала в центральной сберкассе. Месяц назад, в субботу, второго июля, ушла со службы домой, да так ни там, ни на работе до сего дня и не появилась.

Капитан протянул Сергею листок. Ракитин жадно пробежал глазами неровные, разгони-стые строчки и разочарованно вздохнул.

Шатров вскинул на него из-под очков свои пытливые карие глаза.

Возьмешься за это дело?

— И вы еще спрашиваете, — сразу откликнулся Сергей. — На безрыбье и рак рыба... Наверное, уехала куда-нибудь девчонка, а хозяйку не предупредила... Что же та раньше к нам не обратилась?

— Сначала-то все надеялась, что вернется, потом, говорит, приболела. Вот ты и выясни.

— Можно действовать, Серафим Иванович?

Шатров не любил скороспелых выводов о людях. Однако пока что ему нравился этот тонкошейный новый сотрудник, судя по всему, энергичный и хваткий... Он невольно улыбнулся.

Голубые глаза Ракитина задорно светились, его поджарая фигура сразу как-то вытянулась.

Шатров тяжело поднялся:

— Давай, действуй. Жаль только — время упущено...

Он внимательно оглядел Ракитина. Звездочки, пуговицы и эмблемы на новеньком кителе лейтенанта отливали золотом. Форменная фуражка не успела выгореть. Она еще не обновилась и постоянно съезжала с продолговатой головы Ракитина. Наверное, всякий легко мог догадаться, что сотрудником милиции он стал совсем недавно.

— И вот еще что — ты форму прибереги пока. Зачем нам с тобой выделяться? Работа у нас такая, что... — он пригладил густые, но уже, словно заиндевевшие волосы и озабоченно добавил: — Потолкуй по душам с хозяйкой и подругами Ирины. Но не увлекайся очень, ищи факты. В первую очередь надо установить, с кем и как она провела ту субботу. Сейчас нам важна любая зацепка. От нее, понимаешь ли, может многое зависеть. Если что — заходи ко мне.

— Ясно, — бодро ответил Сергей. — Буду заходить!

И через десять минут он пешком отправился на квартиру заявительницы. Захотелось проветриться, собраться с мыслями перед предстоящим разговором и заодно лучше осмотреть город, о котором в школе милиции при распределении выпускников слышал много хорошего, но пока еще знал мало.

Однако вскоре Сергей уже пожалел, что не взял служебный «газик». Петровск весь был затоплен солнцем. На улице — жара! Асфальт под ногами проминался словно тесто. Хорошо, что Ильма была рядом, и от нее дул ветерок, только он и спасал от духоты, пока Ракитин добирался до поселка, где проживала Тимошкова... Он облегченно вздохнул, когда, свернув в переулок, оказался, наконец, у нужного ему маленького, опрятного домика.

Взволнованная появлением Сергея хозяйка — вся высохшая и сморщенная, как гриб, старушка — привела Ракитина в комнату квартирантки. Обстановка была скромной. Впереднем углу на этажерке с книгами большой портрет улыбающейся девушки.

— Ирина? — кивнул на портрет Ракитин.

— Она, — тихо ответила хозяйка.

Сергей осмотрел комнату. Но не нашел ничего интересного для себя.

Он еще раз подошел к этажерке. На ярких цветных корешках толстых томов светились тисненые золотом буквы фамилий: Пушкин, Лермонтов, Куприн, Чехов, Паустовский... Знать, Ирина серьезно и вдумчиво относилась к литературе. Да и сама писала стихи. Он обнаружил их в тонких ученических тетрадях, спрятанных между книгами. Но не было ни писем, ни записок — ничего, что подсказало бы, куда исчезла Тимошкова.

Он перевел взгляд на фотографию. Красивая девушка: мягкий овал лица с ямочками на щеках, прямой тонкий нос, брови длинные, с изломом, в широко открытых глазах безмятежная восторженность...

— Какая она — Ирина? — вслух подумал Ракитин. И обратился к хозяйке: — К вам как относилась?

Старушка повздыхала, присела на краешек стула, беспокойно затеребила цветастый ситцевый передник.

— Как относилась? Хорошо. Всегда, бывало, самоварчик мне поставит и в хозяйстве поможет... Не гордая, ласковая. Настоящий клад для мужика. Да ведь много ли теперь таких-то понимают.

— А кто не понимал? Жених, что ли?

— Да какой там жених... Уж как я ее ругала. Брось, говорила, эти гулянки с Павкой. Непутевый он, коль о свадьбе не заикается. Не доведет это до добра...

Старушка смутилась.

— Ты уж прости меня, сынок. Я ведь с тобой попросту.

— Ничего, ничего, бабуся. Я слушаю.

— А вот она меня не слушала. Все смеялась: мол, дружим мы, и все. А какая между парнем и девушкой может быть дружба? Баловство одно — вот это что. Раньше-то мы совсем другими были.

Ракитин усмехнулся в душе: «Старо как мир!». Ему сразу вспомнилась публикация в каком-то журнале о том, что в одном из музеев Стамбула хранится так называемый папирус Присса, которому почти четыре тысячи лет и который начинается словами: «К несчастью, мир сейчас не таков, каким он был раньше. Всякий хочет писать книги, а дети не слушаются родителей».

«Интересно, — подумал он, — что бы она сказала, если бы я возразил ей и сослался на этот уникальный документ?!».

Однако Ракитин не возразил, и хозяйка продолжала горестно делиться своими мыслями.

— И вот Павка походил, походил да и был таков. Сергей насторожился.

— Он кто такой? Как фамилия? Где работает? Хозяйка виновато заморгала белесыми ресницами.

— Не знаю я...

— А каков он из себя?

— Да невидный такой... Невысокого роста, чернявый.

— И давно исчез?

— Почитай, с мая месяца.

— А Ирина в последнее время ни с кем другим не встречалась?

— Что ты, что ты!.. Я бы знала.

— Ну, а как она уходила в ту субботу из дома — волновалась, спешила, принаряжалась? Вам ничего не показалось в ней необычным?

Старушка беспокожно заерзала, на ее морщинистом лице выразились недоумение и растерянность.

— Не видела я, сынок. Ни к чему мне было. Хлопнула она утром дверь, и все тут... А из нарядов-то ее платья штапельного не замечаю. Голубенькое, с короткими рукавчиками. И туфелек беленьких нет... — она вытерла покрасневшие глаза уголком фартука. — И куда голубка моя пропала, что с ней случилось?

— Выясним, бабуся. Все выясним, — заверил Ракитин. — Может, уехала куда да приболела, вот и задержалась.

Он задал еще несколько вопросов об Ирине, но старушка ничего не могла добавить. Сергей как можно теплее распрощался с ней и вновь заторопился по пыльным и раскаленным улицам, теперь уже к сослуживцам Ирины.

...Центральная сберегательная касса находилась в новом высоком здании, занимала весь первый этаж. По просторному вестибюлю с несколькими внутренними дверями прохаживался дежурный милиционер.

— Как пройти к заведующему? — обратился к нему Ракитин.

Милиционер остановился, внимательно посмотрел на него, понимающе улыбнулся и кивнул на ближайшую дверь.

— Сюда и прямо...

Сергей потянул на себя тяжелую, из толстого прозрачного стекла дверь. В длинном светлом зале, где он очутился, было шумно илюдно. Слева, по ходу, у широких окон размещались низенькие столики, за которыми несколько клиентов старательно заполняли документы.

Справа, за невысокой дубовой перегородкой со стеклянным верхом и множеством окошечек с надписью «Касса», разновозрастные сотрудники сосредоточенно щелкали костяшками счетов и клавишами контрольных автоматов. В торце зала была еще одна дверь — с табличкой «Заведующий». Туда и двинулся Ракитин. И чуть не столкнулся в дверях с вышедшим навстречу молодцем в модном клетчатом костюме и легкой белой шляпе.

— Извините, — посторонился Сергей, пропуская незнакомца, облик которого ему показался в чем-то необычным.

— Пожалуйста, пожалуйста! Заходите, — вежливо отозвался тот и быстрым шагом устремился к выходу. И только тут Сергей понял, что в незнакомце привлекло его внимание: неестественно красное, веснушчатое лицо. Ракитин толкнул дверь и переступил порог.

Заведующим сберкассой оказался пожилой худощавый брюнет с коротко подстриженными сидящими волосами, глубоким шрамом на щеке и тремя рядами орденских колодок на груди. «Наверняка фронтовик», — уважительно подумал Ракитин и представился ему. Заведущий сразу встал. Рукопожатие его было коротким, но крепким.

— Прошу, — указал он Сергею на стул. — Чем могу помочь?

Ракитин сел, снял фуражку.

— Расскажите мне о Тимошковой. Что была за работница, с кем дружила?

Заведующий тоже сел, сложив на столе жилистые руки.

— Значит, так и не нашли ее, — задумчиво сказал он после недолгого молчания. — Работала она у меня кассиршей... И работала неплохо... Довольно общительная, жизнерадостная девушка. Ее у нас многие любили. Поговорите, например, с Катей Ивановой или Лизой Мотыльковой. Короче, у меня к ней никаких претензий нет.

— Ну, а как думаете, куда она могла исчезнуть?

— Ума не приложу.

— Уехать могла куда-нибудь? Все-таки впереди был выходной.

— На нее это не похоже, чтобы взять и уехать, никому ничего не сказав.

— Может, обиделась на кого?

— На кого? Характер у нее добрейший. Да и обидеть ее у нас некому.

— Я тоже хочу думать о ней только хорошее, и все же... Кассу Тимошковой проверили?

Заведующий досадливо отмахнулся.

Там все в порядке. Ирина честный и добросовестный работник.

Ракитин смутился.

– Я обязан поинтересоваться.

– Конечно, конечно, – сухо сказал заведующий, – но в случае недостачи мы и сами вас проинформировали бы.

Ракитин почувствовал себя совсем неловко. С огорчением понял, что в разговоре с этим человеком допустил промах, и сейчас они уже вряд ли найдут взаимопонимание.

Надо было закругляться.

Он встал, надел фуражку и, уже прощаясь, спросил на всякий случай:

– А есть у вас сотрудник по имени Павлик?

– Нет. И не было. Кстати, со всеми работниками вы можете побеседовать в красном уголке. Я отдам распоряжение, чтобы они встретились с вами.

Сергей поблагодарил заведующего и вышел из кабинета. В этот день он опросил не только сослуживцев Ирины, но и всех ее немногочисленных знакомых, которых ему удалось установить. Но ничего существенного никто не сообщил.

К вечеру Ракитин просто валился с ног, они так и гудели. Пора было собираться домой. Он купил по пути сигарет, зашел в кафе и без всякого аппетита проглотил там два бутерброда с колбасой, мечтая лишь об одном – добраться до постели. Но не успел он подойти к дому, как лицом к лицу столкнулся с высоким, атлетически сложенным лейтенантом милиции, широченные плечи которого, казалось, вот-вот разорвут по швам его китель. Сергей без труда узнал в молодом гиганте участкового инспектора Берестовского, с которым он разговаривал утром о Тимошковой.

Застенчиво улыбнувшись, что совершенно не вязалось с его внешним видом, и, стараясь приглушить свой зычный голос, Берестовский участливо пробасил:

– Ну, выудил что-нибудь? Ракитин покачал головой.

– А я вот решил к тебе подскокнуть. Все-таки на моем участке эта история приключилась.

Берестовский помолчал немного.

– Значит, говоришь, ничего новенького... Ну, ладно... Отдыхай. Я гляжу, утомился ты изрядно. Это с непривычки, потом и замечать перестанешь...

Ракитин вымученно улыбнулся. Он жил в маленькой, но уютной квартирке, что ему выхлопотал Шатров. Еще вчера Сергей не преминул бы воспользоваться случаем пригласить участкового сыграть партию в шахматы, до которых был охоч, но на этот раз лишь обессиленно пробормотал:

– Бывай, Алеша, бывай!.. Мне сейчас действительно не до разговоров... Ты лучше Павлика найди, с которым дружила Ирина.

Вскоре Шатров вызвал к себе Сергея с докладом.

– Так... Садись. Рассказывай.

Голос капитана звучал спокойно и тепло, и все-таки Ракитин растерялся. О чем рассказывать? О Тимошковой?.. Пока все говорят одно и то же: ни с кем не ссорилась, уезжать куда не собиралась... Он думал, что уж Павку-то быстро найдет, да не тут-то было! На квартире Ирины этот чернявый паренек так и не появлялся, а из числа знакомых и сослуживцев Тимошковой никто не знал ни его фамилии, ни где он работает, ни где живет. И Ракитин нескладно и коротко пересказал все это Шатрову.

Внимательно выслушав его, капитан слегка сдвинул лохматые брови, по его широкому утомленному лицу пробежали морщинки, и Сергей понял, что начальник не удовлетворен ответом.

– Да, надо как можно скорее установить этого Павку, – тихо заметил Шатров. – Боюсь, что эта история закончится не так, как нам хотелось бы.

– Вы полагаете... – заговорил Ракитин, но Шатров движением руки остановил его.

– Надо бы осмотреть все подвалы, чердаки, ямы. Подумай, как быстрее справиться с этой работой... Может, подключить к поиску дружинников?

Ракитин так и сделал. Он договорился с Берестовским, и тот сам подобрал и проинструктировал наиболее активных членов районной дружины.

Через неделю, поздно вечером в субботу, Ракитин подытожил результаты розыска и явился с докладом к Шатрову. Собственно говоря, докладывать было опять не о чем. Тимошкова как в воду канула. Да и о Павке ни слуху, ни духу.

Шатров сидел за своим столом, освещенным светом настольной лампы, и что-то писал. Услышав шаги Сергея, поднял голову, и в этот момент зазвонил телефон. Шатров снял трубку.

– Слушаю... Где нашли?

Он стремительно повернулся к Ракитину.

– В Анютиной роще, в овраге, участковый Берестовский вместе с дружинниками обнаружил труп женщины. Не та ли это, кого мы ищем?..

Сергей наморщил лоб, пытаясь представить, где это. Взглянул на небольшую настенную карту района и сразу вспомнил.

Анютина роща, мимо которой он однажды проезжал, знакомясь с обслуживаемой зоной,

находилась на самой окраине города. Почему она так называлась, никто из местных старожилов уже не помнил. Знали только, что это было давно заброшенное и глухое место, куда горожане выбирались редко.

А Шатров продолжал говорить в трубку.

– Так, слушаю... Ясно, лейтенант, ясно... В прокуратуру звонили?.. Хорошо, выезжаем!

Ракитин пулей выскочил из кабинета, вывел машину.

Когда опергруппа добралась до оврага, там ее уже ожидали следователь прокуратуры Антонов, медицинский эксперт Казаков и понятые.

По крутой тропинке все спустились в овраг, заросший бурьяном. Понятые, две молоденькие продавщицы из местного дачного поселка, вдруг в один голос ойкнули и пятились.

Яркий свет карманного фонарика Берестовского вырвал из темноты скрюченную фигуру женщины в зеленоватом платье и белых туфельках.

Антонов сразу защелкал фотоаппаратом. Потом труп осмотрели.

– Судя по характеру имеющихся ранений, – услышал Сергей голос эксперта, – они нанесены широким ножом в спину, в область сердца.

– Когда это произошло? – спросил Сергей.

– Без вскрытия трудно определить точно. Пока могу сказать о приблизительной давности события: что-то около месяца тому назад. Жара, понимаете ли...

– Ну, а возраст погибшей?

– Где-то лет двадцать.

Еще по дороге к роще у Ракитина мелькнула мысль: «Не Ирину ли нашли?». Теперь он еще сильнее утвердился в своей догадке и поделился со следователем.

– Правда, меня смущает цвет платья, – добавил Ракитин. – Но ведь об исчезновении других женщин никто в районе не заявлял.

– Может быть, может быть, – рассеянно ответил Антонов, думая о чем-то своем. Он тоже был еще молод, почти ровесник Ракитина, невесело смотрел на Сергея большими черными глазами и досадливо отирал испарину, то и дело выступавшую на его круглом лице.

– У этой женщины броская примета... В верхней челюсти золотая коронка, – вступил в разговор эксперт Казаков.

– Вот-вот! – подхватил Шатров. – Завтра пригласим в морг хозяйку Ирины, и что уж она нам скажет... А ты, Сережа, – обратился он к Ракитину, – подключайся к этому делу и будь в контакте со следователем – лады?!

Легко было сказать – завтра! Но Ракитину не терпелось. Поэтому, предупредив Антонова, за хозяйкой Ирины он отправился ни свет ни заря.

А старушка труп и не опознала. Расстроено взглянув на приглашенных понятых, она лишь тревожно всхлинула, стерла платочком слезы и невнятно прошептала:

– Вроде как не она... Вот туфельки как будто ее... И платье могло быть такое.

«Могло быть...» – у Ракитина упало настроение.

– Что же вы, бабуся, не знаете, какие у Ирины были платья? – спросил он, еле скрывая досаду.

– Так ведь не мои наряды-то, чужие. А вот зуб у нее тоже один светился.

Антонов стал задавать вопрос за вопросом:

– Где светился? Снизу или сверху?

– Сверху, должно быть... Так и есть, сверху. Она, голубка- то моя, как засмеется, так он у нее и засияет.

– У кого она вставляла коронку?

– Чего не ведаю, того не ведаю, батюшка... Знаю – у частного.

Старушка еще раз с сомнением и страхом посмотрела туда, где лежал труп.

– Только у Ирочки не коронка была, а зуб золотой. Она его недавно вставила и дорого заплатила.

В повлажневших глазах старушки засветилась надежда.

– Может, еще что припомните? – не отступался Ракитин.

– Часики у нее были желтые с браслетом... И о письме я вам не говорила. Намедни, как ей пропасть-то, села Ирочка за столик и долго-долго писала. Я так поняла – письмо кому-то. Про лотерею. Пишет и бормочет, пишет и бормочет, словно советуется с кем.

– Кому могла писать? – заинтересовался Антонов.

– Вроде бы и некому. Сиротка она. Да и я вдова. Вот и привязались друг к другу, как родные.

– Ну что ж, спасибо.

Старушка торопливо закивала и засеменяла вслед за понятыми к выходу. Ракитин проводил ее до автобусной остановки. Воскресный день был наполнен веселым гулом, а ему было не до радостей.

Распровавшись с хозяйкой Ирины, он отправился домой. Жара не унималась. Воздух был такой горячий и неподвижный, что стало трудно дышать. И настроение у Ракитина еще больше испортилось.

«Вот тебе и броская примета, — раздраженно подумал он. — Кого же нашли в овраге?.. Голубое платье... Зеленое платье... Золотой зуб... Золотая коронка... Сам черт голову сломит!».

Сергей шурился от яркого солнца, обливался потом, задыхался от горечи выхлопных газов пронесившихся мимо автомобилей и мучительно размышлял о том, что же предпринять по делу в дальнейшем.

Возле дома его вновь подждал Берестовский. По одному виду молодого сыщика он сразу догадался о постигшей Сергея неудаче и молча прошел за ним в комнату.

— Как с расческой, что обнаружили в овраге? — не удержавшись, спросил он через минуту.

— Уже исследовали, — нехотя ответил Ракитин. В висках его стучало. Он чувствовал, что явно перегрелся на солнце.

— Есть результаты?

— Наметаллическом ободке выявлено слабо выцарапанное имя — «Гарик».

Берестовский оживился.

— Интересное совпадение!

— Что еще за совпадение?

В комнате было прохладней, чем на улице, но Сергея все равно потянуло под душ. Берестовский затопал следом.

— Я ведь к тебе тоже по поводу одного Гарика. Есть у меня один такой на примете — Гарик Чернов. Ранее судим. Когда-то учился вместе с Ириной.

— Вот как? Ну, ты даешь! Знал убийцу и помалкивал, — Ракитин стянул с плеч взмокшую от пота рубашку, включил душ. — Завтра же с ним потолкую.

— Я сам узнал о Гарике лишь утром, — возразил Берестовский. — Только почему ты его сразу в виноватые записываешь? Что ты обо всем этом думаешь? Зачем, например, ему понадобилось бы убивать Ирину? Из ревности? Из мести? Никаких отношений с ним она не поддерживала, это я точно установил. Ограбление пока исключается. Ведь, когда она в субботу уходила с работы, ничего ценного при ней, говорят, не было?

— Мало ли что, — настаивал Сергей. — Между прочим, Ирина носила на руке часы, а на убитой никаких часов не оказалось.

Разговорившись, он заодно рассказал Берестовскому о прошедшем опознании трупа.

— Придется снова опрашивать всех знакомых Ирины, было ли у нее зеленое платье, устанавливать размер ее обуви, искать стоматолога. Может, не зуб, а коронку он Тимошковой поставил, — заряжаясь прежней энергией, завершил Сергей свой рассказ и блаженно зафыркал под хлестким дождиком душа.

Гарик Чернов несколько дней где-то кутил с приятелями и дома не появлялся. Ракитину с Берестовским пришлось разыскивать его и в принудительном порядке доставить в райотдел. Долговязый и небрежно одетый, с маленькими усиками под длинным горбатым носом, Гарик как очутился в кабинете, так сразу закричал пропитым голосом:

— Это за что же меня повязали?

— Пока что никто вас не арестовывал, — возразил Сергей и предложил ему стул.

Гарик расстегнул помятый светло-коричневый пиджак, нервно поправил пестрый галстук, недовольно шевельнул усиками, но все-таки сел. Берестовский вышел, и Ракитин уверенно начал допрос:

— Фамилия? Имя? Отчество?

Гарик ответил.

Где-нибудь работаете?

— Конечно! Впромартели. Нынче без работы нельзя. А почему все эти вопросы?

— Говорят, пьете много?

— Кто говорит? Ну, заливаю малость, так ведь на свои денежки, трудовые. Иногда дружки поднесут. Свами так не бывает, что ли?

— А вы не ершитесь. Не забывайте, где находитесь, — одернул Ракитин. — Где вы были и что делали вечером в субботу, второго июля?

— Где был? — переспросил Чернов, напрягая память. И неожиданно ухмыльнулся, темная ложбинка меж его жидких светлых бровей сразу разгладилась. — Ах, вот оно, в чем дело! Так это же мой день рождения! А в горле сушняк. Ну, выпил в кабаке, потом домой пошел. Встретил, помню, Тимошкову... Она, что ли, накапала?

Сергей промолчал.

— Да, поскандалил с ней немного... Виноват! — Гарик опять шевельнул усиками. — Ведь как было дело. Выхожу из кабака на улицу и вижу — Ирка на автобусной остановке. Сто лет с ней не встречался, а тут на тебе. Я сразу понял: ждет кого-то, потому что в автобусы не садится, а как бы прогуливается. Я ее, конечно, под руку. А Ирка шум подняла... Я отстал бы, да тут мужик какой-то подвернулся — и на меня. Я и разошелся.

— Во сколько это было?

— Да около семи.

— А потом что?

— Ничего. Уехали они в его машине.

— Марка и номер машины? — скептически спросил Ракитин. Этот выпивоха не вызывал у него ни малейшего доверия.

— Номера я не помню, а вот машину... — Гарик снова ухмыльнулся. — Если бы у меня

был такой шикарный «Москвич», ни одна бы девчонка на меня шум не подняла.

Ухмылки Гарика раздражали Сергея, но он сдержался и задал новый вопрос:

– Как выглядел хозяин машины?

– Да не старый. Немного пониже меня, рыжий. И машина у него красная.

– Во что он был одет?

Гарик почесал лохматый затылок.

– Вроде бы в черных брюках, белой сорочке... На ноги его, извините, не зырил...

– А в чем была Ирина?

– Не помню... В чем-то зеленом... По-моему, в зеленом платье.

– А после виделись с ней?

– Нет. Вообще больше не встречался.

– В этом-то все и дело!

Ракитин достал из конверта расческу.

– Узнаете?

– Похоже, моя. Где взяли?

Ракитин встал из-за стола, подошел к Гарику.

– Мы обнаружили труп, – сказал он, глядя на него в упор. Гарик вытаращил и без того выпученные глаза.

– Ирины?

– А рядом лежала расческа с вашим именем.

Гарик побледнел. Его ухмылку как ветром сдуло, слова не мог вымолвить. Так несколько секунд и прошло в напряженном молчании.

– Вот это влип, – срывающимся голосом произнес, наконец, Гарик. – Не меня ли вы... – договорить он не смог.

У Ракитина тоже нервы были на пределе. На него внезапно навалилась усталость. Он прошелся по кабинету, искоса поглядывая на Гарика: «Этот малый или хороший артист, или... я сам в чем-то промахнулся. Во всяком случае, сейчас с ним лучше уже не говорить. Надо проанализировать его показания, проверить, а потом снова встретиться».

Сергей распорядился отправить Чернова в ИВС – изолятор временного содержания.

– Нам еще есть о чем побеседовать, – сказал он Гарику. Тот никак не ожидал такого оборота дела.

– Гражданин начальник! – Гарик вскочил со стула. – Да как же так? Надо во всем разобраться.

– Вот мы и разбираемся, – отрезал Ракитин. Но спохватился и взял себя в руки. – Если вы ни в чем не виноваты, мы выясним это быстро.

Но ему по-прежнему почему-то думалось, что Гарик не все рассказал и, по меньшей мере, является соучастником убийства.

Чернова увели, а спустя несколько минут в кабинет вошел Шатров. Сергей подал ему бланк допроса. Капитан сел к столу, внимательно прочитал запись и коротко спросил:

– Твое мнение об этом парне?

Очень подозрителен. Надо арестовать. Полагаю, что это он ее...

Брови Шатрова удивленно взлетели.

– Ты это... серьезно?

– Конечно. Сразу видно – тертый калач.

Шатров как-то сразу погрузился и бесцельно стал передвигать на столе бумаги.

– Видишь ли, Сергей, мы еще не установили личность убитой и ничего, что помогло бы нам судить о мотивах убийства. Так как же можно говорить о причастности к нему этого Гарика Чернова?

Сергей уловил в голосе Шатрова явное неодобрение и поспешил сказать:

– А обида? Гарик сам о ней сказал. Предположим, что он в тот день встретился с Ириной, заставил поехать с ним в Анютину рощу и там убил. Расческа-то его.

– Что из того? – Шатров еще больше нахмурился. – Одна расческа еще ни о чем не говорит. Вовраге ее мог обронить и другой человек. В жизни всякое бывает...

Ракитин упрямо тряхнул головой.

– Товарищ капитан, но я имею право на собственное убеждение?

– Имеешь. Только ведь личные чувства не всегда хороший и надежный помощник в нашем деле, и потому санкцию на арест Чернова прокурор пока не даст. Где Чернов был в тот вечер и что делал, ты по-настоящему выяснил? По часам, по минутам это время проверил?

Сергей сразу сник, удрученно переминался у стола. Шатров поднялся, потер седые виски.

– Что конкретно узнал о жизни Тимошковой? – сухо спросил он. – Видишь, кроме Павки появился еще один – этот рыжий. Вот и занимайся всеми. А задержать Чернова мы всегда успеем... если он виновен. Ты доложи о нем Антонову. Он следователь, ему и решать. А нам – искать надо! Факты искать, свидетелей, доказательств.

Шатрову явно не понравилась торопливость суждений молодого сотрудника.

– И вот еще что, – сдержанно продолжал он. – Почему ты так уверен, что найден труп именно Тимошковой?

Ракитин обиженно насупился.

– Я делаю все, что в моих силах, Серафим Иванович. Вчера, например, снова встретился с ее сослуживцами. Как выяснилось, Ирина купила у знакомой продавщицы точно такое платье – зеленое. Гарик гоже о нем упоминает. И размер обуви сходится... Антонов назначил

судебно-стоматологическую экспертизу. Результат ее нам пока не известен, но главный эксперт должен вот-вот сообщить о нем.

– А где голубое платье?

– Нашлось. Подруге отдала.

Шатров поправил очки.

– Ну, хорошо. Работай дальше, – он как-то неопределенно взглянул на Сергея и молча вышел.

«Дернуло меня нелегкая с этим арестом, – думал Ракитин. – Конечно, не исключена возможность, что про машину и рыжего Гарика все наврал. Но если вдуматься – с какой целью? Мог бы вообще ничего не рассказывать. Да, спорил я горячку, спорил. Надо отпустить Гарика, и немедленно...».

Ракитин потянулся к телефону.

– Занят? – услышал он знакомый сочный голос и поднял голову.

– Можно войти?

Ракитин обернулся, увидел Антонова.

– А, это вы, Юрий Васильевич! – обрадовался Сергей и поднялся навстречу следователю. – Садитесь, пожалуйста, – пригласил он его, пожимая протянутую руку.

– Отыскали Гарика? – поинтересовался Антонов.

– Нашли, – смущенно ответил Ракитин. – У нас сидит, в ИВС.

– Что говорит?

– Всякое! Прислать его к вам?

– Чуть позднее... Я получил акт стоматологической экспертизы.

– И чем порадовали нас эксперты?

– Хорошего мало. О золотом зубе и речи быть не может, так что говорить станем о коронке. Для нее не потребовалось моста. Это так называемая штифтовая коронка. Она изготовлена в частном порядке.

– На чем основывается это заключение?

– Видишь ли, коронка, о которой идет речь, вовсе не золотая.

– Как так?

– Она изготовлена из окисляющегося материала - из рандольфа.

– Из чего, из чего? – все больше удивлялся Ракитин.

– Из рандольфа. Есть такой медно-цинковый сплав. Блестит, как золото. Применяется в основном в точных приборах. Так что если ты найдешь того врача-частника, который ставил Тимошковой коронку, и он подтвердит мне...

– А если не подтвердит?

– Тогда придется назначить новую экспертизу.

– И она поможет изобличить этого жулика?

– Во всяком случае, стоматолог-ортопед, подписавший заключение экспертизы, пояс-

нил, что работа каждого такого специалиста имеет характерные индивидуальные особенности. И эти особенности становятся чем-то вроде личного клейма. Сложнее будет другое – найти этого частника.

– Разве в городе так много стоматологов и зубных техников?

– Согласен. Только не учитываешь одно обстоятельство: частное изготовление протезов из золота запрещено.

– Почему?

– Ну, во-первых, трудно установить истинный источник его приобретения. А во-вторых, не всякое золото для этого пригодно. И возвращаюсь к моей мысли: коль коронка делалась нелегально, вряд ли ее изготовитель кому-либо еще, кроме Тимошковой, был известен.

Ракитин вздохнул:

– Да, трудная задача, – и, уже прощаясь со следователем, скорее для себя, чем для него, добавил: – И все-таки мы постараемся решить ее. Я этого частника все равно разыщу.

5

Антонов ушел, и Сергей погрузился в раздумье.

«Что предпринять? Как отыскать этого мошенника-протезиста, куда-то исчезнувшего Павлика? И, наконец, как проверить показания Гарика?».

Он еще долго пребывал в таком состоянии, пока неунывающий Берестовский не вернул ему хорошее настроение.

– Значит, отпустить Гарика? Сейчас даю команду! – оглушительно гудел он по телефону. – Улик-то против него и в самом деле кот наплакал.

Ракитин отнес трубку от уха подальше.

– Скажи ему, чтобы зашел завтра в прокуратуру к Антонову. Надо кое-что уточнить.

– Ладно. А ты что такой кислый? – все так же рокотал голос Берестовского.

– За Гарика влетело. Сухарь мой Иваныч, и все. Я как лучше хотел. Был бы он на моем месте...

Берестовский на какое-то мгновение затих.

– Напрасно ты так о нем, Сережа. Шатров и на твоём месте побывал. А службу начинал рядовым милиционером. Зря голоса не повысит. Так что держись, казак, – глядишь, и сам атаманом когда-нибудь станешь!

Ракитин улыбнулся:

– Ну, спасибо! Успокоил душу!

– Хочешь, обрадую? – не унимался Берестовский.

– Давай, рассказывай...

– Я докопался, кто такой Павлик и где он сейчас.

– Ой, Алешка, молодец! – оживился Ракитин и снова прижал к уху трубку. – Говори, не тяни.

– Его фамилия Бойчин. Он студент. Учит-ся в нашем городе в геологическом институте. Правда, сейчас Бойчин в экспедиции. Но в интересах дела можно отозвать его... И вот еще что. Насчет опознания трупа. Из головы у меня это не выходит. Не думаю, чтобы кто-то из подруг или знакомых Тимошковой не знал, к кому из протезистов она обращалась. Поговори с людьми. Они всегда в курсе многих вопросов. И если подобрать ключик... Ты понял?

– Понял, Алеша. Понял. Еще раз – спасибо тебе... До встречи!

Сергей положил трубку. На душе стало спокойнее. Разминаясь, прошелся по кабинету, затем позвонил в ГАИ, попросил составить список всех владельцев красных «Москвичей» и не торопясь стал собираться домой.

На другое утро он первым делом позвонил в прокуратуру Антонову и сообщил ему сведения о Бойчине.

Дни проходили за днями, однако адрес частного он так и не узнал. Огорченный, Ракитин места себе не находил. К тому же расслабляющий зной все усиливался, и ни раскрытые окна, ни мощные вентиляторы на столе не спасали от духоты.

Сергея охватила хандра. Последние часы рабочей недели он просто отсиживался в кабинете, утомленный и вялый.

Неожиданно кто-то тихо постучал в дверь.

– Войдите, – безучастно отозвался Сергей. Дверь приоткрылась, и в кабинет робко вошла невысокая кругленькая девушка.

– Катюша? – поднялся из-за стола Ракитин. С этой толстушкой, подругой Ирины, он встречался уже дважды. В сберкассе, где она работала кассиршей, и здесь, в райотделе, куда вызывал ее на беседу. – Что случилось?

Девушка наморщила маленький вздернутый носик, подошла поближе:

– Ничего. Только вам вчера не все сказала.

Ракитин выжидающе смотрел на нее и молчал.

– Понимаете, вчера у меня как-то все из головы вылетело. Растерялась немного от вопросов об Ирине. При чем тут, думаю, ее зубы? А потом всю ночь не спала.

Девушка подняла на него встревоженные глаза:

– Знать, беда с ней случилась, коль вы так горячо о ней расспрашивали? Вам поэтому так важно знать, у кого Ирина лечила зубы?

– Очень важно, Катенька, очень! – вырвалось у Сергея. – Да вы садитесь, пожалуйста, садитесь.

– Нет-нет. Рассиживаться мне недосуг, – замахала руками девушка. – Я ведь с работы ненадолго отпросилась. Вы просто запишите фамилию. Я ночью вспомнила ее: Малявин. Зубной техник Малявин.

Сергей схватил авторучку.

– Так... Записываю.

– Мне о нем Ирина рассказывала. Жаловалась, что зуб плохо сделал. Болит, мол, не переставая. А технику рекомендовала Ирину его племянница. У нас работает – Лиза Мотылькова. Вот вы с ней еще раз и поговорите. А я уж пойду... До свидания.

Сергей был готов расцеловать эту милую толстушку за ее сообщение. Он почтительно проводил девушку до двери. Как только Катя вышла, Сергей подошел к окну. Было уже больше полудня. Жара на улице спала. От реки тянуло прохладным ветерком. На потемневшее небо напоздали тучи, одна за другой сверкали молнии. Вот-вот мог хлынуть дождь. Но Ракитину уже не сиделось в кабинете. Его вновь охватило рабочее возбуждение. Натягивая на плечи пиджак, он торопливо прикидывал план действий: «Сначала в сберкассе к Мотыльковой, потом – к Малявину...».

6

Комната, где работал Малявин, была большая, с высоким потолком, плотными шторами на окнах и огромной бормашиной с креслом. В воздухе стоял запах эфира, что еще больше усиливало сходство комнаты с врачебным кабинетом. Заинтересовал Ракитина и хозяин квартиры: узкоплечий коротышка. Водянистые глазки на продолговатом лице маленькие, масляные. И голос тихий, елеинный. Мол, ничего не знает, и сказать ничего не может. Этаким седенький благообразный старичок. Но за его елеинностью Ракитин разглядел тревожную настороженность.

Сергей уселся в зубо-врачебное кресло бормашины и не собирался покидать его раньше, чем получит исчерпывающие ответы на все вопросы.

Малявин растерянно прошелся по комнате, потом остановился рядом с креслом и мягко повторил:

– Клянусь вам, молодой человек, я не знаю никакой Тимошковой.

– Не может быть. Ее к вам Мотылькова приводила, ваша племянница. Составила, так сказать, протекцию. Ну, вспомнили?

Малявин пожал плечами.

– Зубы я лечу, это правда... А вот протезами, извините, не занимаюсь... Тут какое-то недоразумение вышло.

– Что же, очную ставку с племянницей устраивать? Я ведь только от нее.

– О, это ничего не даст. Как, вы говорите, фамилия? Тимошкова? Не припоминаю. Может быть, и встречались. Камни, например, снимал. Вот если бы с ней самой повидаться.

– А фотокарточка вас устроит?

– Нет-нет. Только не фотокарточка, – крутил головой Малявин.

Ракитин озадаченно взглянул на него.

– Да, да... Продолжал Малявин. Мы, знаете ли, не помним лица, мы помним рот клиента. Вы покажите рот клиентки, и я вам скажу, – Малявин притворно улыбался, сложив на животе маленькие пухлые ладошки.

– Кстати, – вкрадчиво добавил он. – А зачем вам понадобилось знать, была ли у меня Тимошкова? – он явно чего-то боялся.

– Дело вот в чем, – коротко ответил Ракитин, – ее убили. Малявин испуганно отшатнулся.

– И ваши показания очень важны для нас, – продолжал Сергей. – Но вы так упорно отрицаете знакомство с ней...

Малявин растерянно осел на стул. Некоторое время он сидел молча. Наконец поднял голову и через силу выдавил:

– Да... Я знаю Тимошкову.

– Вы лечили ее?

– Не ее, а зубы. Вернее – зуб. Он у нее совсем выкрошился. Оставался один корень. Ну, я и поставил новый.

– Из какого материала?

– Тимошкова просила сделать золотой. Принесла колечко. Да вам, наверное, все известно. Каюсь – согрешил. Вместо зуба поставил просто коронку.

– Какую? Из золота?

– Да.

«Вот хлюст! – внутренне негодовал Ракитин. – О рандольфе помалкивает. Ну, ничего, помолчим пока и мы».

Он был убежден, что ведет разговор правильно. В тот момент ему важнее всего было не перепугать Малявина, чтобы он, чего доброго, снова не замкнулся, довести до конца опознание трупа. И Сергей сдержанно спросил:

– Можете указать расположение коронки?

– Конечно. Пятый зуб слева в верхней челюсти... Но к смерти Тимошковой, клянусь вам, я не имею никакого отношения. Ведь с тех пор и не видел ее.

– Ну, не видели, так не видели.

Ракитин поднялся, пересел к столу, быстро составил протокол допроса и протянул Малявину.

– Ознакомьтесь, пожалуйста. Все ли правильно записано?

Малявин старательно прочитал протокол.

– Все верно.

Тогда подпишите его, и поехали.

– Куда?

– Сначала к следователю в прокуратуру. Потом в морг. Разговор разговором, а нам надо кое-что показать вам.

Малявин суетливо засобирился.

– Да, да... одну секундочку... С собой мне ничего не надо брать?.. Вот и хорошо, вот и хорошо...

В прокуратуре все уже расходились по домам. Оказавшийся еще на месте Антонов прямо в подъезде перехватил секретаря – пожилую, усталую, но все понимающую с полуслова женщину, попросил помочь найти понятых и позвонить в морг, чтобы там немножко задержались. Туда они вскоре и отправились.

В морге Малявин полностью подтвердил предположение Ракитина, что убитая – именно Тимошкова. Теперь опознание можно было считать практически законченным. Оставалось лишь справиться у Малявина о рандольфе, провести в его доме обыск. Сергей коротко объяснил Антонову обстановку, и они, получив согласие прокурора на обыск, поехали с Малявиным в его жилище.

– Так какую коронку вы поставили Тимошковой? – спросил Сергей техника по дороге. – Золотую или из рандольфа?

Малявин изменился в лице. Смотрел на него широко открытыми глазами.

– Как вы узнали?.. Ох, боже мой, боже.

Припрятанного рандольфа и золота оказалось у него немало.

7

Утро в понедельник выдалось сумрачным. Над домами низко застыли темно-серые облака. По асфальту стучал дождь. Но, направляясь в отдел, Ракитин с удовольствием вдыхал прохладный воздух и запах сырой травы, пришедшие на смену долгой жаре и духоте. Вспоминая разговор с Малявиным, он медленно шел по улице, и в душе его нарастала радость: все-таки с одной неувязкой разобрались.

Совсем рядом проскочил оранжевый «Москвич». Ракитин посмотрел ему вслед и невольно подумал о водителе машины: «Еще один рыжий. Не о нем ли упоминал Гарик?».

Всю дорогу мысли об этом не выходили из головы. И не только потому, что водитель был рыжим. Он показался ему удивительно знакомым.

«Где же я видел его? — мучительно напрягал память Сергей. Но лишь в кабинете вспомнил: — В Сберкассе! Когда искал заведующего. В дверях попался. И лицо показалось необычным. А это брови и ресницы его красноватым делали...»

Сергей снова задумался. Случайно ли такое совпадение: Тимошкова работала в сберкассе, если верить Гарику, она была знакома с каким-то рыжим владельцем «Москвича», и точно такой же по приметам человек, оказывается, бывал в этой сберкассе?

«Интересно, что он там делал? Может, заведующий прояснит ситуацию?».

Ракитин нетерпеливо достал из ящика стола телефонный справочник, отыскал нужный номер, снял трубку:

— Алло!.. Петр Васильевич?.. Здравствуйте. Вас снова беспокоит Ракитин... Да-да, тот самый, вы уж извините... Видите ли, в чем дело, когда мы первый раз встретились, от вас выходил один рыжеватый гражданин. Не подскажете, кто это был?.. Что, не помните? Ну, молодой, симпатичный, в модном костюме... Вот-вот, точно... Кто-кто? Так. А фамилия?.. Пестряков, говорите?.. Нет-нет, не тревожьте его. Спасибо за консультацию. До свидания!

Сергей положил на место трубку, довольно потер руки. Ему уже представили справку Госавтоинспекции. На учете ГАИ красных «Москвичей» состояло немного. И среди их владельцев числился сотрудник городского финансового отдела Пестряков. Дело, по мнению Сергея, оставалось за малым: опросить его. И Ракитин пошел с докладом к Шатрову.

— А не торопиться? — спросил капитан. — Ну, вызовешь человека, а о чем с ним говорить будешь?

— Об Ирине. Теперь убежден, что они были знакомы и что именно он увез ее, — горячо отозвался Сергей.

— А как быть с Гариком и его расческой? — хитровато прищурился Шатров.

Сергей смущенно опустил глаза. Накануне он еще раз говорил с Гариком и кое-что уточнил. Как оказалось, в ту злополучную субботу Гарик все прихорашивался перед Ириной. Когда схватился с рыжим, расческа выпала из рук, и владелец «Москвича» подобрал ее. А через несколько минут Гарику забрали в вытрезвитель, и он больше не виделся с Ириной.

Сергей переминался перед столом Шатрова и вдруг увидел себя как бы со стороны: этаким еще совсем зеленым. Он мысленно выругал себя: «Хорош сыщик!».

— Эх, Сережа, Сережа, — вздохнул Шатров, поднимаясь из-за стола. — Каким бы ни

был плохим тот или иной человек, нам нельзя подходить к нему предвзято. Это очень вредно для нашего дела... И с Пестряковым не торопись. Посоветуйся со следователем. Ищи факты, факты и факты.

Ракитин даже вспотел. Он что-то пробормотал в ответ и выскочил из кабинета. В коридоре ему встретился Берестовский.

— Ты что? Заболел? — встревоженно загудел лейтенант.

— С чего взял? — отмахнулся Ракитин. — Просто запарился.

— Это дело поправимое, — оживился Берестовский. — А у меня для тебя новость.

— Что за новость? — машинально спросил Сергей. Берестовский не сводил с него глаз и загадочно улыбался.

— Ну-ну, не тяни.

— Ладно, получай так, без выкупа... Я узнал, что одна из старушек, проживающих в районе Анютиной рощи, видела второго июля у оврага красную легковую машину. Фамилия старушки — Лебедева. Загородный поселок, пять.

— Ну и что? — буркнул Сергей.

— Как что? Надо обязательно установить и проверить водителя этой машины. Соображаешь?

Только теперь до Сергея дошло, в чем дело.

— Ну, мне сегодня везет! — радостно воскликнул он.

— Везет — это когда ничего не делаешь, а все само за тебя делается, — возразил Берестовский. — К нам это, по-моему, не подходит.

Сергей в порыве благодарности так стиснул руку лейтенанта, что тот жалобно поморщился и сердито затряс побелевшей ладонью.

8

В тот же день Ракитин встретился с Лебедевой — женщиной грузной, круглолицей, с очень живыми и ясными глазами. Расположить ее к разговору не составило труда. Старушка оказалась необычайно радушна и словоохотлива. Рассказала, что она вдова, что сыновья разлетелись по свету, и подробно поведала Сергею о водителе красного «Москвича».

— Охотник он. Ко мне частенько захакивал водицы испить, — тихим грудным голосом рассказывала старушка, разливая по чашкам крепкий чай. Пила она из блюдечка и так аппетитно прихлебывала, хрустела сахаром, что Сергей не смог отказаться почаявничать.

— Но стрелок он никудышный. Часто с охоты ни с чем возвращался. А вот собою видный, обходительный. Приятный, хоть и рыжий.

Сердце Ракитина учащенно забилося: «Рыжий...»

– А на машине, зачем в тот раз приезжал?
 – Да не успела с ним поговорить-то. Выскочил он из оврага, отряхнулся да и дал стрелкача.
 – Один приезжал?
 – Один.
 – Во что был одет?
 – Точно не помню. Знаю, что был в белой сорочке.
 – А имя охотника?
 – Знакомился-то как Виктор... Пестряков, говорит.
 Ракитин чуть не поперхнулся чаем, услышав эту фамилию. Он закашлялся и встал из-за стола.
 – Ох, и крепок у вас чай.
 – Хороший, – так и засветилась старушка.
 – Я тебе, если хочешь, рецепт дам.
 – Спасибо! А почему вы так точно запомнили дату?
 – Да ведь престольный праздник был. Я в тот день в церковь ходила, как раз вдоль оврага.
 Старушка спохватилась:
 – А что это ты все меня пытаешь? Али он что натворил?
 Ракитин пожал плечами. Ему еще нечего было ответить. Лишь попросил о разговоре с ним никому пока не говорить. Пожав на прощанье ее маленькую пухлую руку, он заторопился в городской финансовый отдел: нестерпимо захотелось взглянуть на Пестрякова и под благовидным предлогом кое-что выяснить о нем.
 В райотдел Сергей вернулся в конце рабочего дня. По-мальчишески радовался из-за удачной беседы с Лебедевой и работниками горфинотдела. Мысленно уже рассказывал Шатрову обо всем услышанном сегодня.
 Увидев его в своем кабинете, капитан с надеждой спросил:
 – Есть новости?
 – Есть. И, кажется, очень важные, – возбужденно ответил Ракитин. Присев к столу, он подробно рассказал о Лебедевой. Шатров внимательно выслушал его, а когда тот умолк, задал новый вопрос:
 – А что за человек Пестряков, ты узнал?
 – Все сделано, Серафим Иванович. В горфинотделе ничего плохого о нем не говорят. Даже радуются за него: вот, мол, счастливчик, то холодильник по лотерее выиграет, то часы золотые, то машину... Есть и другие любопытные детали в его жизни – Пестряков, оказывается, большой любитель женщин и кутежей в ресторане.
 – Он что, не женат?
 – Холостяк. Родители живут в Москве... Он хотя и одинок, особняк себе купил. Незадолго

до гибели Тимошковой его видели с ней в ресторане.

Шатров задумался. Густые брови его сошлись близко-близко.

– М-да, – выдохнул он через минуту, снял очки и прищурился.

– Что же получается?

– Получается, что Пестряков должен рассказать нам, куда он второго июля увез Ирину, и что ему понадобилось в тот день в овраге Анютиной рощи.

– Правильно, – согласился Шатров. – Вот теперь можно потолковать с ним обо всем, и откровенно.

– Так я пошел.

– Куда?

– В прокуратуру, к Антонову.

– Поздно уже.

– Ничего. Посоветуемся, и, может, махнем прямо к Пестрякову.

– Ну, уж одни не ходите, – встревожился Шатров. – Мало ли что. Будьте осторожнее!

– Так я Берестовского прихвачу. Да вы не беспокойтесь, все будет нормально.

9

Однако откровенного разговора с Пестряковым не получилось.

Было еще не так темно, когда Ракитин с Антоновым, захватив с собой Берестовского, подъехали на прокурорском «газике» к дому Пестрякова. Особняк выглядел солидно. У крыльца застыли старые липы. Они словно осматривали каждого, кто приближался к нему, словно взвешивали все за и против радужного приема.

«Ничего. Примут», – подумал Сергей. Он вышел из машины и быстрой походкой направился с Антоновым к дому. Берестовский едва поспевал за ними.

Ракитин первым поднялся по ступенькам крыльца, нажал кнопку звонка. За дверью – легкие шаги. Приоткрылся глазок.

– Вам кого? – послышался мягкий мужской голос.

– Откройте, пожалуйста, – попросил Сергей.

Щелкнул замок. Распахнулась тяжелая дубовая дверь. Сомнений у Ракитина не было: перед ним стоял Пестряков – лет тридцати, красивые черты лица, бледно-голубые глаза, тщательно расчесанные на пробор огненно-рыжие волосы...

– Гражданин Пестряков? – все же уточнил Ракитин. – Мы из милиции, – отрекомендовался он, так как вся группа была в штатском.

Пестряков заметно встревожился. Но в следующее мгновение с деланным простодушием спросил:

— Из милиции? Ко мне? Но почему? Антонов вышел вперед.

— Собственно, мы не совсем точно представились. Мои товарищи действительно из милиции, а я — следователь прокуратуры Антонов. Вот мое удостоверение.

Хозяин особняка смерил Антонова изучающим взглядом, однако на его удостоверение даже не взглянул.

— Вы что — пришли меня арестовать?

— Нет, почему же?

— Вас так много.

Лицо Пестрякова было спокойным, но глаза озабоченно перебегали с одного пришедшего на другого.

— Много? — переспросил Ракитин. — Пусть это вас не волнует. Нам бы хотелось кое о чем переговорить с вами.

— Прямо сейчас?

— А вы что — возражаете? Может, вам здесь беседовать неудобно? Тогда перенесем место встречи.

— Нет-нет, проходите, пожалуйста, — Пестряков преувеличенно любезно сделал приглашающий жест. — Прошу... Только извините — я по-домашнему, в пижаме...

— Ничего, ничего, — отозвался Антонов. — Мы с вами и в таком виде потолкуем.

Пройдя просторную, хорошо обставленную переднюю (Берестовский в ней и остался), Антонов с Ракитиным очутились в большой нарядной гостиной. Сергей осмотрелся. Пол весь был покрыт огромным темно-бордовым ковром. В переднем углу стоял черный рояль. Напротив — поблескивал полировкой импортный бар, рядом находился невысокий столик с удобными креслами. На стенах в золоченых рамках темнели картины. У окна, полузакрытого тяжелыми шторами, стоял на ножках включенный телевизор, передавали какой-то веселый эстрадный концерт...

— Хорошо живете, — отметил Ракитин.

Лицо Пестрякова приняло холодное выражение. Он выключил телевизор, опустил в кресло.

— Ну, я вас слушаю.

Антонов сел рядом.

— Это мы хотим вас послушать.

— О чем?

— О Тимошковой.

— А в чем дело?

— Вам разве не известно, что она исчезла?

— Я-то здесь при чем?

— Второго июля, то есть в день исчезновения Ирины, вы увезли ее в своей машине.

— Что-то не помню.

— А пьяного парня с усиками помните? Он разговаривал тогда с Ириной. Может, устроить с ним новую встречу?

Выражение спокойствия исчезло с лица Пестрякова.

— Не надо. Я вспомнил.

Он потянулся к бару за сигаретой.

— Кстати, его расческу-то, зачем взяли? — спросил Антонов, будто из любопытства.

— Да так. Пожалел, что в пыли валялась, — машинально ответил Пестряков, явно сбитый с толку.

— Ну, и куда вы увезли Ирину?

— На вокзал. Собралась на выходной к знакомым.

— И уехала?

— Да. Сам посадил на ленинградский поезд.

— Тогда каким же образом труп Ирины оказался в овраге Анютиной рощи? А рядом — та самая расческа, о которой шла речь?

Пестряков нервно покусывал тонкие губы. Веснушки как будто еще гуще рассыпались по его лицу. Он понял, что попался, и зло ответил:

— Не знаю. Ни в каком овраге не был.

— А вот молочница Лебедева видела вас там.

Глаза Пестрякова вспыхнули от внезапной ярости.

— Это вы про старуху, что ли? Да она из ума выжила. Нашли, кого слушать.

Антонов поднялся с кресла.

— Ну, что же, придется произвести у вас обыск. Не очень-то правдиво отвечаете на вопросы.

Пестряков озадаченно взглянул на него и опустил голову. Сигарета его погасла. Он швырнул ее в пепельницу, дрожащими руками налил из сифона стакан шипучки и с жадностью выпил ее. Лицо его сделалось бледным.

Антонов подошел к Сергею.

— Надо пригласить понятых.

— Хорошо, — ответил он.

Неожиданно за его спиной послышался шорох. Сергей оглянулся. И тут же оказавшийся рядом Пестряков с невероятной силой отшвырнул его на ковер, одним ударом сбил Антонова с ног и, как был в пижаме и тапочках, метнулся в прихожую.

Ракитин вскочил с пола: «Неужели уйдет?». Но Пестряков не ушел. Нарвался на Берестовского. А уж того природа силушкой не обидела. Пестряков только охнул и сразу замер в его железных объятиях.

Сергей бросился к следователю. Тот неловко лежал у опрокинутого столика. Из пробитой головы сочилась кровь.

Ракитин заметался, не зная, что предпринять. Наконец подхватил следователя и потащил к машине. Потом, уже доставив Антонова в больницу, он вернулся в дом Пестрякова и с Берестовским провел там обыск. Настроение у обоих было подавленное. Оба переживали за следователя. Хозяин же дома был спокоен, Добровольно водил их по всем помещениям, сам выдвигал ящики письменного стола, открывал дверцы шифоньера, указывал на многие детали интерьера... И

Лишь когда Ракитин подошел к одной из настенных картин кабинета. Пестряков занервничал, торопливо снова закурил, суетливо попытался привлечь интерес Сергея к иным антикварным вещам. А за картиной оказалась глубокая ниша. Там лежали женские наручные часы «Чайка» и несколько пачек лотерейных билетов. Такие же пачки Ракитин обнаружил и в других укромных местах. Берестовский же обратил внимание Сергея на охотничий нож в ящичке кухонного стола.

10

Ночью Сергей спал плохо, а утром проснулся рано... Вспомнился вчерашний вечер, несчастье с Антоновым, огорченное оканье Шатрова: «Я же просил — быть осторожнее! Как же не остереглись?!».

На душе Ракитина сразу сделалось мутно. А впереди еще предстоял допрос Пестрякова. В том, что этот рыжий тип — убийца Тимошковой, Сергей уже ни минуты не сомневался. Лишь не мог пока осознать, почему Пестряков решил на такое тяжкое преступление, чем ему помешала Ирина?

Ракитин вздохнул, позвонил в больницу и справился о здоровье Антонова. Ему сообщили, что тот чувствует себя уже лучше. Сергей выпил стакан холодного молока с булкой и отправился в райотдел.

Войдя в свой кабинет, Ракитин вызвал дежурному и попросил привести из КПЗ Пестрякова.

Тот держался внешне спокойно, на вопросы отвечал неторопливо, с наигранной улыбкой, как будто ни в чем не считал себя виновным. Кто же время украдкой приглядывался к Ракитину, и Сергей понял, что повозиться с ним придется изрядно.

— Почему вы ударили следователя? — холодно спросил он Пестрякова.

Вот так скорбная мина:

— Так уж получилось. Извините. Пришли вы ко мне в штатском. Вот и подумал: вдруг это липа? Испугался.

— Ну, а Ирину тоже испугались?

— Я же сказал вам, что ничего о ней не знаю.

— Придется предъявить вам кое-что, Ракитин раскрыл папку с материалами, достал бланк заключения экспертизы.

— Мы изъяли в вашем доме охотничий нож. По ширине клинка и по характерной зарубке на нем эксперты сделали вывод, что именно такой нож мог оставить порезы на одежде и теле убитой. Можете ознакомиться с заключением экспертизы.

Пестряков как-то сразу сдал. На лице и на руках его выступили пятна, у губ появились складки, на лбу прорезались морщины... И все же он молчал. Сергею пришлось усилить нажим.

— В салоне вашей машины выявлены следы крови. Резус — отрицательный. Такая же кровь была у Ирины.

Опять молчание. Чувствовалось, что Пестряков лихорадочно ищет и не находит слов.

А часы Тимошковой? Как они к вам попали?

Пестряков затравленно взглянул на Ракитина, и вдруг лицо его оживилось.

— Часы, часы! — с вызовом воскликнул он. — Почему вы знаете, что это ее часы? И потом... Зачем мне убивать Ирину? Мало ли ножей таких, с зарубкой? Мало ли людей с такой группой крови? Кого я только не катал, могли и носом удариться. Вы докажете!

— Ну что же, пожалуйста, — сердито ответил Ракитин. — Мы располагаем паспортом на часы Ирины. Теперь насчет крови... Такая разновидность встречается очень редко... Назовите, кого возили в машине за последнее время?

Пестряков судорожно облизнул губы, пожал плечами:

— Я не помню, — голос его прервался. — И вообще я устал.

Ракитин решил отложить дальнейшие расспросы. Вызвал конвой.

Пестрякова увели, а в комнату быстро вошел Шатров.

Он был угрюм и немногословен.

— Что Пестряков? Упирается?

— Еще как, — тоже невесело отозвался Ракитин. — Зачем, мол, ему убивать Ирину...

Шатров присел к столу Сергея.

— И правда — зачем? Не на часы же польстился? Сдается мне, что за этим убийством еще что-то скрывается...

— А знаете... — Сергея даже бросило в жар от осенившей мысли. И он заторопился высказать ее: — При повторном обыске в доме Пестряков вел себя не очень беспокойно, даже тогда, когда мы нашли его нож. А вот при виде лотерейных билетов заерзал и в лице изменился. Их

у него было несколько пачек — на пятнадцать тысяч рублей! Кто же на такую сумму купит? Не похитил ли в сберкассе? Не без помощи Ирины, конечно. Потом они в чем-нибудь не поладили, и он разделался с ней.

— Вот насчет Ирины ты, по-моему, перегнул, — возразил Шатров. — Девушка-то, говорят, была скромная да честная.

— Ну и что? Вдруг она влюбилась в Пестрякова? А влюбленные все могут. Я где-то читал, что в глубокой древности одна китайская принцесса вывезла из страны шелковичных червей, запрятав их в цветы на шляпе. Червей отдала своему возлюбленному, индусу. Так был вывезен шелк из Китая, а вы говорите...

Шатров улыбнулся.

— Да... Звучит весело!

Лицо его снова сделалось серьезным.

— Только я тебе на это вот что скажу... Принцесса принцессой, а то обстоятельство, что Пестряков так занервничал при изъятии лотерейных билетов, это уже кое-что для нас. Молодец, заметил.

Шатров потер подбородок.

— Может, и впрямь билеты похищены? Как работник городского финансового отдела, он имел к ним доступ. А Ирина могла заметить. Вот и конфликт?.. Мне думается, эту версию надо проверить. Помнишь, хозяйка Тимошковой упоминала о том, что Ирина кому-то писала о лотерее?.. Не Павке ли? Все-таки долгое время дружили.

— Его фамилия Бойчин, — сказал Ракитин. — Берестовский уже установил его адрес. Не знаю, что я делал бы без этого трудяги лейтенанта.

— Да, работник что надо, — согласился Шатров. — На вид медлителен, а глядишь — всюду успел!.. И ты не откладывай с Бойчиным.

— Так ведь он в экспедиции был. Лишь вчера вернулся.

— Вот и вызывай в отдел.

— Это только время терять, — засобирался Сергей. — Я сейчас сам к нему, мигом.

11

Бойчин жил в общежитии института, где учился на четвертом курсе. Общежитие находилось на окраине города, неподалеку от речки Ильмы.

Этот район ходил автобус, но Ракитин пошел пешком. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями: что-то скажет Бойчин, как-то его встретит?

Был уже первый час дня. Погода стояла отличная. Солнце висело высоко, но пригревало не жарко. С Ильмы дул тихий ветерок.

«В такую погоду отдыхать бы где-нибудь на рыбалке», — подумал Сергей.

Он вздохнул, прибавил шагу. Добравшись до пятиэтажного корпуса общежития, Сергей вошел в подъезд. В полутемном вестибюле над столиком дежурной висела табличка: «Посторонним вход воспрещен». Пожилая, толстая дежурная вышла из-за столика навстречу Ракитину.

— Вы куда? К кому?

Сергей объяснил, кто он и зачем пришел. Дежурная с сомнением пожала плечами:

— Не знаю, здесь ли он... Пройдите на пятый этаж. Там есть кто-то с четвертого курса.

Ракитин поднялся на пятый этаж, нашел нужную комнату и постучал. Дверь приоткрылась.

— Вам кого?

На Сергея с интересом смотрел невысокий, смуглый и чуть кудрявый паренек, с большими карими глазами.

— Мне Бойчина!

— Это я, проходите, пожалуйста, — паренек жестом пригласил Сергея в комнату.

Бойчин не показался Сергею «непутевым». Одет был опрятно. Спокойно встретил его испытующий взгляд.

— Признаться, не понимаю, зачем я понадобился вам, — откровенно удивился он, бегло взглянув на удостоверение Ракитина. — Я все лето был в экспедиции...

Бойчин предложил Сергею стул, но сам остался стоять. Услышав, что к нему пришли в связи с Тимошковой, удивился еще больше.

— А в чем дело?

Ракитин сел и, чуть помедлив, пояснил:

— Нам бы хотелось уточнить, какие у вас взаимоотношения с Ириной. Узнать, давно ли вы знакомы и что она за человек.

— Сней что-нибудь случилось? — с тревогой спросил Бойчин. И Сергею сразу стало ясно: парень не знает о смерти Тимошковой.

— Вы перестали встречаться. Почему? — уклонился он от ответа.

В комнате наступила томительная тишина. Взгляд Бойчина стал потухшим. Затем он нехотя протянул:

— Мы поссорились из-за одного типа. Они знакомы по работе. — Неожиданно в его голосе прозвучало раздражение: — Зачем вам все это?

— Надо, поверьте. Так что расскажите подробнее, пожалуйста. Вы уж извините, — как можно мягче сказал Сергей. Ему было понятно состояние парня. Кому приятно откровенничать с чужими людьми?

Бойчин вздохнул, провел рукой по лбу и начал рассказ. По его словам, они с Тимошковой воспитывались в детдоме. Оба рано

потеряли родителей, оба книголюбы. На этой почве незаметно для себя и сдружились. Как-то вечером, купив билеты в кино, он зашел за Ириной домой. А ее не было. Вернулась поздно. Сказала, что засиделась у подруги. А потом он узнал, что не у подруги, а в ресторане была со своим знакомым — Пестряковым. Это огорчило его, но они продолжали встречаться. Правда, день ото дня Ирина становилась все молчаливее и задумчивее, словно что-то мучило ее. Он попытался развеселить Ирину, предложил сходить в ресторан, потанцевать. Но она наотрез отказалась. Из-за этого даже поссорились. А потом он уехал в экспедицию.

Рассказ Павлика заинтересовал Ракитина. После небольшой паузы он спросил:

— Как думаете, почему она вдруг так изменилась?

Бойчин молчал, собираясь с мыслями. Глаза его потемнели.

— Наверное, из-за Пестрякова, — наконец тихо выдал он.

— Почему так считаете?

Бойчин печально улыбнулся.

— Потому, что по-настоящему втрескалась в него. Боялась, что не пара ему. Мол, образованный, красивый, занимает солидное положение и все такое прочее. Но это глупые страхи. Он сам ее недостоин.

— Почему?

— Да обыкновенный хлыщ! Вы бы знали Ирину! Душа у нее чистая и светлая. А он — просто закружил ей голову, жулик.

Бойчин вздохнул. И Ракитину стало ясно, что дружба его с Ириной давно переросла в затаенную любовь.

— Вот вы назвали Пестрякова жуликом. Почему? Вам Ирина что-то говорила о нем?

Бойчин помедлил с ответом.

— Как вам сказать... После ссоры она написала мне о своих подозрениях в отношении него, спрашивала совета, как ей поступить... Да я уже уехал в экспедицию, и письмо мне передали только вчера.

Он прошел к письменному столу, выдвинул ящик, достал из него слегка помятый конверт.

— Вот взгляните, что она написала о нем.

Ракитин посмотрел на подпись: Тимошкова. Датировано вторым июля. Он почувствовал, как внутри все напряглось.

Пока Сергей читал письмо Ирины, Бойчин молчал и расстроено смолил сигарету за сигаретой.

— Видите, каков он оказался на деле! — с ненавистью воскликнул Бойчин, как только Ракитин дочитал письмо. — Жулик и есть.

Бойчин умолк и, подумав несколько секунд, спросил:

— Наверное, не дождавшись моего совета, Ирина направилась прямо к вам? Вы поэтому ко мне пришли?

Сергею было больно говорить ему правду.

12

...Ракитин вышел из общежития на улицу и остановился в раздумье. Хотя еще два часа назад он сам высказал идею о том, что Пестряков похитил лотерейные билеты, все-таки письмо Ирины к Бойчину, подтверждающее эту версию, явилось для него неожиданностью. Необходимо было срочно вновь побывать в центральной сберкассе и навести там соответствующие справки. А выйдя из сберкасси, он поспешил к Шатрову.

Капитан стоял у раскрытого окна и просматривал на свет лотерейный билет. Услышав стук двери, он обернулся.

— А-а, это ты, — Шатров убрал в карман костюма билет, снял очки и прищурился. — Что такой взмыленный?

— Да вот, побывал в центральной сберкассе. Оказывается, Пестряков постоянно назначался членом комиссии по уничтожению непроданных лотерейных билетов.

— И что из этого следует?

— Очень многое, Серафим Иванович! Знали бы вы, как уничтожаются такие билеты. Они в посылках поступают из районных сберкасс в центральную и учитываются не по реквизитам — номер, разряд, серия, а по количеству. Вот вам и лазейка для хищения! Понимаете?

— Пока нет, — Шатров протер носовым платком стекла очков, водрузил их опять на нос, прошел к своему столу, сел за него, широко расставив локти, и приготовился слушать.

— Давай. Просвети.

— Пожалуйста! — Сергей поставил стул сбоку стола и тоже сел.

— Посылки с непроданными билетами приносят в кабинет, где работает комиссия. Потом билеты передают на пресс для прокола, пересчитывают и сжигают. Теперь ясно?

— Не совсем. То, что делается это уж очень упрощено, мне понятно. Но ты с чего начал? Упомянул Пестрякова и связал его имя с возможным хищением билетов.

— Не с возможным, а с совершенным хищением.

— У тебя есть факты? Как это ему удавалось?

— Очень просто. Во время работы комиссии он сбрасывал часть билетов в корзинку у сто-

ла. Оставшиеся билеты прокалывал на прессе и называл их количество в соответствии с описью посылки. После работы комиссии забирал билеты из корзины.

Шатров недоверчиво сдвинул брови и откинулся на спинку стула.

— А ты, случайно, не фантазируешь? Кто тебе об этом рассказал?

— Сама Тимошкова! Она заметила манипуляции Пестрякова с билетами. Сначала растерялась, а потом попыталась воздействовать на его совесть, но тот отшутился. И тогда написала обо всем Бойчину, спрашивала совета, что ей делать, как поступить. Хотите, прочту ее письмо?

Ракитин открыл принесенную с собой папку, достал из нее письмо Ирины. Шатров слушал молча и все больше хмурился. Как только Сергей закончил читать, капитан встал из-за стола. Заметно волнуясь, раскурил папиросу и начал медленно прохаживаться по кабинету. Затем вдруг резко повернулся к Ракитину:

— А мы-то ломали голову. Теперь ясно, почему он решился на убийство. Ну, сейчас ему не выкрутиться!

— Да, свидетельства у нас серьезные. Да только вот письмо Ирины — пока лишь косвенное доказательство, Пестряков будет отказываться.

— А мы с тобой на что? Я тут без тебя билетик один купил. Лотерейный. Естественно, поинтересовался, что он собой представляет, как в случае выигрыша произвели бы его оплату... И что выяснилось? Билет оказался надписанным. Это во-первых, а во-вторых, в случае крупного выигрыша билет будет направлен в Москву с указанием имени, отчества, фамилии и домашнего адреса владельца... Ты говорил, что в доме Пестрякова вы нашли лотерейные билеты разных выпусков. Значит, надо послать запрос на фабрику Гознак, чтобы установить, в какие районные сберкассы они были направлены для реализации. Запросить Москву — не значит ли Пестряков в числе получивших крупные выигрыши? Куда ранее направлялись для продажи, предъявленные им билеты? Ведь нам что важно узнать? Из каких посылок они похищались...

— Может, заодно опросить всех работников сберкасс, не оставляли ли они на непроданных билетах каких-нибудь пометок?

— Правильно мыслишь, — согласился Шатров. — И надо отправить письмо Ирины на почерковедческую экспертизу. Прокурор поручил все неотложные следственные действия, пока Антонов в больнице, провести нам. Так что — за дело!

И Ракитин начал действовать. Ответы на запросы пришли быстро. Москва сообщила о

том, что Пестряков выиграл в лотерее автомобиль «Москвич», холодильник и мотоцикл. Указывались районные центры реализации билетов. Поступило сообщение и о денежных выигрышах.

Неутомимый Берестовский, выполняя поручение Ракитина, в одной из районных сберкасс города установил, что часть лотерейных билетов, обнаруженных у Пестрякова, значится непроданной и возвращенной в центральную сберкассу для уничтожения. Так уж случилось, что работницы сберкассы любопытства ради записывали номера и серии непроданных билетов, — выиграют ли? Некоторые и выиграли! По ним, как теперь выяснилось, Пестряков и получил машину и другие ценные вещи.

Графологи же подтвердили, что письмо написано самой Тимошковой. Теперь можно было продолжать допрос Пестрякова. И Ракитин поехал в следственный изолятор.

Пестряков старался держаться спокойно. В нем еще теплилась надежда на облегчение своего положения. В комнату для допроса вошел с кривой улыбкой, развязно опустился на стул. Но небритое лицо его было измученным, как от бессонницы, в глазах был тревожный огонек: что-то еще стало известно этому дотошному оперу, чем он располагает?

— Ну, нашли, чем мне не угодила Ирина? — спросил он нарочито насмешливо.

— А как же, — спокойно ответил Сергей. — Девушка была для вас опасным свидетелем хищения лотерейных билетов.

Пестряков вздрогнул. Он полагал, что никто никогда не докопается до истинного мотива убийства Тимошковой.

— Что вы сказали? — прошептал он осевшим голосом и покачнулся на стуле.

Ракитин молча подал ему фотокопию письма Ирины к Бойчину.

Пестряков впился глазами в текст. На лбу его выступили капельки пота, губы сжались...

На какое-то мгновение в кабинете воцарилась тишина.

— А теперь я вас хочу послушать, — сказал Ракитин, как только растерявшийся Пестряков прочитал текст письма. — Будете говорить?

Тот словно окаменел, отсутствующим взглядом смотрел куда-то мимо Ракитина. Наконец он вышел из оцепенения, с криком вскочил со стула:

— Письмо еще ничего не доказывает! Это оговор! Я тратил свою зарплату на билеты!

Но у Сергея уже были заготовлены все необходимые документы: справки Посылторга, фабрики Гознака, показания работниц сберкасс. Их и предъявил Пестрякову, как неопровержимые доказательства.

Пестряков тяжело сел. Только теперь он понял, что от возмездия ему не уйти, и срывающимся, сдавленным голосом спросил:

– А если я все расскажу? Признаюсь, как было... Мне сохранят жизнь?

Сергей смотрел на его застывшую фигуру, потное лицо, дрожащие руки и вспоминал образ Ирины с фотопортрета: ее восторженные глаза, жизнерадостную улыбку, вспоминал и ее удивительные лирические стихи о счастье, о любви, о чести. И с недоумением думал: что она могла найти хорошего в таком жалком существе, как Пестряков?

Ракитин поморщился, с трудом отогнал от себя неприятные мысли и сухо ответил ему:

– Никаких гарантий вам дать не могу. Все будет решать суд. Ну, будете говорить правду?

Пестряков уныло уставился в пол.

– Да что уж тут говорить... Так и было, как вы сказали... Ирина заметила, что я сбрасывал билеты. И когда мы остались одни в кабинете, все уговаривала вернуть их комиссии.

Он вскинул голову, криво усмехнулся:

– Вернуть билеты! Как будто это могло меня спасти. Начались бы вопросы: что да почему? Вспомнили бы о «Москвиче» и мотоцикле. Ведь в понятии всех я был счастливчиком... Нет, – протянул он, – оставалось только все отрицать. Ирина сразу замкнулась. Я понял, что не смог разубедить ее, и тогда решил...

Пестряков неожиданно умолк. Глаза его лихорадочно заблестели, и Ракитин подумал: «Ну вот, из шокового состояния он уже вышел, сейчас опять начнет выкручиваться».

– И что же решили? – быстро спросил Сергей.

– Пойти к вам с повинной... Я договорился с Ириной и захватил ее с собой... Под впечатлением ссоры с Гариком – так, кажется, его зовут – она и мне наговорила дерзостей. Я что-то резко ответил Ирине, и она ударила меня. Я защищался!..

«Ишь ты, что придумал!» – нахмурился Сергей. Он ожидал от него какого-нибудь другого хода, но и против этого ему было что возразить.

– Значит, защищались? Охотничьим-то ножом? Ударами в спину? Вы же его с собой в машину заранее взяли. Ведь не на охоту ехали!

– Я постоянно хранил его в машине.

– Опять неправда. Ваша домработница нам сказала, что всегда держала его на кухне, пользовалась им для разделки мяса и рыбы... Нет, Пестряков, оба преступления вы совершили преднамеренно, обдуманно, хладнокровно. Уговорили Тимошкову поехать с вами, якобы в милицию, и в тихом безлюдном местечке убили. Я не слишком отклонился от истины?

Пестряков, не поднимая глаз, молча кивнул. Приумолк и Ракитин. Все раздумывал: как мог этот образованный, занимающий солидное положение человек пойти на такие тяжкие преступления?

– Что же толкнуло вас на это? Разве в чем-нибудь нуждались?

Пестряков вскинул голову, посмотрел на него долгим взглядом и устало выдохнул:

– Так уж получилось.

– А все-таки?

– Быть у огня, да рук не согреть?... Сначала, конечно, и в мыслях не держал, чтобы польститься на эти проклятые билеты... Для интереса покупал их понемногу... Потом завидно стало: другие, смотришь, все выигрывают, а я и впрямь оказался рыжим. Захотелось тоже – машину занять, больше денег, чтобы, знаете, с шиком пожить. Вот и стал приглядываться к актируемым билетикам, – Пестряков незаметно для себя увлекся. Глаза его заблестели. – А они, понимаете ли, тысячами через руки плывут! Так и липнут, так и соблазняют. Подвернись подходящий момент – и они твои!..

Пестряков вздохнул.

– Ну, что же вы замолчали? – суровым тоном спросил Ракитин. – Продолжайте!.. Значит, билеты к вам так и липли. А Ирина заметила. И что же вы сделали?

– Зря, конечно, руку на нее поднял. Да ведь ни на какие посулы не шла... Отъехали мы немного от остановки, и я предложил: давай, мол, к Анютиной роще свернем, поговорим еще. Она согласилась. Там, у рощи, и ударил ее ножом... Прямо в машине...

– А Ирина любила вас. Беспокоилась за вашу судьбу...

Пестряков побледнел, отвернулся.

– Ну, а часы-то, зачем с нее сняли? – спросил Ракитин.

– Не пропадать же добру, – глухо ответил Пестряков.

...Когда Сергей вышел на улицу, горькое чувство от разговора с Пестряковым несколько растаяло. Он закурил и не спеша двинулся к отделу. Уже темнело. Под ногами шуршали опавшие листья. И в их шорохе, в быстро сгущающихся сумерках и остывающем воздухе чувствовалось приближение осени.

«Как быстро пролетел месяц!» – подумал Сергей, прибавляя шаг.

Он вошел в отдел и сразу направился к Шатрову. Тот был еще у себя. Сидел за своим рабочим столом, низко склонившись над бумагами, и красным карандашом делал в них какие-то пометки. Увидев Ракитина, он поднял голову, выжидающе посмотрел на него...

– Все, Серафим Иванович, Пестряков признан, – выдохнул Сергей.

– Сразу?

– Какое там! Весь фальшив, как коронка Ирины. Взгляните-ка на его показания.

Шатров поправил очки и начал внимательно читать протокол допроса.

– Значит, пожалел, что не знал о письме Тимошковой, – сказал он, отложив на минуту протокол.

– А мне думается, что если бы и узнал, то все равно расправился бы с Ириной, – возразил Сергей. – Ведь заявил же он мне, что ему важно было избавиться от живого свидетеля хищения билетов, а в своей изворотливости на случай следствия он, мол, и не сомневался.

– Да... Тяжелый экземплярчик тебе попался, – протянул Шатров, закончив читать. – Признаться, я сначала беспокоился за тебя: справишься ли с заданием? Больно скорым да нетерпеливым мне показался...

Ракитин покраснел, насупился.

– Ну-ну, – добродушно улыбнулся Шатров. – Я и говорю, что ты молодчага... Кстати, об учете лотерейных билетов, – снова посерьезнел он. – Надо будет подготовить совместно с прокуратурой соответствующее представление о нем. В этом важном государственном деле не должно быть ни малейшей зацепки для жуликов... А теперь иди отдыхай.

Шатров подошел к окну, задернул шторы. Потом вернулся, включил настольную лампу и опять склонился над бумагами.

КОГДА НЕТ СЛОВ...

С писателем из Ангарска Владимиром Мешковым я познакомился в тот самый день, когда он получил кличку, прикипевшую настолько глубоко, что превратилась со временем в его творческий псевдоним.

Случилось это в первый день в Москве, куда мы приехали поступать на заочное отделение Литературного института. В тот день никто никого еще не знал по имени, а он, натянув на тело старую тельняшку, стремительно рассекал воздух и перемещался по этажу студенческого общежития, примыкая то к одной группе ребят, то к другой, и, казалось, готов был, проходя мимо, смахнуть усами с подоконника всякий забытый окурочок.

И уже не кажется странным, что в разных комнатах, ребята, не сговариваясь, пришли к выводу, что вот этот «мужик лет сорока, с вороватым взглядом, густыми усами и в тельняшке» – и есть тот самый Матроскин, о котором только что говорили соседи.

Ему действительно было сорок лет, и на курсе он оказался из мужчин самым возрастным. Разумеется, что и как личность, и как писатель, был Владимир Робертович на тот момент самым сложившимся.

– Талантлив Володька невероятно! – говорил о нем пару дней спустя во дворе института самый

близкий его земляк, тоже ангарчанин Михаил Прокопьев. – И если бы не пил на убой, наверняка давно добился бы признания.

В самом деле, пристрастие Мешкова к алкоголю переходило все разумные границы, и мы, его друзья, лишь поражались тому, как безудержное употребление всегда сходит ему с рук.

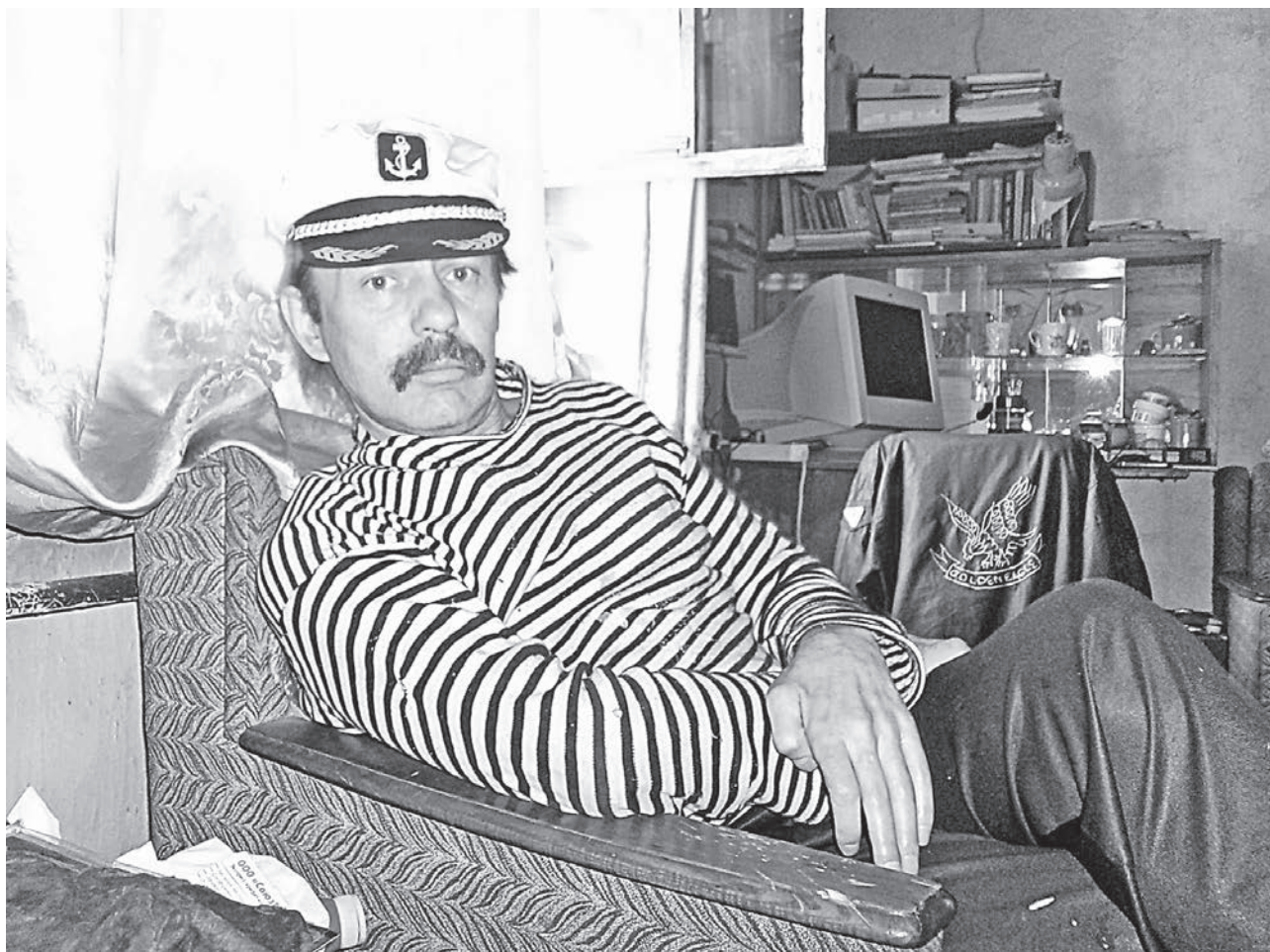
На первый вступительный экзамен Володю принесли земляки: тот же Прокопьев и иркутянин Турханов. По дороге он упал и заснул прямо на станции метро. И продолжал спать, сидя за столом в аудитории, меньше всего думая о необходимости сочинить и написать за четыре часа творческий этюд. Спустя час, наконец, проснулся, и спросил у меня через проход: «Где мы?» Я коротко объяснил, указав ему шесть тем сочинений, записанных на доске. Володя пошевелил усами, с минуту подумал и бросился строчить рассказ так стремительно, что вышел из аудитории самым первым, еще до окончания отведенного времени.

Вечером в общежитии обсуждали темы: кто какую выбрал? Оказалось, что Мешков взял «У них в Америке». И написал про фермера, героически пытающегося выращивать в родной Сибири морозостойчивые сорта яблок. А когда к фермеру являлись журналисты и пытаются говорить с ним в ироничном тоне, приводя в пример то Европу, то

Владимир был человеком с открытой душой

Его прозвали Матроскин из-за этой тельняшки

Америку, он лишь отвечает им: «Да что мне ваша Америка? Вы моих, домашних, попробуйте».

Писал Владимир очень быстро, мгновенно схватывая сердцевину темы, и придавая ей художественную законченность с первого же черновика. Однажды мы с ребятами подобрали потерянный Мешковым блокнот, и, разбирая каракули, поразились, что в них нет не только грамматических ошибок, но и сам текст, почти без правки, можно сдавать в типографский набор.

Так же легко давалась ему и клавиатура, несмотря на то, что он впервые сел за компьютер, будучи уже старше тридцати лет от роду. И, в то время, когда многие из нас по старинке писали черновики рукой, переноса на компьютер лишь чистовик, Володя легко набирал сразу, экспромтом.

Поражало меня в нем и умение ориентироваться в пространстве. Москва для приезжего, сплошь изрезанная кривыми улочками и переулками, была ему понятна, словно чертеж опытному инженеру. Вынырнув из метро, он озирался несколько секунд, шевелил усами, будто муравей, ловающий отражения звуковых волн, и стремительно бросался именно туда, куда требовалось.

И все это – несмотря на нескончаемое пьянство, которое, до определенного момента придавало ему особый шарм. В небольшом подпитии он становился душой компании, бывал неотразим как кавалер и собеседник, сыпал историями и шутками, блистал начитанностью и эрудицией, и вообще – производил очень благоприятное впечатление. К сожалению, то ли из-за худобы и малого веса, то ли от низкой алкоголеустойчивости – пьянел слишком быстро. И фаза блеска за столом всего за полчаса сменялась стадией занудства. Володя начинал цепляться к словам, спорить до скандала, тянуть одеяло беседы на себя... Отчего, несмотря на всеобщую любовь, «плотно выпивать» с ним почти никто на курсе не стремился.

Я сказал о кличке, однако творческим псевдонимом она стала лишь год спустя, когда фамилия Матроскин обрела имя Александр. На первую сессию второго курса Мешков приехал с недозажившей после перелома ногой и палкой, неловко опираясь на которую, несколько раз едва не сломал себе шею. В ту сессию многие ожидали от него отчисления, настолько безобразно выглядел Володя на зачетах и экзаменах; он же, будто в насмешку,

сдал экзамены самым первым и раньше всех уехал домой.

Собравшиеся вокруг ребята выпивали, не обращая на бездыханное тело в углу внимание. Но, наполняя рюмки, все же не забывали крикнуть: «Матроскин, пить будешь?» И тело всякий раз поднималось, кивало головой и протягивало руку за стаканом. Даже не открывая при этом глаза. Стакан подавался, запрокидывался в рот, и Матроскин падал на прежнее место. И когда это повторилось в шестой раз подряд, кто-то из ребят заметил, что в действиях нашего друга просматривается упорство, достойное героя. «Прямо Александр Матросов!» – восхитился кто-то. И наутро, когда Владимир проснулся, ему сообщили, что за мужество в борьбе с Зеленым Змием, он теперь не просто пренебрежительный «Матроскин», а достойный «Александр Матроскин». В ответ Мешков пообещал привезти на следующую сессию рассказ, в котором кличка его будет обыграна.

И – действительно привез. Рассказ назывался «Рождество Матроса» и рассказывал про пса, оставшегося на старости без хозяев брошенным на улице. Рассказ сразу был опубликован в «Московском литераторе», номер с ним вывешен на институтской доске объявлений, а наш ректор Сергей Есин во всеуслышание заявил: «Если этот

автор даже больше ничего не напишет, защита дипломной работы будет ему обеспечена».

Это было торжество и признание. И, если до этого в отношении к Мешкову доминировало все-таки насмешливое отношение, то после – даже самые упертые недоброжелатели согласились с тем, что Владимир Мешков – настоящий русский писатель.

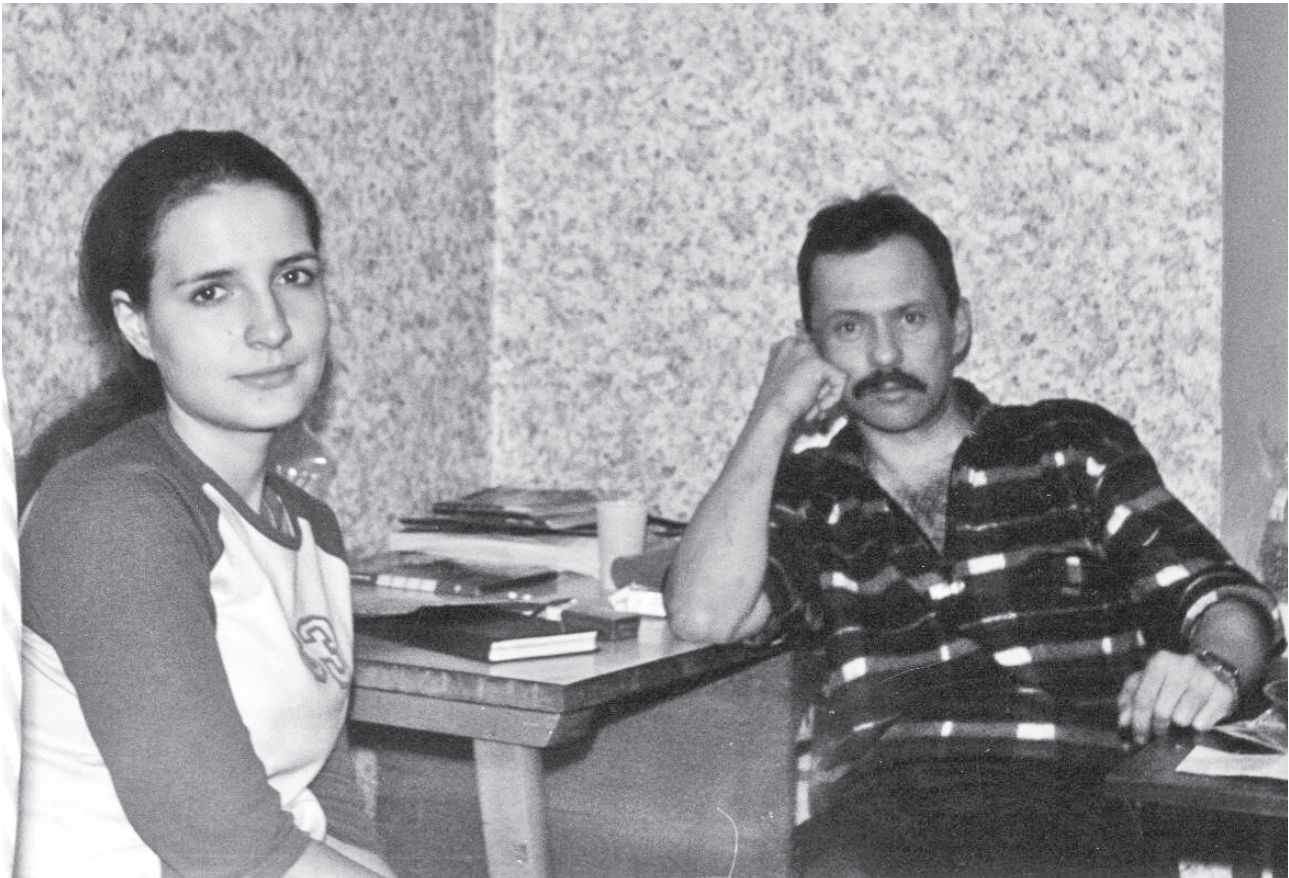
Вообще как писатель Мешков оставлял неоднозначное впечатление. На мой взгляд, ему очень удавались пейзажи и вообще – зарисовки, сразу создающие атмосферу повествования. Неплохо всегда продумана и композиция: концы с концами сходились, белые нитки не торчали.

При этом и воображение у него работало чрезвычайно живо. Что бросалось в глаза даже при поверхностном общении с ним.

На экзаменах никто лучше Матроскина не умел доказать преподавателям, что знает билет, ничего при этом, по существу не рассказав. Если же о чем-то рассказывал, создавалось впечатление, что Владимир видел все собственными глазами. Ну, а уж известные личности, звезды эстрады и кино – так те и вовсе как будто ним не раз выпивали.

Как писателю Мешкову это чрезвычайно шло. Иначе: какой же писатель без воображения? Ре-

В общежитии Литинститута

бятя с курса даже придумали про него поговорку: «Если Матроскин в течение одной фразы дважды не соврет – почитай, что зря рот раскрывал». Фразу, двусмысленную как обоюдоострый меч. Потому что художественные наклонности Владимира в общении оценить могли далеко не все. В этом плане очень интересно свидетельство нашего однокурсника Евгения Вяткина, съездившего в гости к Мешкову через пять лет после окончания Литинститута и вместе с ним совершившего трехдневный поход по берегу Байкала с ночевками в палатке под проливным дождем.

«Была у меня потайная цель, проверить на месте: врал Матроскин, когда рассказывал свои многочисленные байки о Сибири, Ангарске и Байкале? Потому что все говорили: Матроскин – трепло! Так вот, теперь я тебе скажу: Матроскин – не трепло! И все, о чем он рассказывал – правда!»

Итак, Мешков схватывал на лету, обрабатывал мгновенно и тут же придавал изделию готовый товарный вид. Наверно, в этом было его главное достоинство. Хотя, мне иногда кажется, что в наши дни так пишут довольно многие. Успешные авторы

потому и успешны, что пускают мысли на самотек, никакой коррективы не производя. Оттого у них часто и получаются мыльные романы там, где следовало бы ограничиться коротким рассказом.

В этой черте – и сила и слабость художественного метода Мешкова. За время знакомства я прочел больше десятка его рассказов. И в большинстве случаев мне казалось, что, мчась, будто охотник за сюжетом, он часто теряет из виду очень интересные повороты, которые могли бы придать его рассказам дополнительный объем. Я не могу сказать, что Вовка это упускает, но как-то... приземляет, что ли?

Это – черта всей манеры изложения Мешкова. И, как ни странно, эта черта очень органична самому Володьке в жизни. Будучи чрезвычайно начитанным, готовым пересказать едва не всю мировую классику... Способным зацепиться за любую тему, к любому диалогу примкнуть... Но за всем этим все время стоит хоть и сложная, но какая-то недостроенная конструкция, как будто одно здание строят с разных сторон сразу несколько архитекторов, и оно в какой-то момент застывает – брошенное и не доделанное. Остановись Мешков на мыльных рома-

Он любил играть на гитаре

На Ангаре

нах, не задавайся глубокими идеями – и, глядишь, жизнь его пошла бы проще и круче в гору успеха.

Однако «в мыле» ему было тесно; на самом деле Мешкова всегда терзали философские идеи, которые он пытался поднимать, но по ходу бросал не доведя до логического завершения.

В его рассказе «Попытка номер Икс», написанном значительно позже, в 2011 году, есть такой абзац:

«Я знаю точно, что весь наш мир, тот который мы считаем единственно существующим, на самом деле грандиозный обман. Злая шутка. Но ни при чем здесь ни Господь Бог любой конфессии, ни Судьба, ни мифический Высший разум. Все много проще. Мироздание, оно само в себе. Оно и лаборатория, и лаборант, и предмет исследования, и исследователь. Нет никакого Большого взрыва, расширения или сжатия. Есть только Жизнь, она же Смерть, инь и ян, свет и тьма. А мы, люди, возомнившие себя венцом мироздания, на самом-то деле всего лишь продукт жизнедеятельности Жизни, причем, близкий к отходам этой самой деятельности».

Очень глубокий, часто повторявшийся в разговорах образ, толком, однако, так Мешковым и

не осмысленный. Одежды пророка, оказавшиеся сильно не по размеру, и оттого заставляющие разум автора страдать и метаться.

Все это удивительно напоминает жизнь, которой он жил. По крайней мере, в Саранске. Где он написал летом 2005 вот такое стихотворение:

*Когда нет слов...
Но хочется душе порвать груди тюремную
решетку...
Когда нет слов...
Но чувства, в кураже, петлю
перехлестывают глотку...
Когда нет слов...*

*Но взгляд пронзает мир, и видишь все,
И принимаешь сердцем.
И понимаешь: нет ума и сил,
И нет блаженства – снова стать младенцем...
Когда нет слов...
Все в мире языки перебери – все плохо,
просто вон из рук...
Нет радостней, мучительней тоски,
И нет желанней, и прекраснее нет мук.*

С поэтом Сергеем Казновым

Стихотворение, по-моему, еще ждущее своего анализа и осмысления. И, во всяком случае – говорящее о Мешкове гораздо больше, чем смогли бы сказать многие критики. Ведь в нем, кроме восторга, еще и обозначено собственное бессилие, несмотря на огромный словарный запас. Мешков всегда чувствовал больше, чем умел высказать, и это, как мне кажется, разъедало его душу даже сильнее чем страсть к алкоголю.

В жизни он был таким же, как и в творчестве. Умел найти работу, но вечно вылетал с нее, сорвавшись в запой. После чего брался за ум, шел устраиваться на новую, и – процесс шел на новый круг развития... В смысле: на тот же самый, только на новом месте.

В Саранске он был трижды: летом 2005 года прожил два с половиной месяца; еще два месяца в самом начале 2007; и, наконец, два с половиной года с июля 2007 по ноябрь 2009. За это время я успел убедиться, что фраза «дважды в одну реку не войдешь» к другу моему не относится. Уникальность хождения по одному и тому же кругу и наступания на одни и те же грабли превышали все разумные пределы!

По возвращении в Ангарск в 2009 Мешков устроился на работу – оклейщиком рекламных щитов. И здесь собирался ступить на прежнюю стезю: получив зарплату, уйти в запой и пить, пока не уволят. Но на этот раз стезя оборвалась раньше, чем он привык: неожиданно и драматично. Получив эту самую зарплату, Володя решил обмыть ее в кругу новых товарищей по работе. Но потерял осторожность и ввязался в драку: один из собутыльников вытащил нож. Володя стал отбиваться, но насадил при этом на нож правую руку, перерезав на ней сухожилия, в результате чего остался до конца дней инвалидом...

Был суд; нападавшему присудили какой-то штраф, но еще до суда он начал выплачивать Мешкову деньги на лечение и содержание. А после суда Владимиру и вовсе назначили пенсию.

В разговоре по телефону он тогда сквозь смех говорил: «Зато могу теперь вовсе не работать! Пенсия хоть и маленькая, но с голоду не помру. А что правая рука не действует – так я и левой могу стакан поднять!»

В последние годы мы общались по телефону. Правда, со временем он обзавелся и компьюте-

ром, и интернетом, но последний все чаще оказывался отключен за неуплату. Да и телефон по той же причине нередко бывал «временно недоступен».

Не скажу, что Мешков совершенно не боролся с течением, все сильнее сносившим его в старческое одиночество. Несколько раз летом с какими-то местными любителями туризма он отправлялся в Саяны, откуда привозил и выкладывал в соцсетях довольно приличные фотографии. По осени устраивался в родную «фазанку» – преподавателем электротехники... Словом, старался разнообразить жизнь, как умел. Уходил в завязку на месяц, два. Потом снова срывался в запой...

Писал ли что-нибудь? Думаю, что писал. Со всем не писать такой человек не мог. Хотя, о написанном не рассказывал.

Из-за разницы во времени мы созванивались не часто. Но диалог поддерживали. В последний раз говорили месяца за три до его ухода. Тогда он вновь устроился преподавателем...

А в начале ноября неожиданно пропал. Когда, заподозрив неладное, соседи вызвали МЧС, и те вскрыли комнату, тело Владимира предстало им

лежащим рядом с дверью. Инсульт избавил его от страданий медленного угасания.

Покинутый, никому не нужный, маленький, одинокий человек. Талантливый, бесшабашный и совершенно беззлобный.

Вот это стихотворение он написал весной 2005 года:

*Во что нас после жизни превратят?
Расскажут – как газету прочитают.
Присочинят, побрекут, подлатают.
По полочкам разложат...
и простят.
И будем мы из полок тесноты
Смотреть...
Академически смотреться...
И удивляться – как же наше сердце
Вместить сумело столько теплоты?*

И теперь, прощаясь, хочется верить, что я присочинил, побрил и подлатал Владимира все-таки не очень сильно. И глядя «из полок тесноты», он не слишком обидится на меня за написанные о нем строки.

Стас НЕСТЕРЮК

Владимир МЕШКОВ

Родился в 1961 году в Ангарске Иркутской области. В юности увлекался поэзией, писал под псевдонимом Михаил Вэр, перейдя на прозу, начал подписывать ее своим настоящим именем. Многие годы работал журналистом в родном городе. В 2001 году по личной рекомендации Валентина Распутина поступил на Заочное отделение Литературного Института имени А.М.Горького, который окончил в 2008 году. Умер в 2018 году.

РОЖДЕСТВО МАТРОСА

Канун Рождества выдался теплым и светлым. Тучи над городом не умаляли свет. Из их недр на мир, на дома и парки падали чистые и легкие, крупные хлопья снега. Все было светло и чисто. По-особенному светло, как бывает в доме, когда вносят промерзшие громающие простыни, разгоняя сумерки.

Матрос, старый бродячий пес, посреди небольшой полянки, каких немало в лесопарке городского профилактория, затаив дыхание, задрал голову, следил за хороводом снежинок, выбеливших шершавые стволы сосен. Снег залепил пса от квадратного лба до кончика рыжего хвоста, изогнутого турецкой саблей. Изредка раскрывал пасть, захватывал снежинки и, прикрыв глаза, прислушивался, как тают они на языке.

Матрос любил такую погоду, особенно если она случалась в этот день. Давно любил. Еще с той поры, когда глупым лобастым щенком первый в своей жизни снег принимал за молоко, которое наливала ему Евдокия Марковна в низкую миску с выщербленной эмалью, и удивлялся непонятному, незнакомому вкусу. Было это в той, другой жизни.

Сразу два крупных снежных перышка легли на черный нос. Матрос чихнул, помотал

головой и словно опомнился. Настороженно огляделся по сторонам и побежал к деревьям, запетлял между ними, путая следы. Путал следы Матрос тщательно. То забирался по брюхо в снег, то выскакивал на утоптанную дорожку. Дважды пересек оживленную автостраду, рискуя попасть под колеса. Канун праздника, люди спешат по делам, и поток машин бесконечен. Только через полчаса пес проскочил мимо заветного закутка на застывшем гаражном строительстве. Матрос лишь замедлил свою пробежку. Бросив скорый, но цепкий, взгляд, он сразу заметил, что тайник его цел. Ни один бродячий пес, ни один бездомный кот не добрались до его клада. Все было на месте и припорошено снегом.

Матрос побежал дальше. Тепло и радостно было на сердце у старого пса. Что и говорить, повезло ему неделю назад. Случайно заглянул он поздним вечером на помойку профилакторской столовой. Вечер был морозный, день будничней. А в будни, это знали все окрестные бродяги — и собаки, и кошки, и даже вороны — на этой помойке съестного было мало. Доставалось тому, кто пришел раньше или тому, кто сильнее. И не надеялся Матрос ни на что. Только вдруг, скрипя, открылась дверь столовой.

Пес, на всякий случай, попятился к раскрытым воротам. В клубе пара выбежала повариха в белой куртке, с картонной коробкой в руках. Ежась от холода, она подбежала к мусорным контейнерам и, не особо прицеливаясь, швырнула в них свою ношу. И тут же бегом назад.

Матрос еще немного выждал. Тихо. Больше ни звука поблизости. Только морозный потреск, да где-то далеко еле слышна музыка. Пес осторожно подошел к помойке. Коробка, на его счастье, упала на снег. Запах от коробки сводил с ума. Матрос нырнул в нее и уверовал в чудо – поверх пустых консервных банок, промасленной бумаги и другого несъедобного мусора лежала большая сахарная кость! Матрос даже не поверил сперва. Тихонько потрогал кость лапой, потом легонько куснул. Кость была настоящая, еще теплая, пахла кровью, и оставались на ней еще ошметки мяса.

Пес сразу решил, что он сделает с находкой. Близилась та самая ночь, которую он последние годы проводил один, заранее запасаясь едой, если удавалось. В такую ночь, насытившись, Матрос прикрывал глаза и надолго замирал. Он не спал. Он возвращался в ту далекую жизнь, в которой был по-настоящему счастлив нехитрым собачьим счастьем.

А предстояло еще одно дело, и Матрос поспешил на другой край территории принадлежащей его стае.

Впрочем, Матрос просто жил рядом со стайей бродячих собак. Давно уже. С тех пор почти, когда кончилась та, другая жизнь, и он стал бродягой. Разновозрастные, разномастные псы в большом лесопарке, почти в центре города, неожиданно приняли его, старого доходягу, преследуемого чужаками, и разрешили остаться. Пользы от него для общества было мало, вато, но он занимательно рассказывал о своей жизни, был наивен, и стая не имела ничего против, чтобы он жил рядом.

Вожак Черный, мощный пес, помесь овчарки и случайно забредшего в город волка, которого потом убили милиционеры, вообще-то не жаловал чужаков, но на этот раз был снисходителен: «Пусть старик будет с нами. Один старик стае нужен». Больше вожак не сказал ничего.

Летом псы обитали в гуще леса, а зимой перебирались в подвал огромной недостройки, заброшенной давным-давно, наверное, еще тогда, когда родители Матроса были щенками. Но Матрос на зиму не спускался со всеми. Уже три зимы он жил в полуобрушенном узком спуске в подвал, возле наружной стены, перекрытом треснувшей бетонной плитой. Со стороны нельзя было и подумать, что под бетоном может что-то быть, но там и была нора

Матроса. Он случайно нашел ее летом, когда погнался за мышью. Вноре было сухо, за годы намело листвы и сосновой хвои, получилась перина. Врасщелину в плите просачивался свет, в стене был небольшой пролом в подвал, откуда летом тянуло прохладой, а зимой теплом, и была слышна жизнь стаи. Поначалу Матрос опасался, что его кто-нибудь выгонит из норы. Но вожак только слегка рыкнул, и никто не посмел опротестовать право старого бродяги на отдельное жильё.

Сегодня пес решил притащить на свою квартиру старенький ватник, который приметил еще вчера, но холод и голод оказались сильнее желания мягко спать.

«Эй! Старик, куда тащишься?» – неожиданно остановил его звонкий лай. Матрос оглянулся. Звал годовалый бродяжка Горюнок. Невысокий, лохматый, с нелепыми развесистыми ушами, взлохмаченным чубом на глаза и коротким хвостом – кисточкой, который никогда не знал покоя и вертелся точно муха, словно желал доказать свою состоятельность на звание хвоста. Горюнком щенка прозвали за покаленную левую заднюю лапу. И вообще щенку не везло. То ворона его по затылку долбанет, то чужие псы потреплют. И как-то налетел на него матерый бродячий кот Рыжий, с которым ни одна собака в одиночку связываться не рисковала – числились за Рыжим две овчарки с выцарапанными напрочь глазами. Горюнок же просто не заметил кота, кинувшись к огрызку колбасы. На память щенку остался глубокий шрам поперек любопытного носа.

«Здравствуй, Горюнок, – добродушно поздоровался Матрос. – Да вот, хочу подстилку в нору притащить. А ты далеко собрался?» Щенок повертел башкой: «Да так. Бегаю. Тепло сегодня. На стройке ворону дохлую нашел. Пообедал. С запасом на завтра. А можно с тобой?» Матрос вильнул хвостом: «Пошли».

Гулялось псам, старому и молодому, легко. Горюнок дурачился. Старый драный ватник оказался на месте. Матрос подхватил его за разодранный край зубами, чтобы вата не сыпалась дорогой, и потащил в круговую к себе. Горюнок мелкой трусцой семенил следом. «Слушай, старик, – забегая вперед, взрывал снег щенок. – А правду говорят, что ты когда-то домашним псом был? – Матрос молча кивнул. – А что это такое – «домашний»? Рассказал бы?»

Добрались до Матросовой норы. Сопя, урча, старик расправил подстилку, пропустил Горюнка. Щенок покрутился на старой грязной телогрейке, припал на четыре лапы, потянул ноздрями стылый воздух из щели. «Так, где ты раньше жил, а, старик?»

Матрос прилег рядом.

«Это был небольшой дом, в котором жили люди. Меня принесли к ним еще щенком. Первые месяцы я жил в доме. Хозяйка поила меня молоком, пока я не окреп. А потом меня перевели во двор, в конуру — конура, это такая нора из досок — к старику Полкану, и он уже учил меня сторожить дом, лаять на чужих и не обращать внимания на ворон и кошек. Обучение длилось целое лето... Полкан редко вылезал из просторной конуры, только если я ошибался в чем-то или нужно было отогнать от забора бестолковых мальчишек, — Матрос неожиданно вздохнул. — А зимой его увезли. Перед самым Рождеством». И старый пес вздохнул еще протяжнее. «А что такое «рождество»?» — Горюнок вдруг приподнялся и наострил нос на какой-то тонкий аппетитный запах. «Это праздник такой у людей, — ответил Матрос. — В эту ночь хозяйка всегда выносила мне миску похлебки и сахарную кость». «Хороший праздник, — Горюнок привстал на лапах, почти сделал стойку. — Только нам, бродягам, никто костей не дает, — проворчал он, — ни в праздник, ни в будний день».

И тут Матрос хитро прищурился. «А знаешь, Горюнок, сегодня-то как раз Рождество. Приходи к полуночи. Не пожалеешь. Я тебя угощу. Ты уж поверь». «А сейчас не угостишь?» «Нет, только ночью. Иначе это уже не праздник будет». «Ладно, старик, спать не буду — заскочу» — задорно откликнулся Горюнок и опрометью вылетел из норы, и как снежный вихрь закружил по поляне, погнавшись за белкой.

Оставшись один, Матрос недолго сидел в норе. Как только стало смеркаться, поспешил за своим сокровищем. Он уже не путал следы, неся по прямой до тайника и обратно. К себе бежал даже быстрее. Промерзшая кость точно придавала силы. Летел Матрос как молодой, только ветер шумел за ушами. Лишь перед самой норой сделал ложный крюк. Развернулся в ней вьюном, упал на лежанку, придавил кость передними лапами и мордой. Сердце у старика трепыхалось пойманной птахой, стучалось в ребра, но это было даже приятно. Все получилось сегодня. Значит, будет праздник, пожалуй, впервые за долгие годы скитаний. Птаха билась все тише, все реже. Вместе с сердцем успокаивался и Матрос. И поплыли воспоминания.словно кто раскатал клубок замысловато скрученной собачьей жизни. Вот и успокоилось сердце, заработало в привычном ритме, но к этому времени размотался и весь клубок. И, прикрыв глаза, принимаюхаясь к сладкому запаху оттаивающего лакомства, стал Матрос скручивать нить своей судьбы от самого начала.

Совсем ясно осознал он себя малым щенком, с приятной тяжестью в желудке, дремлю-

щим под пахучими игольчатыми ветвями лесного дерева, увешенного яркими мигающими огнями, стеклянными шарами и блескучими нитками. Впереди и вверху праздничный стол, за которым сидят Евдокия Марковна и Григорий Семеныч, его хозяева. Он, хотя и щенок совсем, но уже смысленный, запомнил, как зовут его кормильцев и их голоса. Стоит кому-то обратиться к ним по имени, щенок уже поводит ухом сквозь подступающую дрему.

Ах, прекрасная жизнь!

А дальше двор, ворчливый Полкан и просторная конура, ошейник, остро пахнущий новой кожей и краской, и цепь. Неудобно с ними, но Матрос уже смирился, даже понемногу начинает гордиться и ошейником, и цепью. Мудрый Полкан разяснил, что это не в наказание, а как символ его предназначения: охранять и защищать дом, его хозяев и их детей. Да и цепь скользит по туго натянутой через двор проволоке. Бегай — не хочу. Пробежался раза три-четыре — и на душе веселее, и язык наружу. И каждое утро — похлебка, и каждый вечер — кости, Евдокия Марковна или Григорий Семеныч выносят. Потреплют по загревку, поговорят ласково.

Эх, чем не жизнь!

Первый раз нашла на Матроса смертная тоска, когда перед самым Рождеством Полкан не вылез из конуры к утренней миске. Старый пес только высунул на улицу морду, смотрел, ничего не видя, мутными глазами. Не понравилось это Матросу. Что-то переменялось вдруг в мире. Точно ясное солнышко закатилось за крыши раньше времени. Не доел молодой сторож. Заскулил, чувствуя, как обмирает все внутри, как незнакомое тягостное предчувствие сжимает сердце. На скулеж вышел Григорий Семеныч. Подошел к собачьей будке, опустил на корточки перед Полканом. «Э-э, старик, — протянул хозяин, — пришло времечко, значит». Отцепил с ошейника старого пса цепь, силком вытянул его наружу и, поддерживая, повел шатающегося Полкана в дом. Матрос смотрел на безжизненно висящий хвост своего наставника и все скулил с натугой и надрывом.

Полкан не вернулся. Вечером Григорий Семеныч вышел из дома с мешком на спине и лопатой. Не было хозяина долго, а вернулся он шаткой походкой, опираясь на лопату и без мешка...

Еще три зимы прошло. В последнее из трех Рождество Евдокия Марковна и Григорий Семеныч остались вдвоем. Не собрались гости. Не приехали дети с внуками. Но все одно, в полночь вышла Евдокия Марковна с миской похлебки и костью. Гладила Матроса по затыл-

ку и говорила тихо, ласково: «Матросушко». А яркие звезды перемигивались в черном небе. И почему-то грустно было в мире. Матрос перестал есть, поднял морду и долго смотрел на хозяйку, которая разговаривала с ним, смотрела куда-то поверхи в себя, поправляя одной рукой край шали.

Той же весной не стало Евдокии Марковны.

И снова испытал Матрос чувство невыразимой тоски. Почти месяц хозяйка не выходила из дома. И почти каждый день приходила к ним на двор грузная женщина, из-под пальто которой выглядывал широкой лентой белый халат, пахнувший остро и неприятно. Иногда подъезжала к воротам белая машина с красным крестом, от нее расходились тревожные волны, из машины выходили двое в белых халатах и надолго скрывались в доме. И в ту ночь, когда непонятное беспокойство овладело Матросом еще с вечера, приехала эта тревожная машина. После того, как Григорий Семеныч, в тапках на босу ногу и телогрейке поверх майки, сбегал к соседям, хозяевам толстого и ленивого кота Барсика, белого в черно-рыжих пятнах. И когда незнакомцы в белых халатах скрылись в доме, Матрос перестал лаять и почувствовал, как сердце сжимает черная тоска. Вдруг услышал шепот хозяйки: «Ма-атросушко-о», уходящий и гаснущий где-то высоко среди звезд. Отчаяние овладело псом. Не в силах превозмочь его, хоть как-то выразить, он плюхнулся на хвост, задрал морду к звездам, к исчезающему шепоту и протяжно завыл. Выл и не мог остановиться. Словно сама жизнь его приостановила свое течение, точно отсекали от него все прожитые годы. Чувства рвались наружу через напряженную глотку надсадным, надрывным воем, плачем по уходящему светлому, доброму...

Непонятный шум, скрип снега и глухие, грубые голоса возле самой норы отвлекли старика от воспоминаний. Матрос повел ушами, потянул носом. Пахло, помимо снега, табаком, костром, помойкой. Несколько человек прошли мимо. Были это бродяги. Хотя и люди. Они тоже жили стаями в канализации и подвалах. Матрос послушал, как затихли шаги и говор, как потускнели запахи. Чем-то тревожным пахли прошедшие, но Матрос не стал задумываться над этим. Он потянул ноздрями волшебный аромат оттаявшего под лапами пластика мяса и вернулся в прежнюю жизнь...

Изменился Григорий Семеныч за одну ночь. Забыл про Матроса. Два дня голодовал пес на короткой цепи, глядя, как бродит по двору хозяин, ничего не видя, не чувствуя. То возьмет охапку дров, донесет ее до бочки с водой и смотрит, смотрит на воду; то зайдет в невы-

сокую теплицу, присядет на порожке и сидит неподвижно, затягиваясь изредка давно погасшей папироской. На третий день, впервые за два года и в последний раз, приехали дети, и Григорий Семеныч ожил. Вспомнил о Матросе. Накормил.

После полудня привезли красный продолговатый ящик. Когда его заносили в дом, порыв ветра донес до Матроса что-то знакомое, хотя едва уловимое, забитое другими запахами, более острыми. Только к вечеру Матрос понял, что это был за ящик и кто лежал в гробу. Всю ночь ему снились двое: Полкан и Евдокия Марковна.

Утром Матроса пересадили на короткую цепь. Ворота раскрыли настежь. Во двор все заходили и заходили чужие люди. Они проходили в дом, выходили, топтались по двору, переговаривались вполголоса, курили. Матрос смотрел на это вторжение и готов был сорваться на строгий лай, но что-то сдерживало пса, и он безвольно лежал, наполовину высунувшись из конуры. Вот сборище незнакомцев зашевелилось, расступилось в стороны. Из дома вышли жены сыновей хозяев с какими-то женщинами, с венками и цветами в руках; следом за ними вынесли крышку гроба — теперь на ней были прибиты черные ленты, бантом — табуретки; за крышкой вынесли и сам гроб, в котором лежала Евдокия Марковна, сложив на груди руки. Глаза хозяйки были закрыты. Матрос поднялся и пошел к ней, туго натянув короткую цепь, ошейник перехватил горло.

Вышел и Григорий Семеныч, низко опустив непокрытую голову. Солнечные брызги пересыпались по снежной седине, в такт вздрагивающим плечам. Сыновья поддерживали его под руки, внуки шли следом.

Все собрались вокруг ложа Евдокии Марковны, покоящегося на табуретах. Было тихо. Слышны были лишь всхлипывания и сдержанные причитания, да звуки с улицы, совершенно посторонние, пролетающие мимо, насквозь, словно радиопомехи. Четверо мужчин подняли покойницу на плечи и понесли в раскрытые ворота, за ними пошли Григорий Семеныч с детьми, все остальные. Матрос кинулся следом. Цепь не пустила. Цепь опрокинула на землю. Пес заскулил...

Рождество после этой тоскливой весны стало первым, когда Матрос не получил кости. К зиме Семеныч изменился совершенно. Он постоянно держал пса на короткой цепи, забывал кормить, часто уходил из дома с полными сумками, а возвращался с пустыми руками, с торчащим из кармана горлышком бутылки, часто с трудом передвигая ногами, поддерживаемый незнакомыми людьми.

Тогда же, в марте, промороженном и пасмурном, к Семенычу приехали двое на огромной блестящей машине. От них пахло благополучием, веяло всепоглощающей силой, тупой и жестокой. Приезжали они несколько раз, как правило, под вечер. Матрос ненавидел их люто, как давних, ярых врагов. Напрягая жилы и связки, рвался с цепи, надрываясь гневным лаем. Незнакомцы смеялись, дразнили пса, хлопав по плечу выбежавшего хозяина, протягивали ему бутылку с прозрачной жидкостью и уходили в дом. В один из таких вечеров, когда Матроса не кормили уже пятый день, Семеныч уехал вместе со своими гостями и больше не вернулся.

Утром приехала блестящая машина. Вышли двое, которые увезли Семеныча. По-хозяйски вошли во двор, открыли дверь дома. За ними, с опаской поглядывая на Матроса, прошли в калитку четверо в телогрейках и мятых шапках, пахло от них дымом и помоями. Навстречу им из дома вышел один, в черной кожаной куртке. Что-то сказал. Те кинулись к воротам, раскрыли их настежь. На двор, пятясь, въехал обшарпанный грузовик. Здоровяк в коже пошел к Матросу, что-то доставая из кармана одной рукой, другую пряча за спину.

Матрос зарычал. Человек с бульдожьей физиономией только усмехнулся, протянул руку. На широченной ладони лежал кусок вареного мяса с шапкой белесого жира, аромат от него затуманил мозг голодного пса. Матрос и не понял, как мясо оказалось в его пасти, когда незнакомец расстегнул ошейник, откуда появилась массивная палка. «А ну, пошел прочь!» – рявкнул здоровяк в коже, и дубина с шумом опустилась на спину Матроса. Не помня себя от боли, пес взвизгнул как щенок, удары, посыпавшиеся один за другим, заставили его сорваться с места и кинуться прочь, не разбирая дороги...

Когда Матрос пришел в себя и огляделся вокруг, понял, что не знает, где он и как ему вернуться домой. Впрочем, тут же, ощутив едва терпимую боль от побоев, осознал, что дома у него больше нет. Началась бродячая жизнь. Первые дни и недели Матрос боялся показываться людям, шарахался от больших блестящих машин и кожаных курток. Дни он проводил, забившись в какую-нибудь щель, и только ночью бродил по улицам в поисках еды. Еду находил на помойках. Иногда его сгоняли с помойки чужие псы, иногда одерживал верх. Так прошло две зимы. Два безрадостных Рождества.

Однажды Матрос оказался на улице, которая вызвала волнение сердца. Что-то знакомое, едва позабытое, проснулось в нем, заставило подобраться. Пес осторожно, потягивая ноз-

дрями запахи, пошел по этой улице к перекрестку. У предпоследнего дома остановился. На поленнице, вровень с верхом забора, лениво развалился тучный кот, белый, в черных пятнах. Барсик! Тупоголовый соседский кот. Обмирая с каждым шагом, Матрос двинулся дальше. Теплые прикосновения, добрые голоса и лица Евдокии Марковны и Григория Семеныча припомнились ему. Но на месте памятного одноэтажного домика стояла громада красного кирпича с белыми колоннами. По асфальтированному двору на длинной цепи бродил огромный волкодав, угрюмо поглядывая на дорогу за трубчатыми воротами. «Че встал, придурок?» – глухо прорычал на Матроса сторож. «Да жил я здесь когда-то», – и Матрос с тоской посмотрел на перемены. «Жил да отжил. Пошел прочь». «Да, я пойду, – Матрос уныло опустил хвост, – Сейчас, посмотрю только» «Надоел», – прорычал чужак и вдруг утробно пролаял. В ответ ему донесся из-за угла разноголосый молодой лай. Почуввав угрозу, Матрос сорвался с места. Едва оглянувшись, заметил, как погнались за ним под одобрителный лай волкодава четверо молодых, уверенных в себе псов, уже не однажды почувствовавших сладость победы в жестоких драках. И вот, тогда, удирая от своих преследователей, без дороги, без цели, Матрос встретился со стаей Черно-го...

Старик стряхнул с себя мрачные воспоминания, лизнул кость, прислушался, подняв уши к щели, глядя на узкий клочок небо затянутой тучей. Неожиданно черно-сизое марево отошло, и показались звезды. Одна, особенно Яркая, сверкала, подмигивала старому бродяге. До полночи еще оставалось время. В подвале стояла глухая тишина. Стаи не было. Матрос еще раз лизнул кость, опустил на нее морду, представил себе радость Горюнка, когда тот увидит угощение. Тепло и радостно стало на душе. С этой тихой радостью старый пес заснул.

Снилась Матросу просторная теплая конура. Вместо крыши ее накрывало пахучее лесное дерево с частыми короткими иголками на тонких ветвях. На ветках висели стеклянные блестящие шары и длинные сверкающие паутинки. А среди веток ярко перемигивались звезды, их было так много, что вся конура освещалась, как днем, ясным мерцающим светом. В дальнем углу на полосатой подстилке лежал, подсунув под морду лапы, Полкан и смотрел на чудо-дерево. «Матросушко», – донеслось сверху. Матрос задрал голову и увидел совсем близко Евдокию Марковну, рядом с нею Григория Семеныча. В ноздри ударил запах самой желанной и аппетитной сахарной кости. Пес заскулил, заюлил, замотал хвостом, точно ще-

нок. И вдруг конура пропала. Остались только лица хозяев и бесконечная темнота, и пустота во все стороны. Из этой темноты повеяло холодом и жутью. Где-то там, в черной бездне, послышался приглушенный собачий лай, визг и грубая человечья ругань. Матрос дернулся. Пропали Евдокия Марковна и Григорий Семеныч, чернота сжалась и превратилась в черную кожаную куртку. Человек в черной коже стоял над Матросом, занеся руку с дубиной, и невнятно рычал на него. Стояли они друг против друга, на пустынной улице, на перекрестке, и с боков к Матросу подступали чужаки, и на каждом собачьем теле скалила зубы лысая человечья голова с бледными глазами и обвислыми бульдожьими щеками.

Ужас сжал сердце пса. «Бежать!» — подсказало, приказало все естество. Но мышцы не слушались. Кое-как начал он пятиться от устрашающей кожаной куртки. Со всех сторон на него обрушились лай и визг. Снеимоверным усилием Матрос развернулся и побежал. Но воздух стал плотным, как холодец, и асфальт проминался под лапами, как рыхлый снег. И как ни старался Матрос, он не мог оторваться от преследователей. И вот они уже окружили его, и с лаем и визгами накинудись. Матрос дернулся из последних сил...

Матрос проснулся. Сердце бешено колотилось. Он поднялся, судорожно, протяжно вздохнул. Лай, визги, людская брань не пропали. Что это? Из слуховой щели сеялся тусклый свет. Что-то происходило в стае. Что-то ужасное. Это Матрос ощущал каждой клеткой, каждой ворсинкой на шкуре.

Обмирая, он подвинулся к пролому в стене и заглянул в подвал.

В рыжих мерцающих отсветах факелов и тревожно бегающих лучах фонарей не прекращалось беспорядочное движение. Не все было видно псу, но и того, что увидел, хватило, чтобы шерсть на загривке встала дыбом, мышцы свело судорогой, а сердце сжалось в плотный комок, почти перестав биться. Там, на кучах песка, псы отбивались от грязных, измятых людей, вооруженных тяжелыми дубинками и железными прутьями. Завеса поднятой пыли размывала очертания, но было видно, как вожак Черный, скалясь, отбивался от двоих бомжей, увертываясь от угрожающе шепчущих на взмахах дубинок. Тут же, в пыли, валялись трупы других собак, с про-

ломленными черепами, из которых стекало в песок густое, черное. Луч фонаря скользнул по дальней стенке, и Матрос увидел Горюнка. Щенок лежал на куче песка, вывернув лапы, широкий лоб был рассечен, как яичная скорлупа, черная вмятина еще кровоточил, скулы свело в предсмертном оскале. Горюнок умер, сопротивляясь до конца.

Под тяжелым ударом третьей дубины пал Черный. Завалился на бок, перебирал лапами, но уже был мертв. Бомжи плотным кольцом прижимали к стене оставшихся псов.

Матрос отпрянул от щели. Невыносимая смертная тоска, рвущаяся от сердца, выметнула его из норы и погнала в темный лес, без дороги, через глубокие сугробы и густые кусты. Старый пес бежал не оглядываясь, а перед глазами все стояла оскаленная мордашка Горюнка в рыжих отсветах. Он выбежал на поляну, на которой днем любовался снегопадом, и на самой середине ее силы отказали. Пес споткнулся, ткнулся в снег, и на остатке сил перебрал лапами, сел на хвост и задрал голову к небу, к сверкающим звездам, к холодной луне. И тут смертная тоска вырвалась на волю долгим, полным отчаяния и безысходности воем. Матрос выл, словно жаловался неизвестному покровителю на несправедливую собачью долю, на зло, преследующее его и его род, на беспросветную лютую ночь.

Тем временем наступила полночь, и на колокольне новой городской церкви зазвонил благовест. Колокольный звон весело и обещающе разлетелся по заснеженным верхушкам сосен, беспокоя зазимовавшую живность. На поляне звон был чист и громок. Вой старого пса потонул, развелся в нем, лег подголоском и сник.

Пришел праздник.

Но Матрос не почувствовал этого. Ничего не слышал, стараясь избыть в онемевшем сто-не неизбывную тоску. Не слышал он радостных перезвонов. Словно струна лопнули звуки во вселенной, да и сама она. Внезапно окутала пса плотная, как подвальная чернота, тишина.

И в этой, внезапно пришедшей, тишине послышалось псу издали долетевшее: «Матросушко-о» Тихий, теплый голос шел от звезд, чистых и манящих. «Матросушко», — звала Евдокия Марковна. И свободный и счастливый Матрос, радостно заскулив, рванулся на зов...

Татьяна НЕЩЕРЕТ

«Родилась я в Средней Азии. Все мое детство прошло в Крыму, но уже много лет живу в Сочи. Родители – отец был врачом, мать – учительницей русского языка и литературы. Отец – белорус, мама русская. Я была страстной читательницей всего, что только находилось в домашней библиотеке, а позже и за ее пределами, с трех лет. Любовь к печатному слову осталась на всю жизнь. Пишу в основном рассказы и миниатюры».

СИНЯЯ ПТИЦА

Новеллы

СИНЯЯ ПТИЦА

Женский бюстгальтер (ах какое напыщенное фундаментальное слово, хотя в буквальном переводе всего-навсего – сиськодержатель) тоже интересная штучка. Особенно если он не чахлого второго-третьего размера, а пятого, нет, наверное даже седьмого, как у нашей героини, обычной женщины, только уж очень с детства полной. Ну, были наверняка у нее от этого всякие разные комплексы по поводу, иначе с чего бы это закружило ее жизненным вихрем, и из просторной городской квартиры выкинуло в маленький домик в пригороде. Жизненный вихрь – такая штука, с любым весом справляется без усилий.

И вить бы ей на луну от тоскливого одиночества и разрушенной жизни, если бы не сосед. Всем, наверное, хоть раз за жизнь встречался такой тип людей – жизнелюбы, балагуры, практические люди, можно даже сказать гении общения, такие за день несколько раз всех соседей обойдут, кому помогут, у кого отобедают, с кем рюмочку пропустят – смотришь и день событий полон. Сразу он приступил к делу:

– Кур тебе надо, Света, развести хоть немного, все к рациону добавка, а как же, тут у нас все, почитай, их держат. Слушай меня, и не пропадешь.

И верно, не пропала, стараниями соседа, который ей и курятник выстроил, скоро у нее было маленькое птичье подворье с петухом во главе, хотя раньше кур только на картинках видела, но кое-как справилась.

Как-то утром пошла она яичек на завтрак набрать, видит, что-то не то творится: странное белое яйцо в синюю крапинку на полу. И куры все сторонятся, ни одна из них не признается, откуда такое диво взялось, а высидивать наотрез отказываются. Взяла Светлана яйцо в руки. А оно на тепло рук отзывается, если ухо приложить, то, как в раковине морской мелодичный шум слышен. Из инстинкта или любопытства положила наша героиня яйцо между грудей на гамачок бюстика, сама не зная, что на нее нашло. И таскала так три дня и три ночи соответственно, спала на спине, чтобы не раздавить ненароком. На третий день из яйца вылупился забавный синий цыпленок. Рос быстро и с руки ел все, чем кормили.

В неурочное время приперся сосед с огромным чириком на лбу. Спрашивал спиртное для лечения народного.

– Что к врачу, зачем к врачу, знаем мы этих коновалов! А что это у тебя там?

И попытался через мощное плечо хозяйки, вытянув шею, заглянуть в дверь кухни. Еле выперла его Светлана, тут опять он в дверь, по лбу дверью нечаянно получил и чирей самоликвидировался, только «ой» за дверью зазвенел. Но спокойно в этот день жить не пришлось. Через пару часов опять сосед, без чирика, с красно-синим пятном на лбу.

– Я все понял! У меня из-за тебя третий глаз открылся! Нет, я не пьяный, я очень тебе благодарный! А это у тебя Синяя птица счастья, точно знаю.

Только охнула Света, рассматривая уже приличную птичку на столе, красавица, ничего не скажешь. Развил тут сосед бурную деятельность, засунул птичку в принесенную им же большую клетку.

– Синяя птица счастья должна принадлежать всем, а не тебе одной единолично! А я в город мотнусь за братом. Он у меня – во! Изобретатель и экстрасенс, и многим чем еще занимается, как раз по его части... он уж точно знает что почем.

Сидит наша героиня и уже совсем большую птицу в клетке рассматривает... вот ты какая птица счастья, оказывается. А птица о своем думает и так грустно, почти человеческим взглядом в окно на небо смотрит... Не выдержала этого Светлана... распахнула дверцу и окно, не думая о последствиях. Птица фьюить и в небо, но словно благодаря и прощаясь, трижды окно облетела. Осталось только перо синее и прекрасное на подоконнике.

Прибежали тут скоренько сосед с братом. Брат и впрямь оказался из породы интересных чудаком из тех, которым до всего необычного на свете дело есть, возможно, и мир на таких держится. Очень его заинтересовала колыбель, в которой яйцо Синей птицы высиживалось и хозяйка этой самой колыбели. Вытолкнул он своего братца, то бишь Светкиного соседа, вместе с его причитаниями по поводу улетевшей Синей птицы за дверь, сел со Светой чай пить, да сколько уже лет и пьет.

Хорошо в летний вечер, напоенный ароматов цветов, на крыльчке вдвоем сидеть и на звезды любоваться.

– Не вздыхай так грустно любовь моя, красота моя – обязательно прилетит к тебе в гости твоя Синяя птица... Обязательно прилетит...

ЖЕНСКАЯ СУМКА

Одной из самых загадочных вещей на свете является женская сумка со всем ее содержанием. Я не говорю о той крохотной сумочке, что женщина берет с собой в ресторан, кафе, на прогулку, там количество предметов – минимальное. Я не говорю о сумочке женщин, имеющих машину, для тех вся машина – сумка.

Я говорю о сумках обычных женщин, работающих целый день, живущих на приличном расстоянии от места работы. Заглянем же туда разочек, ну конечно, косметичка. Косметичка представляет собой малую копию сумки и обладает ее же свойствами, о которых будет сказано позднее. Так, что тут еще за дребедень – расческа или щетка, зеркальце само собой, сотовый, зарядка для сотового, флешка, диски, наушники – женщина ведь современная, кошелек, ключи от дома, возможны ключи от работы, зачастую документы, карточки, вероятен блокнот, зонтик, бывает что и ноутбук или планшет, носовые платки, салфетки. Зачастую сигареты с зажигалкой, в какое время живем. Если женщина к тому же учится, то общие тетради с конспектами, ручки и много чего еще по мелочи. А если еще и в спортзал ходит – то майка со спортивными штанами, тапочки, зачастую мини-аптечка, нитки с иглой, у многих какой-нибудь талисман, у некоторых и не совсем крохотный бутылочка с минеральной и бутерброды возможны – уфф... одним словом еще целая пропасть нужных и необходимых вещей... и так же всякого накопившегося хлама.

Некоторые из вещей приживаются в сумке навсегда, другие же периодически обновляются. Одно знаю точно – в каждой сумке присутствует щелочка в четвертое измерение, или еще какая-нибудь пространственная штучка, потому что нужные вещь в нужное время практически невозможно найти, зато радостно попадают под руку те, которые в данный момент никак нельзя было обнародовать. Кстати сказать, новая сумка держит позиции порядка около двух недель, потом, видимо, с ней проходит обряд инициации. Одним словом, сумка начинает жить какой-то своей жизнью. И кофе, даже в плотно закрученной банке, имеет свойство, рассыпаться, с только что приобретенного шампуня запросто может соскочить крышечка... То же самое можно сказать о помаде и о многих других вещах.

Вот только не надо говорить тут о неряхах и ряхах... существует, вероятно, какой-то закон сумки, который вступает в силу при определенных обстоятельствах. Не помогает даже пе-

риодическая чистка, с вытряхиванием всего содержимого на ковер, факт!

Стояла как-то в автобусе самая обычная уставшая женщина с будничной сумочной тяжестью на плече. Час пик, пробки, не войти толком, а уж выйти за пределы, в это время все пассажиры друг другу мешают, а уж сумки и по давню включаются в эту игру, еле протолкалась она к выходу.

Не прибавляет никак это хорошего настроения, не замечала она и мужчину, что явно пытался клеиться к ней, а шутки его вообще из себя выводили, мешая потоку обычных бытовых серых мыслей — так, в аптеку лекарства для мамы купить, это не забыть, то не забыть и как на грех, соль дома кончилась. Сотовый в сумке надрывается и не достать, наверное, с работы вдогонку — досказать недосказанное, напомнить, указать. Снова этот надоедливый мужчина в аптеке, очередь какая длинная, а ребенок неизвестно где болтается, совсем от рук отбилась...

Опять эти строители траншею выкопали, лишь узенький мосток небрежно бросили, как на каблуках скользко, челка распутившаяся на глаза падает, и мужчина не отвязывается, следом идет, что ему надо... уууууу, как выть хочется.

— Дайте помогу вам, сумка то тяжелая... — с этими словами мужчина по-хозяйски ухватился за ремешок.

Вот она последняя капля! Героиня наша, злобно ругаясь, отшатнулась. Сумка разинула свою пасть, и с вещами на землю упало и скатилось в канаву со строительным мусором что-то совершенно необычное и яркое — маленькая живая ноосфера.

Позабыв обо всем, мужчина и женщина кинулись к ней, чуть было не столкнувшись лбами, мужчина бережно поднял диковину из глубокой канавы. Да, это как маленький глобус, только живой, но как он испачкан, в пыли, сбоку прилип окурок, всюду брызги грязи, но словно дышит под пылью. По наитию нашлась бутылка с минералкой, и маленький земной шарик после душа приобрел прежний блистательный вид, благодарно подмигивая голубым свечением.

— И что на меня нашло... да мужчина вполне милый, а вот я как тигрица загнанная, — и она в первый раз за день от души улыбнулась незнакомцу и поразилась тому, как радостно расцвело его лицо в ответ, а между ними сиял земной шар на его раскрытых ладонях.

Но, вот что не менее удивительно. Герои-то наши бережно положили это чудо в сумку, закрыли на молнию, понесли домой, значит, подалеже от глаз чужих, открыли — ничего

нет: одно обычное барахло, сумку на подстеленное полотенце вывернули. Нет маленького чуда, каждый сантиметр подкладки ощупали — безрезультатно... Да все что угодно может в этом мире произойти! Вот, полюбуйтесь, уже целуются, хоть знакомы-то всего ничего... Непоследовательный народ эти женщины и непредсказуемый, равно как и сумки их!

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ ЗВЕЗДЫ

Странный случай произошел со мной в детстве, когда я была совершенной крохотулей, лет трех-четырёх от роду, но воспоминание об этом и до сих пор не дает мне покоя.

Я безмятежно лежала вечером в нашем саду на траве и смотрела на звезды. Зрелище завораживающее — вглядываться в небесную бездну можно часами, равно тому, как смотреть на пламя и воду. Не знаю, что там случилось в небесной высоте, но звезды, как-то по-особенному замерцали, словно разгораясь. Казалось, что нежный и необычный голос зазвучал у меня прямо в голове. Невыразимое чувство охватило все мое маленькое существо, ликовала и была счастлива каждая клеточка моего крохотного тела. Сейчас только понимаю, что это было как — Я есмь, был и буду всегда, как осознание своей души, словно неведомая музыка пронизывала и расходилась изнутри, составляя со мной одно целое. Еще четко помню ощущение единства со звездами и со всем миром, чувство полета, хотя понимала, что нахожусь на теплой траве в темноте сада. И еще какое-то неведомое знание всего, ну вообще всего, что тебя окружает, так, наверное, все знает море или ветер, или даже самый маленький полевой цветок и что не дано нам людям.

Я прибежала домой с радостным криком:

— Мама, мама, со мной разговаривали звезды! Они сказали, что я никогда не умру! И что все будет хорошо!

— Потом расскажешь, потом, а сейчас немедленно спать, уже очень поздно, — отмахнулась она от меня и ничего не захотела слушать. Мама была занята своими домашними делами, обычными повседневными хлопотами по взрослому обыкновению. Расспросили бы по свежим следам, чего уж теперь... Сейчас я просто стараюсь перевести в слова те свои ощущения.

Я совершенно забыла, о чем говорили мне звезды!!!

Просто это не совсем совместимо с окружающим миром. Я выросла и научилась бояться. Научилась стареть с каждой минутой и медленно умирать. Я перестала доверять миру и

понимать его. Людям всегда просто не до того в обычной жизни. Окружающая реальность отвлекает и перемалывает нас в своих жерновах медленно и верно. Ничем это случай не помог мне в жизни, судьба сложилась у меня непросто и непросто. Теперь я знаю, что йоги называют это нирваной, достигнутой путем долгих постов, тренировок и медитаций, но я получила это состояние волей случая, путем безмятежной детской наивности, если можно так выразиться. Вредкие минуты, когда смотрю на звезды, все совсем по другому, но ведь было же такое, что приоткрылась мне Вселенная. Я иногда пытаюсь вспомнить, что же это такое узнала и поняла тогда, но помню только то, что буду всегда, музыку в себе и вокруг, ощущение полета и невыразимого счастья, а точнее – так нет же, никогда...

ОДНА ШУБА И СТО ПАЛЬМ

Я рассеянно смотрела в окно автобуса. В голове неспешно перемешивались образы и мысли, совсем как в той машине-бетономешалке, которая разъезжает по городу с вращающимся барабаном, вот прибыла в пункт назначения и раствор уже готов. Но на бетономешалку упала арматура. В моем случае, роль арматуры сыграл резкий, прямо-таки пронзительный запах духов. Я подняла голову. Прямо надо мной в переполненном маленьком автобусике нависла статная женщина в норковой шубе, с праздничной прической и макияжем. Всем бы хороша была бы эта женщина, если бы не крепчайший запах французских духов, исходящий от нее. Кажется, что ушло на шубу не менее флакона. Мое помраченное обоняние с великим стыдом улавливает в этом амбре знакомые нотки – так вот оказывается, как это может выглядеть и пахнуть со стороны. Субтропический климат в нашем городе дает о себе знать, температура воздуха в течение дня может резко измениться на десять градусов в любую сторону, вкупе с повышенной влажностью и, как итог – зимой великое разнообразие по части верхней одежды. Можно увидеть шубы, дубленки, легкие курточки, просто свитера, кто во что горазд. Никого не удивляет дама в шубе. Вот интересно, а как же она дома сосуществует с этой шубой, есть ли вообще у дамы обоняние. Может, предупреждая от моли мех духами облила, так не то, что моль, все живое кверху лапками сляжет, если сбежать не успеет. А вдруг это еще и стратегическое оружие, к примеру, как избавиться от мужчины за ненадобностью. Не знаю, конечно, что там, на счету у этой женщины, но меня она точно сейчас удушит.

Я громко чихнула, на глаза невольно навернулись слезы. Деваться некуда, окно не откроешь, я максимально развернулась к оконному стеклу, прямо таки прилипнув к нему носом. Мой взгляд непроизвольно упал на пальму, обычную веерную пальму, коих у нас несть числа. Ее вид странным образом меня успокоил. По крайней мере, пальма ничем не пахнет. Интересно, сколько пальм можно насчитать по дороге домой. Вот если я насчитаю сто штук – все у меня будет хорошо, прекрасно, просто таки замечательно. Внутренний скептический голос, который вечно лезет не в свои дела, ехидно возразил:

– Ты уже половину пути проехала, вот не насчитаешь сто пальм... ты же у нас нежная, расстроишься из-за всякой ерунды по своему обыкновению. Я мысленно приказала ему заткнуться, не мешать, когда человек делом занят, и начала отсчет.

...Смеркалось, пальмы за окном... тьфу ты, черт...

Зажглись фонари, но я внимательно вглядывалась в заоконный пейзаж. Я вела себя честно, если попадалась рожица пальм, я считала только те, до которых дотронулась взглядом, зафиксировала, так сказать. Увлелась я этим делом, и только подъезжая к своей остановке, обнаружила, что куда-то бесследно исчезла женщина в шубе, вместе со шлейфом крепчайшего запаха, а пальм я насчитала сто сорок две штуки и вышла из автобуса с неожиданно радостным чувством победителя.

ВИЗИТЫ КРЫСЫ

Произошло это давно, в трудный период моей жизни, когда я была вынуждена хвататься за любую работу. Волею судеб, я попала в небольшой продовольственный магазинчик на территории санатория. Надо сказать, что это был далеко не худший вариант, я работала одна, магазинчик был вполне уютным, расположенным в постройке старого типа, стоявшей на отшибе. В моем личном распоряжении было помещение, состоявшее из довольно таки длинного зала, за стойкой стояли два холодильника с витринами, имелась подсобка и приличных размеров склад. В годы расцвета это была популярное кафешка, но от бывшего величия остались лишь дубовые панели на стенах.

Вполне обжилась, но тут произошло событие, выбившее меня из колеи. Зашла в один прекрасный за стойку и вдруг какая то живность поспешно скрывается в щели под холодильником. Я подумала, что это кошка. По-

дошла поближе, заглянула в отверстие стока за краем витрины. Никого и ничего. Работать надо, отвлекаться некогда. Но на следующий день событие повторилось. И на следующий. Крысы я раньше никогда не видела, откуда мне знать, как они выглядят. Надо сказать, санитарный врач ко мне часто заходил, проверяя наше ООО предприятие, и держал меня во всей строгости, все как полагается. Но тут он мне не поверил. Ничего не погрызено, нигде не нагажено. Примерно так же отнеслось к этому мое начальство, просто сочли за трусиху, но я думаю, что у них споры из-за аренды какие-то шли, и обострять никто и ничего не хотел. Тем более, что тут зима на подходе.

Вот мы и остались с крысой зимовать. У нас бывают зимы почти совсем без снега, а эта вот выдалась совершенно нетипичная. Народу вообще не было, утром немного, и дальше от силы один человек в час. Крыса совершенно обнаглела и перестала меня бояться. Каждый день она выходила и сидела в углу, жутковатая, почти совсем черная, величиной с небольшую кошку. К слову сказать, она ничего не грызла, не разоряла, не гадила. Она просто молчаливо сидела в углу. Если кто-то заходил в магазинчик, то мгновенно скрывалась в дыре под витриной. На первых порах, я могла встать и топнуть ногой и крыса мгновенно сбегала в свое укрытие, то теперь вполне освоилась и топай сколько твоей душеньке угодно, сидит себе преспокойно. Но ближе, чем шага на три, мы друг к другу не подходили, видимо, побаивались обе — я, что укусит, она, что ударю или еще что похуже. Дни протекали с завидным постоянством, большую часть времени я сидела в уголке и читала, а крыса черным жутковатым изваянием сидела напротив у противоположной стенки. Я в бессильной злости бросила в нее бубликом, крыса принимает угощение и спокойно грызет.

— Чего тебе от меня надо? Что ты приходишь ко мне и сидишь у меня над душой? Что у тебя никаких крысиных дел нет? — вопрошаю я в тишину, прерываемую хрустом сушки.

Незаметно для себя самой я стала разговаривать с крысой. Слушатель идеальный. Конечно, как-то не по себе было, за окном непогода, на душе тоже пасмурно. А тут еще и эта крыса. Вот так мы с ней и коротали дни.

Все кончилось неожиданно весной. Как-то утром, вместе с шефом, я захожу в магазин, а с полки струится несколько надорванных пакетов с печеньем, один, полностью рассыпанный, лежит на полу. И с чего эта крыса вздумала нарушить конвенцию... Тут, конечно, вызвали и санитарного врача, намазали гелем печенье и выложили возле холодильника.

— Может, ее можно как-то отпугнуть, — протестовала я — Просто забейте лазейку. Вы представляет: если она в норе сдохнет, то я сдохну от запаха.

Но меня никто не слушает. На следующее утро в магазин я зашла с содроганием сердца. Печенье раскрошено и крысы нет. Нет, она не сдохла, ни в магазине, ни в окрестностях. Потрясенная моим вероломством, она ушла и очень надеюсь, что не умирать. И больше я ее никогда не видела.

Вот, что это вообще было, и зачем крыса с упорным постоянством приходила ко мне? Мы, люди, между собой зачастую не можем ужиться, на что же крысе то рассчитывать, вот бы и жила себе спокойно в своем крысином мире.

БЕШЕНАЯ БЕЛКА

Вчера я очень внимательно рассмотрела Ольгину коллекцию кукол. Я всегда искренне поражаюсь таланту людей, которые делают игрушки. Невольно вспомнился один эпизод из моей жизни, когда мне самой довелось, пусть даже раз, пусть даже первый блин комом, быть сопричастной к этому делу.

Ослепительная по своей новизне мысль пришла в голову учителям начальных классов в школе, где учился мой сын, организовать выставку мягких игрушек, сделанных самими детьми. Это был второй или третий класс, точно не помню. Обсуждению эта идея не подлежала — на выставку планировались какие-то высокие гости... Понадобилось им детское творчество! Конечно, основной удар тяжелой артиллерии пришелся по родителям. Выдали листочки с разными зверями, с подробной инструкцией и выкройками. Самим еще надо было приобрести два кусочка меха разного цвета или похожей по структуре ткани. Нам досталась белка.

С тканью вопрос разрешился сам собой, с прошлого Нового года оставалась более чем подходящая плюшевая накидка Чебурашки — состоящая как раз из полотнищ ярко-оранжевого и коричневого цвета. Ничего сложного, только приложить выкройки, все помечено, где какой цвет. Довольно-таки крупная белочка. Самое сложное — мордочка, она состоит из нескольких клинышков разного цвета, надо пришить пуговички глаз и носика, ну там еще усики надо сделать и набивают ватой голову в последнюю очередь, когда уже все пришито. Вы же знаете, как обстоит процесс творчества, просто попадаешь в струю, и неизвестно откуда что берется, единственно подходящее для намеченной цели. Я перебра-

ла всю коробку с пуговицами: все не то... Как вдруг наткнулась на нечто: маленькие пуговички ну очень яркого, голубого, какого то дикого цвета, не выпуклые, а скорее, вогнутые внутрь, с толстеньким ободком по краям. В этих маленьких пуговочках еще было по четыре дырочки, я порой просто удивляюсь нашей промышленности. Естественно, я пришиваю эти пуговички крест накрест черными нитками, набиваем голову, сшиваем. Все!

Мы ошарашенно уставились на белку. Вернее, это она уставилась на своих создателей, и честное слово, более осмысленного, злобного и ехидного взгляда я еще не видела ни у одной игрушки, ни у злодеев в мультиках. Нарочно захочешь придать зверское выражение — ничего не получится. Взгляд ее можно было выносить только очень маленький промежуток времени. Дикие, голубые глаза с черными крестиками ярко полыхали на оранжевом, а коричневый клинышек на подбородке придавал выражение зловещей улыбки.

— Ой! — только и смогла сказать я под безудержный хохот сына. Он и не дал мне переделать ее. Вы будете смеяться, но на ночь я ее поворачивала зловещей бешеной мордой к стене.

По той же светлой, архигениальной идее организаторов выставки, все дети сдавали игрушки, а потом в субботу можно было прийти на выставку и купить понравившуюся игрушку, или выкупить свою, или гости могли купить, что им понравится. Естественно, сын потащил меня выкупать за деньги нашу бешеную белку. Какое же было мое удивление, когда мы узнали, что белку уже купили. Выставка только-только открылась, а эту Медузу Горгону уже купили! Сын был безутешен, и смотреть не хотел на компанию зайчиков, лисят, медвежат и добродушных белок. Я предлагала емушить новую, выкройка то осталась, но он наотрез был против.

— Так больше никогда не получится! — и, наверное, был прав.

— А может, она сбежала, твоя бешеная белка. Янисколько не удивлюсь, если поздно вечером в кустах увижу ее бешеные, горящие, незабываемые глазки... Нельзя же с таким монстром в доме жить. Я ее боюсь! И наверное, тоже была права.

И ведь сколько у него было дорогих, хороших игрушек, целые коллекции индейцев, солдатиков, машинок — все раздал потом всем детям во дворе. А свирепую белку вспоминает до сих пор со смехом и сожалением.

Алексей ШТРИКОВ

Родился в 1985 году. Выпускник Московского государственного лингвистического университета, переводчик. Владеет английским и норвежским языками. Автор переводов книг норвежских писателей Ю. Несбе, Фруде Грюттена. Увлекается интерактивной литературой (книги-игры), историей, настольными играми и водным туризмом. Публиковался в журналах «Введенская сторона» и «45-я параллель».

ПАТАКА, или ЮЭЦИ

Я расскажу историю двадцатипятилетней давности. Мы шли из Сингапура в Циндао, и за время плавания я познакомился с мистером Фристом. Высокий седой старик с роскошной бородой и волосами до плеч — сегодня бы его сравнили с Гэндальфом или Дамблдором, а мне он напоминал Рип ван Винкля из старой библиотечной книжки моего детства. Мне самому было чуть больше двадцати, и для солидности я отращивал усы, говорил с нарочитым среднеатлантическим акцентом и посасывал вычурную пенковую трубку. Тогда мне казалось, что Фрист оценил именно трубку и акцент. Сейчас я понимаю, что дело было в чем-то ином, раз ни то, ни другое его не отпугнуло. Кажется, все время плавания он увлеченно что-то писал. Каждый день я видел его за столом: ворох бумаг, тетрадей, книг и фотографий и посреди всего этого — электронная пишущая машинка. Мне по какой-то причине не хотелось спрашивать, *что* он пишет (потом

стало очень интересно, но разыскать его публикации я в итоге так и не смог), сам Фрист об этом не говорил, но был неизменно приветлив и разговорчив на другие темы.

— Вы раньше бывали в Циндао? — спросил он в последний день плавания.

— Нет. Я никогда не был в Китае. А вы?

— Пятьдесят лет назад, — он снял очки и широко улыбнулся.

Из вежливости я тоже улыбнулся. Мне совершенно не хотелось в Циндао, у меня были дела в Японии, но обстоятельства вынуждали сделать остановку в этом китайском порту и проторчать в нем полторы-две недели. Фрист, напротив, сиял радостью. Хитро сощуривав белесые глаза, он увлеченно и сочно — как умеют, по-моему, делать только старики — рассказывал мне о грозных фортах и кипящей портовой жизни, о немцах и японцах, о соборе Святого Михаила, прямых европейских улочках и самом лучшем пиве, какое мне только доведется попробовать.

Я слушал и параллельно читал письмо из Бостона — от моей невесты, Келли. Очень хорошо помню тогдашние впечатления от нашей переписки. Она была регулярной: я писал ей, она — мне, причем как будто не читая моих писем. Я раз за разом задавал ей вопросы — она оставляла их без ответа. Я старался писать о важном, развивать идеи, рассказывать о своих чувствах и переживаниях. Ее письма изобиловали бытовыми мелочами и штампованными фразами — их можно было читать выборочно и в любом порядке. Из раза в раз я, словно рыцарь на турнире, круто разворачивал коня и вновь мчал во весь опор, желая поразить цель. И, получив ответ, понимал, что промахнулся. Редкие телефонные разговоры (с ними тогда было туго, не то что сейчас) давали примерно тот же результат. Я втискивал в каждую секунду как можно больше чувства и значения, Келли расточала их на щебетание и вздохи.

Фрист ни с кем не переписывался и тем более не перезванивался. Но у него на столе всегда лежала внушительная стопка конвертов и открыток прошлых лет, и он, откинувшись в кресле, запоем их перечитывал. Ему писала его молодость, и неизменно находила самые правильные слова — если судить по его блаженной улыбке.

* * *

В порту мы очень быстро разошлись. Поначалу мой знакомый вызвался показать мне достопримечательности старого города, но, когда мы поравнялись с ближайшим уличным кафе, замер и, забыв обо мне, решительным шагом с чемоданом в руке направился к дальнему столику, за которым сидел невысокий грузный старик-китаец, чем-то похожий на моего Рип ван Винкля. Со стороны было забавно наблюдать их встречу. Долговязый Фрист перегнулся через весь стол и, длинными руками обхватив китайца за плечи, что-то радостно декламировал. Тот улыбался и кивал головой — точь-в-точь знаменитый болванчик. Я ждал, что Фрист вернется ко мне и скажет что-нибудь вроде: «Мой юный друг, позвольте представить вам человека, с которым я не виделся пятьдесят лет», — но тщетно. Он сел, открыл дипломат и начал что-то раскладывать на столе. Китаец тоже что-то выудил из карманов и выкладывал перед собой.

Юной голове начали роиться самые разные мысли и подозрения. С кем вообще свела меня судьба? Может, он шпион? Или контрабандист? Или еще что-нибудь похуже? Я не знал, что и делать — подойти поближе и все разузнать или бежать подальше. Любопытство взяло верх, и я подкрался к столику.

— Мой юный друг, позвольте вам представить, — наконец выдал Фрист, когда я подошел совсем близко, — господин Ван Ляо, добросовестный хранитель воспоминаний полувековой давности и лучший игрок во всем Циндао!

На столе лежали две колоды карт, игральные кости, белые и черные камешки (такими играют в го), коробок спичек и рядом — аккуратные столбики монет. Такое чувство, что друзья решили сыграть во все сразу.

— А что это за игра? — вырвалось у меня. Почему-то меня это остро заинтересовало.

— Патака, — выдал в ответ Фрист и азартно потер руки.

Мне хотелось на это посмотреть, но сколько бы продлилась партия? А этот день у меня был распланирован, нужно было зарегистрироваться в гостинице и успеть на почту. Да и вообще — зачем нужен третий лишний на встрече двух старых друзей... Я учтиво откланялся. Китаец с улыбкой кивнул и мне. Фрист увлеченно выкладывал на стол карты и, кажется, не обратил на мой уход никакого внимания. Рядом с кафе я взял такси, чтобы поскорее приехать в гостиницу и сделать очередной малопродуктивный телефонный звонок в Бостон.

* * *

Следующий день я усиленно ходил по экскурсиям и пил пиво. Вообще Циндао — занятный город. Ты как будто находишься одновременно в Европе и в Азии — и во всех эпохах сразу. Несколько лет спустя я смог все это оценить. А в ту поездку меня не впечатляло. Горы, море, пиво — за свои двадцать с небольшим лет я наелся этим досыта, а смотреть дальше этого мне было неинтересно. Мне не терпелось расстаться с городом и отправиться в Японию, и я негодовал на Марка Познера, который в телеграмме просил дожидаться его во что бы то ни стало.

Вечером я наудачу отправился в то же кафе и обнаружил Фриста с Ваном за тем же столиком. Я поверил бы, что они вообще не уходили, если бы не перемена в одежде — и в предметах на столе. На этот раз перед китайцем стояла армия оловянных солдатиков, а мой давешний попутчик выстраивал какие-то коридоры из костяшек, похожих на домино.

Я поздоровался и спросил, во что они играют на сей раз.

— Патака, — сказал Фрист и вернулся к своим коридорам.

Ответ несколько сбил меня с толку, но я сел наблюдать. Старики не возражали. Они играли увлеченно и изредка обменивались одобрительными фразами. Ван продвигал солдатиков вперед, Фрист складывал из костяшек

замысловатые лабиринты, и оловянное войско было вынуждено проходить по ним. Каждый ход словно цокал судейский молоточек. Иногда солдат делал один шаг, иногда два или три — по схеме, которую я никогда не мог угадать. Время от времени Ван пасовал и, наконец, поднял ладони вверх:

— Теперь армия и вовсе не пройдет, это ворота смерти. Я проиграл.

— Ха-ха! — торжествуя сказал Фрист. — Старина Ван, ты выиграл в прошлый раз. В этот раз выиграл я, — и он со значением поставил на стол перед соперником еще четыре костяшки.

— Очень хорошо, — улыбнулся китаец. — До завтра.

Я вызвался проводить Фриста до его гостиницы (мы остановились в разных) и, наслушавшись по дороге историй о каждом встречном здании, набрался храбрости и попросил научить меня играть в патаку. Я даже сделал это без среднеатлантического акцента. Рип ван Винкль потрепал меня по плечу и сказал, что мне это ни к чему, а ему новый партнер по игре не нужен — хватает и партий с господином Ваном. В том возрасте я был обидчивым, но тут почему-то совершенно не обиделся и твердо решил прийти на следующий вечер.

Я поджидал их в кафе с полудня, чтобы успеть к самому началу партии и хоть из каких-то начальных комментариев понять смысл игры. Первым пришел Ван, через минуту — Фрист. Короткое приветствие — и вот на столике появилось расчерченное на квадраты поле, дюжина маленьких швейных катушек, три скорлупки грецкого ореха и спички. Те же самые, что и в первый раз. Я подошел и поздоровался. Неужели и это — патака?

— Патака, — весело сказал Фрист.

Китаец расставил четыре катушки по углам поля, мой знакомый поставил по краям ореховые скорлупки. Они выглядели как маленькие кораблики, и мне казалось, что на этот раз уже Фрист ведет свою эскадру к месту сбора, а Ван устраивает на пути всевозможные препятствия. Катушки сдвигались к центру поля, между ними возникали мостки из спичек. От одних мостков протягивались другие. Целая паутина мостков на двенадцати катушках. Под одними скорлупки ловко проходили, под другими боялись. В какой-то момент на столе появились монеты — Ван одну за другой положил их на все двенадцать катушек и сказал: «Партия».

— Я не успел, — с притворным отчаянием воскликнул Фрист.

— Успеете завтра, — сказал китаец.

На этот раз я решил выпытать правила у него. Когда они вышли из кафе и разошлись, я

немножко подождал, тоже вынырнул на улицу и догнал Вана на повороте, благо шел он неспешно.

— Господин Ван! — окликнул я.

Он обернулся и со своей улыбкой сказал:

— Моя фамилия Ли.

— Вы сейчас играли с мистером Фристом в патаку...

— Я играл в юэци, — ответил китаец.

— Но... — я был сбит с толку. — Фрист говорил, что это патака.

— Очень хорошо, — сказал он.

— Научите меня!

— Как этому научить? Этому можно только научиться. Мистер Фрист играл в патаку, а я в юэци. Он проиграл, а я выиграл.

В голову пришла совсем странная мысль:

— Вы играли в разные игры?

— Очевидно, да.

— Но вы как-то договорились о правилах?

— Люди не всегда договариваются о правилах. И у всех разные игры, — китаец широким жестом показал вокруг. — Все на этой улице играют свою партию. Есть правила, как вести себя прилично, как идти по улице и ехать в машине. Но мы с вами — вы и я — о них не договаривались. Тут улица, там столик в кафе. Каждый играет свою партию. Умный человек поймет, как ему выиграть, и любой человек почувствует, когда выиграет. Главное помнить собственные правила и быть честным.

— Но ведь так... выиграть могут оба.

— Очень хорошо, — совсем уж радостно улыбнулся китаец. — Так, конечно, лучше всего.

Он слегка поклонился мне, я инстинктивно поклонился ему, и мы разошлись.

* * *

Утром следующего дня я твердо знал, чем собираюсь заняться. Я исписал и изрисовал схемами полблочнота, успел побывать у старьевщика и в книжной лавке, где купил томик Сунь-цзы. Наконец, весьма довольный собой, пришел в кафе. Старики только-только сели за игру. Я поздоровался и спросил:

— Можно с вами?

— Неправильный вопрос, — ошарашил меня господин Ван (или все-таки Ли?).

— Что же в нем неправильного?

— Вопрос.

Я сел за стол и положил на него колоду карт, авторучку и несколько разномастных фишек — от пуговиц до японских нэцкэ. Фрист одобрительно крикнул и подвинулся, освобождая мне побольше места.

— Как называется игра? — спросил он.

— Келли, — честно ответил я.

ВЕКШИ-ВИРШИ

ВЕКШИ-ВИРШИ

Осень лучится, пахнет вчерашним летом,
Осень богата мыслями наперед.
Рыжие векши благоволят поэтам,
Прыгают прямо с ветки в пустой блокнот.
Осень щедра на шишки и на орешки.
Россыпи чувств — каштанами во дворе.
Лапки хватают что-то и в глупой спешке
Прячут под многоточия и тире.
Осень поет о вешнем, ступай потише —
Видишь: сменив сосну на гитарный гриф,
Резво снуют досужие векши-вирши,
Жадно срывая дни коготками рифм.

* * *

Словно музыка ты, что взлетит,
как пугливая стая,
И заполнит собою все небо от края до края,
Зазвенев перебором барбета из стройной палатки
В то мгновенье, когда я по майскому саду гуляю.
Даже если душа ожидает другого мотива,
Этот льется один, все иные себе подчиняя.
Ищет горечи слух, а в мотиве —
смешливая сладость.
Чуть привыкнешь к нему — оборвется,
как нить золотая.
И не внемлет мелодия эта биению сердца,
Ей хватает с лихвою того, что сердца ей внимают.
И как музыки всей нет надежды
постичь до конца мне,
Не пытаюсь, мой друг,
разуменьем постичь и тебя я.

ЛЕН

Для всякой жизни на земле свой срок определен,
И после милых и родных тебя обнимет лен.
Его к твоим похоронам готовили давно —
Не в одночасье из семян родится полотно!
Его выхаживал феллах, высушивал восток,
Плясали палки по нему —
чтоб только вышел прок, —
Наставник-суфий день за днем
не уставал кружить,
Чтоб свить бессвязную кудель
в осмысленную нить.
И вот уже за рядом ряд, как книга по строке,
Усердием творится ткань на приводном станке.
Успеет к часу похорон чужое мастерство —

И будет белый саван шит для тела твоего,
Чужие пальцы проведут по мертвенным глазам...
Но саван для своей души ты должен сделать сам.
Под лен распахана судьба, и не забудь одно:
Не в одночасье из семян родится полотно!

ДОРОГА НТЕМБЕ

Бурые горы понуры, но скоро, скоро
Первые борозды утро проводит ветром.
Люди идут по тропам живым узором,
Лезвия режут горла безмолвным жертвам,
Кровь пробегает и тает в бездонных пастях,
Солнце восходит, и густо ложатся тени,
Люди идут обратно, к своим несчастьям,
Люди забыли Бога, остался Нтембе.

Нтембе высок, он пронзает висок небу
(Думают люди).
Нтембе злодей, он лишает людей хлеба
(Думают люди).
Нтембе силен; все, что скажет, — закон, закон
(Думают люди).
Нтембе способен любить лишь таких, как он
(Думают люди).

Было четырнадцать братьев у Нтембе —
Все как один мертвы.
Были соседи, богатое племя —
Все как один рабы.
Дым от сожжений был сладок и едок,
Радость вплеталась в боль.
Кровью дороги чертил первопредок
Нтембе, жестокий король.

Сотня каменных жерл каждый раз говорит:
Нтембе требует жертв и не слышит молитв.
Приноси, убивай, уходи и живи как хочешь.
Будь достоин дорог своего короля —
Под кровавый восток подползает земля,
И опять появляется день из убитой ночи.

Крепкие ноги идут, разбивая вежи,
Крепкие руки берут, разбивая кости.
Крепкое сердце складывает успехи
В крепкую стену, в раствор добавляя злости.
Крепкие мысли бегут, не теряя в темпе,
Первым прийти хорошо, остальное — плохо.
Люди спешат вперед, как сказал им Нтембе...
Просто остановись... чтобы вспомнить Бога.

БАЛЛАДА О ПОГАСШЕМ МАЯКЕ

У Западной бухты заброшен маяк
 На острове Иниш Крон.
 У Западной бухты на стывших камнях
 Свернулся кольцом дракон.
 Безумная буря исходит на крик,
 Сминая пятерку чувств.
 И змей выпускает белесый язык —
 Попробовать мир на вкус.

У Западной бухты надежда мертва,
 По морю гуляет страх.
 Коварные рифы и злые ветра
 Смыкаются на судах.
 У хищного змея хороший улов,
 Злорадно глаза блестят:
 Немало измолото душ моряков
 В драконовых челюстях.

Над Западной бухтой не видно луны,
 Не видно далеких звезд.
 Над Западной бухтой лишь тучи видны
 Во весь исполинский рост.
 В седой океан расплзается мрак,
 Как черный кошмарный сон...
 ...Покуда заброшен старинный маяк
 На острове Иниш Крон.

ЧЕРНЫЙ БЫК

Слышишь, рыжебородый, выходит срок!
 Страшное время ползет из озерных заводей...
 Тернием бездорожья порос восток,
 И не сыскать дорог на каленом западе.
 Вижу, приятель, к такому ты не привык.
 Вроде, ученый, да все-то ученье — лишнее.
 В горы — одна надежда. Беги, старик.
 В горы! А по долине дорогой нижнею
 Хищный проходит,
 черный
 железный
 бык.

Бой барабанов вплетается в гром копыт.
 Тысячей вымпелов шерсть на загривке вздыблена.
 Голову поднял — и вот небосвод пробит,
 Склонит — земля кровотоцит в глубоких рытвинах.
 Все, что, ты думал, известно наверняка,
 Впору отбросить и словно родиться заново,
 Полно смеяться и драться по кабакам,
 Полно жалеть недобытого и желанного,

Ты постарайся
 сбежать
 от рогов
 быка.

Видишь — тропинка, как лестница в небеса?
 Трудно сейчас поверить, не верив загодя.
 Шаг — с пробужденных листьев летит роса.
 Страшное время ползет из озерных заводей...
 Полно стараться дожить перебитый миг.
 Полно скулить о невыпитом и несъеденном.
 Я выбираю горы — я к ним привык, —
 Новую жизнь и обещанное наследие.
 Лучше — со мной.
 И не жди,
 что предложит
 бык.

ЛЕД

Холодное сердце тоже чувствует раны,
 Тоже глотает жадно свои мечты.
 Ты думаешь, спят инеистые великаны
 К северу от неистовой пустоты?
 Ты помнишь, как ветер им пробивал грудины,
 Как прорывалось время, вскрывая лед,
 И как отступали согбенные исполины,
 Молча бросая очередной оплот?

Ты видишь небо в струпьях озоновых рытвин,
 Слушаешь залпы ракет и вдыхаешь дым?
 Подарены строчки в песне о страшной битве
 Огненным великанам — не ледяным.
 На вековых шапках алеют клейма,
 Смуглый воитель Сурт поднимает юг.
 Вздвигается знамя искристого Муспельхейма,
 Может быть, даже где-то в твоём краю.

Ты думаешь, спят инеистые великаны?
 Нет, и они стремятся на города.
 Ты не увидишь вымпелов и таранов,
 Стройных, прямолинейных, как руна льда.
 Огненный ад столицы берет в осаду,
 Огненный ад разлетается, как пыльца.
 И не заметны ростки ледяного ада
 В наших устах, наших разумах и сердцах.

С белесых страниц и широких цветных экранов
 Зерна врываются в душу под самый плуг:
 «Ты должен в себе выращивать великана,
 Должен быть выше тех, кто стоит вокруг».
 И, может, ты не заметишь, что взор твой выщвел,
 А прежние омуты стали тебе мелки...
 Но... хочешь победы в песне о страшной битве?
 Пристальнее смотри зеркала в зрачки.

МОСКВА

Золотая столица диктует амбиции,
 Мы цепляемся всем, чем можно цепляться и
 Стараемся врезаться в город страницами
 Основного документа, удостоверяющего
 личность гражданина Российской Федерации.
 Мы врываются в город, обрастая знакомствами,
 Именами, визитками и номерами.
 Мы становимся твердыми, жесткими, черствыми,
 Рассыхаемся, крошимся и умираем.
 Наши жизни сочатся сквозь город по капле,
 Привнося в его душу до боли известное:
 Город тянется шпильями, растопырив пентакли,
 И хватается ими за вечность небесную,
 Исторгает ничто и кроит его в нечто,
 И высоты растит вавилонскими башнями,
 Чтобы в небо впечатать свой образ навечно
 И на завтрашнем дне сделать оттиск вчерашнего.
 Ну а небо дождит и плывет облаками,
 Ускользая сквозь самые цепкие пальцы.
 Небо смотрит на город, любит нас,
 И оно, как ни странно, ни за что не цепляется.

ЗАРИСОВКА О НОЯБРЕ

Пятые сутки на улице снежит,
 Небо кутает землю в простыни.
 Все те же дома, и огни все те же,
 И старый костюм по росту мне.
 Я вижу, как грязных дорог обломки
 Исчезают под белым покровом,
 Как старый мир доходит до кромки
 И просто становится новым.
 И хочется мне с этим миром вместе
 Тоже быть новым и белым.
 А душа, просыпаясь, требует песни
 От усталого сонного тела.
 И я даже слышу нужные нотки,
 Но, снег за окном заметив,
 Все старые песни застревают в глотке,
 Когда я пытаюсь петь их.

СЕСТРИЦА, или
 ПЕСНЯ ЛОВЦА НАДЕЖД

Александр

Сестрица достала сентябрьский веер,
 И снова мечты горят.
 Мне трудно привыкнуть, что рано темнеет —
 Которую жизнь подряд.
 Я мог бы ей снится. Я спорил бы с нею —
 Но много ли пользы в том?

Сестрица достала сентябрьский веер —
 Наверное, мыслям в тон.

Но плачет стекло и дрожит черепица.
 Ах, как тебе шло твое лето, сестрица!
 Задернуты звезды в вечернем окне,
 И чувствую слезы я в сладком вине.

Поют об ушедшем осенние стаи,
 Направив свой клин на юг.
 Мне трудно поверить, что поздно светает
 В моем золотом раю.
 Но даже и этого света хватает,
 Чтоб выжечь над прошлым нимб.
 Поют об ушедшем осенние стаи —
 И я подпеваю им.

Возможно, смешно в старой памяти рыться,
 Но как тебе шло твое лето, сестрица!
 И песня другая, играй — не играй.
 И слезы в бокале идут через край.

Сестрица достала сентябрьский веер,
 И снова мечты горят.
 Мне трудно привыкнуть, что рано темнеет —
 Которую жизнь подряд,
 Но я проявляюсь в сумбурных обрывках
 Видений ее лесных.
 И снова сестрица мне дарит улыбку
 И первый бутон весны.

ПЕСНЯ О БРОНЗЕ И ХОЛСТЕ

Снова утро заплетает небу кудри,
 Алой лентой украшая тишину.
 Снова утро — и купаясь в этом утре,
 Юный Генрих уезжает на войну.

Оживает мостовая под подошвами,
 Раскрываясь неоконченной игрой.
 Я опять иду в грядущее сквозь прошлое,
 Как и мой отважный бронзовый король.

Но, Ваше Величество, долго ли нужно
 Под сетью кольчужной надежду хранить,
 Когда перед прошлым Вы так безоружны,
 Когда Вы не в силах его изменить?
 Но медное сердце стучит сегидилью,
 И хочется сердцем душе ограничиться,
 И хочется думать, что Вы победили,
 Надеяться, верить... но, Ваше Величество...

День проходит пляской тени по карнизам,
 День, проходит, собирая к ночи сны.

В Белом Замке беспокойная Алиса,
Как и прежде, ждет любимого с войны.

И лампада, белым пламенем горящая
Перед кротким нарисованным лицом,
Освещает в тихом прошлом настоящее.
Настоящее, похожее на сон.

Но, Ваше Высочество, долго ли можно
Непрошенных дней не пускать на порог
И тщетно разыскивать строки о прошлом
На серых страницах столичных дорог?
Но теплится пламя сердечной молитвой,
И хочется верить, и слышать не хочется,
Не хочется знать, что кольчуга пробита,
Что пуля — не шпага... но, Ваше Высочество...

Если б только замолчал столичный улей,
Он услышал бы в листве дворцовых лип:
«Ты прости, я снова выехал под пули
И, наверное... наверное, погиб».

Если б город прекратил привычный топот
И склонился над застывшею рекой,
Он услышал бы над ней счастливый шепот:
«Слава Богу, ты вернулся, дорогой...»

ПЕТЕРГОФ

О, Петергоф, плывущий лебедь!
Сюда спешил, откинув спалин,
И позабытый ныне Лебен,
И нестареющий Репшин.

И, окунувшись в плеск фонтанов,
Творили с ночи до утра
Сольвычегодский и Прустанов,
Хмельные гении пера.

Любовник муз, бродяга Лидин
Здесь выступал из года в год.
Его «Аир» и «Отравитель»
Гремели каждый в свой черед.

Великолепно и игриво
Стихи пускали, как венки,
По волнам Финского залива
Коростылева и Канкин.

Оставив суетливый Невский,
Капризов музы не боясь,
И д'Эберлей, и Родваневский
Здесь обрели свой Парнас.

Рукою Шильде зарисован
Точный взгляд из-под седин —
То у могучего «Самсона»
Блистал щедедушный Шавердин.

Ловя в ночи малейший сполох,
Пронзая звездные миры,
Писали Земич и Осколов,
Салюстиан своей поры,

И враг вина — утрюмый Крытов,
И рано умерший Царьков.
О сколько же имен забытых
Вместил прекрасный Петергоф!

Но как, увы, непрочны нити...
Хотя... по правде говоря...
Я и стихов-то их не видел...
И имена — от фонаря...

СЛЕПЕЦ С ПОСОХОМ

Тому назад двенадцать лет
Уже я стал бескрыл,
Тогда звенящий бересклет
Мне посох подарил.
Как я, отрезанный судьбой
От памяти своей,
Он спутник и товарищ мой
На перекрестках дней.

У нас одна и та же суть:
Как я, он прям и строг.
Он выбивает добрый путь
Из скупости дорог.
И пусть мертва его душа
Двенадцать лет уже,
Он помогает каждый шаг
Пройти моей душе.

Пусть я двенадцать лет и слеп,
Дорогами гоним,
Его, я знаю, верный след
Сопутствует моим.
И если вдруг пути горбыль
Проломит мне хребет,
Меня оплачет только пыль
Да старый бересклет.

ХОРОВАЯ МУЗЫКА

Где границей схлестнулись аллоды,
Талион наши судьбы сковал.
Где в сражении гибнет свобода,

Владислава ПОДЛУБНАЯ

Родилась в 1995 году в г.Днепропетровск (сейчас – г.Днепр, Украина). Окончила ХНУ имени В.Н.Каразина по специальности «маркетинг», обожает писать прозу и стихи.

ПЕРЕКРЕСТКИ

Сию и удаляю первую строку который сраз. Кто сказал, что сидение на стуле ежедневно с 8 до 10 даст мне возможность стать более креативным? Ах, я вычитал это в «топ 5 правил тайм-менеджмента». Наверно, я исключение из правил, и для меня они не работают. А может, я все делаю не так. Да и сегодня утро какое-то не такое. Не знаю почему. Я ощущаю раздражение от собственной непродуктивности. А ведь я оплатил отель на 3 недели вперед, якобы творческий отпуск, который снабдит меня идеями для книги. Пока – ноль. Лишь раздражение. Написать книгу о раздражении?

Захлопываю ноутбук и иду, зажав его под мышкой, в столовку: этакий деловой джентльмен. Фу, аж самому противно! Сажусь и жую, челюсти ходят туда-сюда. Завтрак включен в счет, так что я, педант и скряга, всегда являюсь первым в столовую и съедаю все, что мне предложат. Вот так-то. Ни цента не растрчено. Сказать по правде, завтрак – дерьмо. В этой стране совсем не умеют готовить. Стараюсь думать позитивно. Вот, например, мне нравится серви-

ровка, да и чай вроде ничего. Нет, хватит, чай тоже – дерьмо. Осматриваюсь. Ага. Уже сходятся люди. Девушка напротив жует апельсин. Очистки разбросаны по столу, оранжевые, белые внутри и шершавые. С отвращением представляю, что ее пальцы липкие от сока. Брр... не выношу! А вот китаец, или кореец, или японец... не могу их различать. Впрочем, он набрал стопку хлеба, будто собирается дом строить из этих «кирпичей», и как он может есть такой хлеб? Будто подошву жуешь, но, видимо, у нас разные вкусы.

Замечаю рядом с собой пожилого человека в черном костюме и пепельно-оранжевой рубашки. Он выделяется среди толпы, внешность интеллигента. Высокий, худощавый, но ощущается стойкость, сила. Седые волосы собраны в пучок, борода закрывает шею, среди серебристых волос замечаю черные пряди. Человек садится подальше от всех, жует бутерброд с маслом и повидлом, идет за добавкой. Вижу, что любит зажаренный хлеб, ну знаете, когда дважды засовываешь в тостер кусок. У него серебряный термос с крышкой, декорированной

под дерево, он не пьет местные «напитки». Достает книгу, водружает очки с толстой черной оправой на нос и внимательно, вдумчиво читает что-то на иврите. Наверно, на иврите, так как я не могу разобрать ни слова. Я пялюсь на него и чуть не переливаю чай через край чашки, стоя у автомата. Людей уже прибавилось. Вижу спины и головы, склоненные над телефонами, слышу смешение языков и звон посуды. Вижу кого-то с зелеными волосами, вижу кого-то с розовыми волосами. И думаю: какой же я обычный, серенький, как мне легко быть незамеченным в толпе.

Дедок будто абстрагировался. Ничего вокруг не видит. Я наблюдаю за ним из-под тешки и замечаю, как блестят тонкие, дымчатые ресницы, когда он моргает. И так мне отчего-то приятно становится на душе, ощущаю невидимую солидарность, какую-то эмпатию. Видимо, всегда приятно видеть читающего человека.

Внезапно мужчина отложил книгу и потянулся за термосом, налил в чашку напитков и сделал глоток. Край оранжевой рубашки задрался и я увидел шрам в виде звезды, портрет какого-то мужчины, вырезанный будто на кости, и какие-то надписи. Меня передернуло. Было впечатление, что кто-то обглодал, вырезал мышцы и мясо на его руке, стараясь создать эту «композицию». Пытаюсь представить его боль, но не могу. Ведь я ни с чем хуже перелома дела не имел.

Внезапно вспоминаю, что уже видел что-то подобное, или слышал...

Я был маленьким мальчиком, еще и в школу не ходил, наверно, и читать толком не умел. Впрочем, я почти не помню, какого это — смотреть на мир, когда твой рост едва выше метра. Но сейчас, сейчас я будто снова стал ребенком, и передо мной явственно предстал старенький дом в глухой деревушки, где жила моя бабушка, уже много лет назад почившая с миром. Пока она была жива, родители отправляли меня каждое лето к ней погостить. Я всегда сопротивлялся, не хотел бросать товарищей по играм и уезжать аж на три месяца из города, но родители были уверены, что воздух и деревенские харчи благотворно на меня влияют. Да и они получали передышку от меня, ведь я был непоседой и не мог просидеть на одном месте более пяти минут.

Бабушка была как из сказки: древняя и таинственная. Волосы белые-белые, морщины как паутина укрывали все ее лицо, сама она была маленькая и худая, почти прозрачная, и носила голубое платье и белую косынку, так что напоминала облако, чудом спустившееся на землю. Казалось, подует ветер — и бабушка улетит. И глаза ее были голубые, радужка — синяя, она

точно сошла с неба, ненадолго, лишь посмотреть, как тут живут люди, а потом — сразу домой, к своим подругам-тучкам и к солнцу, к луне.

Я пугался поначалу и прятался за мамины ноги, но стоило бабушке улыбнуться, как мой рот сам собой вытягивался в улыбку и я летел ей на встречу, чуть было не сбивал с ног. Вот такая у меня была необычная бабушка. Ну точно колдунья!

Я резвился целыми днями на природе. Наш дом был возле озера, окруженного горами, у подножья которых раскинулся лес. Бывало, замученный жарой бегу в горы, карабкаюсь ввысь и замерзаю, потом спускаюсь быстро вниз и лжусь на мягкую травку, на солнышке — отогреваюсь, а потом — назад, в горы, когда станет очень жарко. Мне нравились такие игры. И повсюду мне мерещились драконы, лешие и духи деревьев, а в озере, конечно, плескались русалки. Я боялся, как бы они меня не утащили, и не купался подолгу: забегал, нырял и сразу — на берег. Ловил в камышах лягушек и ужей, бесстрашно взбирался на деревья, пытаюсь догнать белку. Воображал, что лечу, сбегая вниз с холмов. Целыми днями носился я по долинам и среди гор, не мог дожидаться, когда наступит утро, и возмущался, чего ночи такие длинные?

Вечером прибежал, вздохнул пересказывал увиденные мною за день чудеса бабушке, а она кивала и говорила, что верит, будто я летал вокруг земли, говорил со звездами и видел полярных медведей, будто я — летчик, будто я — моряк, будто я победил дракона и запугал ведьму...

И еда казалась необыкновенно вкусной, я моментально все проглатывал, особенно любил клюквенный пирог, ничего вкуснее бабушкиного пирога не довелось потом попробовать....

После ужина мы сидели на веранде. Меня к тому времени порядком разморило, и я тихо и внимательно слушал сверчков и ночных птиц. Это была наша местная филармония. По обоюдному согласию мы не произносили ни слова, каждый ощущал, что творится что-то необыкновенное, этот промежуток между днем и ночью — это магия, это — чудо, это — перевоплощение. И белая бабушкина косынка казалась голубой при свете звезд, а платье — черным. И становилась она похожей на дождевую тучку, и серьезной мне казалась, на лице ее отражался покой и что-то мне непонятное, будто видит она и слышит то, что мне не доступно.

Наступал такой момент, когда бабушка поднималась, и я вскакивал следом, и оба мы шли в дом, и не запирали двери, позволяя ночному прохладному воздуху остудить нагретую за день избу. Бабушка садилась на кровать, а я устраи-

вался рядом, клал голову ей на колени, а она гладила меня по волосам, проводила пальцами за ухом, дотрагивалась лица, будто слепой человек пытается представить, как ты выглядишь. И такие легкие были ее касания, что мне иногда казалось — это ветер. И начинала бабушка рассказывать истории. Но не сказки, не легенды, нет, моя бабушка была особенной — она говорила правду, она повествовала о жизни.

И много раз я плакал после ее грустных историй и просил что-то веселое, и она вспоминала что-то веселое, и я смеялся. Вот как оказывается: жизнь это что-то такое, над чем можно плакать и смеяться одновременно. Но нельзя постоянно делать что-то одно, иначе скучно будет.

В тот день лил дождь, и мы не вышли на веранду. Бабушка задумалась и жестом пригласила меня сесть рядом с ней на кровати. Я повиновался, хотя был возмущен погодой, нарушившей наш ритуал и помешавшей мне вдоволь набегаться сегодня. Но что-то подсказало мне, что бабушкина история будет сегодня особенно необычной.

Много лет назад, когда я была молодой и мои волосы были цвета пшеницы, а не снега, была война... Наша деревня была далеко от линии фронта и все надеялись, что мы никогда не узнаем, что значит быть оккупированными. Пока война не постучится в двери, ты и не представляешь, что это такое. Я всегда видела ее в образе женщины без лица, истекающей кровью, протягивающей вперед руки, чтоб схватить людей и разорвать их в клочья.

Увы, надежды стали прахом, когда наши солдаты отступили, и пришли чужаки. Они жгли села, убивали людей и забирали все, что было ценного в доме... Вот в этом вот доме, в котором мы с тобой сидим, несколько недель жили наши враги, и я готовила для них, стирала их белье и каждый день боялась, что не увижу солнца...

Однажды ночью я проснулась, услышав крики ребенка. Мороз пошел по коже. Кто это? Неужели соседских детей пытаются? Я спала на улице, в собачей будки, так как оккупанты решили указать, где мне место. Я отважилась выбраться из своего убежища и подползти к окну. Я увидела, что пьяные солдаты схватили мальчика, но это был не наш местный ребенок, я никогда раньше не видела его. На вид мальчику лет пять было, он кричал и дергался, а толстый, с красными глазами офицер ножом срезал плоть с его руки. Внутри меня все сжалось. Я уже не раз видела, как пытали людей, и сама испытала, что значит быть жертвой тиранов, но всякий раз, глядя на страдания невинных, я содрогалась и сердце обливалось кровью. Никогда не привыкну к этому! Меня вырвало. Вскоре крики оборвались. Наверное, замордовали мальчонку

— подумала я. Услышала шаги и поспешила вернуться обратно в будку. Претворилась спящей. Солдат пинком ноги «разбудил меня». Ну все, мой черед настал, и уж начала про себя шептать молитву, как вдруг он сказал «поднимайся и копай яму, а то эта падаля завоняется в такую жару». Я взяла лопату и начала копать. Офицер вынес окровавленный труп и кинул возле ямы. Свет в доме погас, видимо, они уснули. Я продолжала копать, тряслась от страха и жалости. Взяла ребенка на руки и вскрикнула: он дышит. Дышит! Боже, не услышал ли кто мой крик? Нет, вроде все спокойно. Что же делать? Смотрю на руку мальчонки. Кровь сочится. Пошла с ним к озеру и обмыла тельце, косынкой перевязала руку: так лучше. Бедный, видно, не долго ему осталось. А может, выкарабкается.

Молнией в голове проскальзывает мысль: а ведь они не обнаружили погреб, что дед вырыл в лесу! Да, им уже много лет не пользовались, может, и обвалился уже, но попытка не пытка.

Беру ребенка на руки и спешу в лес. Оглядываюсь, чтоб никто не заметил. Тяжело мне, совсем обессилила. Как далеко! Как долго! Кажется, не минуты, а часы пролетают, и что иду я долго-долго... Наконец подхожу к зарослям шиповника, которые, будто забор, оградили погреб. Пробираюсь сквозь них и с удивлением обнаруживаю красные царапины: даже не чувствую, как колючки впиваются в кожу. Крепче прижимаю к себе маленькое тельце, чтоб не задевали его ветки и шипы. Миновав это препятствие, осматриваюсь. Погреб был между двумя огромными соснами, засыпан слоем земли и хвоей, так что и не догадаешься, что тут что-то есть. Кладу ребенка на землю, а сама прошупываю область между деревьями. Начинает светать, а я все еще не могу отыскать погреб! Страх пробирается к сердцу... мы оба погибли, если я не вернусь домой вовремя. О, чудо! Нашла. Пальцы изо всех сил начинают разгребать утрамбованную землю, но понимаю, что дела не будет, клянусь себя за то, что не взяла лопату. Нахожу палку и начинаю копать неистово. Палка ломается, беру другую. Наконец, показался край дверцы. Стараюсь поддеть ее палкой. После нескольких неудачных попыток, бог знает как, мне это удалось. Нечеловеческим усилием я приподнимаю крышку погреба, усыпанную землей. До сих пор не знаю, откуда во взялось мне столько сил. В погребе воздух затхлый, земля сырая, темно и холодно. Подхватываю мальчишку на руки и спускаюсь с ним в яму. Бедный ребенок! Стараюсь уложить его поудобнее, снимаю с плеч старенькую шаль и укрываю ребенка. Выкарабкиваюсь наружу, закрываю крышку погреба и притрушиваю хвоей дверь по периметру. Я вижу, что небо уже серое, что вот-

вот взойдет солнце и мчусь, задыхаясь, к дому... выходя из леса осматриваюсь, не наблюдает ли кто. Все тихо, видно, хорошо вчера выпили. Иду к колодцу и пью ледяную воду. Пот катится по лицу, будто под дождь попала. Умываюсь. Отдышалась. Ощущаю смертельную усталость, ноги ватные и болят. Но я была довольна собой. Вдруг осознаю, что не засыпала яму во дворе. Бегу туда и за несколько минут закапываю пустую могилу, утаптываю землю ногами, бреду к будке и моментально засыпаю, свернувшись клубочком.

Меня разбудили, окатив ведром холодной воды и обругав, не забыв при этом пнуть ногой в живот. Боль невыносимая, я застонала, и получила еще пинок за это.

— Завтрак где я тебя спрашиваю? Вы, твари, только дрыхнуть можете.

От солдата несет перегаром. Я рада, что меня окатили не кипятком, хотя это наверно потому, что печь не растоплена. Я была молода и хотела жить, я любила свои волосы, свою улыбку и глаза, и мне хотелось быть красивой! Перед глазами встал образ моей подруги, лицо которой солдаты изуродовали ножом, а потом еще и сигареты тушили на ней...

Покорно и тихо готовлю яичницу и жарю мясо. А самой есть-то как хочется! Но за мной следят, не могу и крошки в рот взять. Подаю на стол, слушаю похабные шутки и вижу, как похотливо смотрит на меня один из офицеров. О, в ту минуту я не хотела быть красивой! Боялась, что вечером он придет, хоть начальство и запрещало им разгул, мол, недостойны мы, рабы, быть изнасилованными ими, но мало кто слушал... на миг мой надзиратель отворачивается, чем-то отвлеченный, и я запикиваю в рот кусок мяса. Очень горячо, обожгла язык, не могу жевать сейчас, при них, прячу кусок за щеку и наслаждаюсь, как жир растекается во рту. Наконец они окончили. Забираю объедки, обгладываю кости и кусками хлеба собираю жир с противня. Несколько таких кусков заворачиваю в платок. Ночью хочу вернуться к мальчику...

За день не присела: готовила, стирала, убирала золу, которую они несколько раз нарочно рассыпали по всему дому, потом переносила из одного угла комнаты в другой стулья. Когда им наконец надоело, я вернулась в будку, поспала немного, пока грубый голос не возвестил меня, что пора готовить ужин...

Ночью все никак не могла уллучить момент. Они долго не ложились, и я боялась, что мне так и не удастся проведать мальчика. Наконец, под утро, они заснули. Я прихватила еду, по дороге даже нашла огурец, каким-то чудом выросший на грядке, и уже со знанием дела поддевала край дверцы палкой...

Должно быть, он очень перепугался, когда проснулся. Мальчик сидел, поджав колени к груди, глаза — огромные, он был похож на смерть... я позвала его, он содрогнулся и спрятался в угол. Я спустилась и протянула ему хлеб. Сперва он не двигался, но потом, не в силах сдерживаться, проглотил все, даже не жуя. Я сказала, что так нельзя, что животик будет болеть, и он опять замкнулся, думал, что отберу еду...

Вконце концов, он убедился, что я не буду издеваться, и я постаралась объяснить ему, почему я заперла его под землей. Мальчик почти не говорил, наверно, совсем не понимал наш язык, но, думаю, верил мне и без слов...

Почти два месяца мне удавалось прятать этого мальчика, иногда я не могла прийти несколько дней подряд, и он замерзал и страдал от голода, но он был жив, это — главное. Я любила этого ребенка, будто это был мой сын. Он был мне необходим. Мою мать убили, отец и брат были на фронте, сердце бабушки не выдержало вида оккупированного села и трупов, она умерла на второй день после прихода врагов. Я была одна, и этот мальчонка заменил мне семью. Я отчаянно нуждалась в ком-то, кого можно любить, чтоб не озлобиться, чтоб не потерять надежду. Рана на руке затянулась, образовав отвратительный шрам. Кожа стала тоненькой, как паутинка, едва прикрыла кость.

Потом ситуация изменилась, наши атаковали и враги убегали. Я радовалась. Оставалось самое сложное — остаться в живых, когда завоеватели бежали, как крысы.

Одному богу ведомо, сколько раз моя жизнь весела на волоске, но мальчонка... Однажды разразилась битва. Земля содралась от бомб и птицы тучами взлетали вверх, напуганные песней пулеметов. Когда все затихло, я сразу же побежала к погребу. У меня в переднике были яблоки и хлеб. Уже представляла, как он будет улыбаться, как я выведу его наружу, как он снова увидит солнечный свет, от которого отвык, как согреется, как мы будем жить вместе, в мире, где нечего бояться, как я буду учить его читать...

Яблоки посыпались на пол бело-розовыми клубочками, мягко и бесшумно затерялись в высокой траве. Вывернутые с корнем деревья и овраги вокруг не оставляли сомнений в том, что бомба упала поблизости погреба. Я видела куски древесины, которые были дверью погреба, могла даже различить, где был вход. Внутри — никого. Где он? Куда он пошел? Жив ли он? Или нет, я не хотела думать, что все было зря. Так нельзя! Нельзя! Он убежал, он испугался и убежал, но он — живой. Живой. Я осмотрела все вокруг, но тела не нашла. Это меня утешило. Я ходила и звала его, но никто не откликнулся. До

поздней ночи продолжала я поиски, и на следующий день, и потом... В конце концов, я смирилась, что снова одна, но продолжала любить, даже не зная точно, жив ли он.

Несмотря на то, что прошло так много лет, я часто вспоминаю о нем. Когда держала на руках своих детей, думала, кто приголубит его, когда вытирала детские слезы и сидела подле своих ребятишек, когда они болели, думала, кто утешает и заботится о нем, когда мои сыновья поступили в колледж, думала, удалось ли ему пробиться? Я никак не проявляла свою грусть, только вздыхала и мысленно благословляла его.

Я слушал бабушку внимательно, как никогда, смотрел, как ее голубые глаза наполняются слезами, а губы складываются в улыбку. На часах было за полночь, мы засиделись и плененные я - рассказом, она - воспоминаниями, позабыли о времени. Я потянул край бабушкиной кофты, стараясь привлечь ее внимание и попросил нарисовать, какой шрам был у мальчика. Сказал, что разыщу его и приведу к ней. Бабушка засмеялась и сказала, что я добрый. Она взяла карандаш и на клочке газеты, сбоку, где было свободное место, нарисовала странный рисунок.

Как сейчас помню... звезда, лицо, непонятные символы, буквы...

Я вскочил, как громом пораженный, случайно опрокинул стул, все головы повернулись в мою сторону, я извинился и попытался отыскать

старика в оранжевой рубашке. Видимо, он ушел, пока я предавался воспоминаниям. Случайно посмотрел в окно и увидел его, переходящего улицу. Бегу за ним, спотыкаюсь и кажусь сам себе сумасшедшим. Может, я совсем не так запомнил рисунок? Прошло так много лет, вероятнее всего, тот мальчик уже умер... но продолжаю бежать, настигаю его и на ломанном английском пытаюсь заговорить.

Старик кивает, удивленный, и я пытаюсь ему что-то объяснить, но сам толком не знаю, что сказать. Наконец, жестом предлагаю зайти в ближайшее кафе, где потиши. Видимо, он решил, что я пьян, и разворачивается от меня. В отчаянии начинаю говорить на родном языке, и стрик вдруг замирает, смотрит на меня с интересом и соглашается выслушать.

Мы сидели друг напротив друга в каком-то кафе быстрого питания, где играла противная музыка, под столиками валялись обертки от гамбургеров, ярко-зеленые стены резали глаза, а скучающие работники ждали окончания смены. Приличия ради заказал кофе, но не притронулся к нему. Все померкло, я будто опять был в бабушкином доме, начинаю свой рассказ...

Мужчина слушает внимательно, казалось, нет ничего важнее для него, чем моя история... его история... внезапно он начинает рыдать. Я поражен, ну что теперь делать? А у самого руки дрожат от волнения. Я нашел его, бабушка! Я сдержал слово.

Любовь КОРЕЦКАЯ

Родилась в г. Рыбница (Республика Приднестровье) в 1995 году. «Учусь в университете, факультет журналистики, 4 курс. Занимаюсь тем, что стараюсь улучшать уровень жизни своего региона через социально-полезные проекты. Идея написать этот рассказ появилась после того, как историю, взятую за его основу, рассказала мне бабушка. История эта меня настолько поразила, что возникло острое желание поделиться ей с людьми, и увековечить память о бабушке».

ПУГОВИЦА

Яркие солнечные лучики прорывались сквозь толщу изумрудной листвы и попадали на личико маленькой Тамары. Они будто назло целились прямо ей в глаза, по крайней мере сама девочка была в этом убеждена, и потому даже и не думала сдвинуться с места, как бы доказывая всему миру, что она гораздо упрямее каких-то там лучей, и так просто выгнать ее со стога мягкой, только что скошенной травы, не получится. Несмотря на эту немую дуэль с природой, Тамара была преисполнена счастьем. Точнее, она находилась в обычном детском состоянии, когда нет никаких тревог и огорчений, когда никуда не нужно спешить и ничего не нужно делать, а «счастье» — это слово, придуманное для взрослых, чтобы как-то назвать те редкие моменты, когда они могут хоть ненадолго почувствовать себя детьми. Так что Тамара, правильное сказать, была в этот момент самым, что ни на есть, ребенком. Она только-только отделалась от нападков солнца и погрузилась в легкую дрему, как услышала отдаленный грохот мотора, становившийся все громче по мере приближения транспорта. За все свои целых шесть с половиной лет она видела автомобиль только единожды, когда советские солдаты проезжали мимо деревни, да и то вскользь, а потому, не противясь порыву неудержимого любопытства, сползла со своего травяного ложа и, кое-как поправляя старое

платьице, бегом устремилась на звук. Она так сильно торопилась, что споткнулась о свою же стопу, и, приземлившись всем весом на ладони, вовсе не заплакала, как сделала бы это в любой другой день, а тут же вскочила на ноги и побежала дальше — вот как сильно она торопилась. Остановилась Тамара у главной сельской дороги и стала с одухотворенным лицом воображать, что же за транспорт представится ей через пару мгновений.

«Что-то большое! — восклицала она у себя в голове. — Очень большое! Должно быть, даже больше мамы! Да что там, даже больше дяди Толи! Это точно!»

Именно в этот момент дядя Толя, как и другие соседи, вышел из ухоженной хатки напротив выглядывать причину громового шума. Вот только никто из них не разделял энтузиазма маленькой девочки, а напротив, все выглядывали машину с опаской, и Тамара никак не могла понять, почему она единственная, кому так радостно от того, что хоть что-то новое стучится в их скучную деревню.

«Немцы! — закричал мужчина неподалеку. — Немцы это едут! А ну прячьтесь!»

«Немцы!» — подхватили люди, кои сами их еще не видели, передавая предупреждение дальше, в другой конец села.

Все вокруг тут же потерянно засуетились: кто-то стал звать свои семьи укрыться за хрупкими стенами, а кто-то стал загребать в

хату все, что могло в руках уместиться. Последнее делалось затем, чтобы у незваных гостей ненароком не случилось желание взять то, что не так лежит. Юную Тамару напугало вовсе не осознание, что в деревню приехали враги, а поведение односельчан, в ужасе заметавшихся по дворам. Девочка интуитивно понимала, что, если взрослые чего-то страшатся, то этого «чего-то» стоит страшиться и ей, потому она, скорее, выдавливала из себя испуг, нежели сама его ощущала. В любом случае, Тамара не намеревалась уходить. Уж очень она хотела увидеть машину.

Вскоре на улице, кроме Тамары, никого не осталось. Она видела только, перекошенные паникой и агрессией, лица, осторожно выглядывавшие из окон глиняных хат, в том числе и лицо дяди Толи. Он с упреком смотрел на девочку и махал руками, как бы наказывая ей убежать восвояси, но она упрямо стояла на месте. Она ощутила себя смелее всех этих взрослых, дрожащих, как чайный сервис в землетрясение, а потому даже в таком малом возрасте в ней разыгралась гордость, мол, вот она, — маленькая какая, а прятаться, в отличие от других, не будет.

Она увидела автомобиль. Увидела и замерла от восхищения: он воплощал в себе даже самые смелые ее детские ожидания. Одно только колесо чуть не дотягивало до уровня шеи почти семилетней Тамары, что уж говорить об общем размере транспорта. Он становился все ближе, и потому чудо техники и его хозяев можно было разглядеть поподробнее: за запыленным и кое-где треснутым лобовым стеклом из-за плохой дороги маячил вправо-влево водитель, сосредоточенно уставившийся вперед, на дорогу, а рядом с ним пустовало кресло, обмазанное чем-то темно-красным. Светловолосый мужчина искоса поглядывал на дома по обе стороны проезжего пути, но не позволял себе как водителю задерживать на них внимания. Машина проехала чуть дальше, мимо Тамары, и теперь она сумела разглядеть и заднюю ее часть: а сзади прикреплялась, как подумала девочка, что-то вроде огромного деревянного ящика с дюжиной, или же меньше, солдат внутри. Про ящик она тут же подумала потому, что в нечто похожее она переносила полуслепых щенят из земляной ямы, и сейчас эти солдаты были как те самые щенята, прижавшиеся друг до друга, грязные и испуганные. Они сидели под навесом из плотной ткани, оборачивающей прицеп сверху и по бокам, но, очевидно, от нее молодым людям было только хуже, потому как они из-за духоты то и дело вытирали пот с лица кто затертыми

платками, а кто рукавами военной формы. Немцы все, как один, с интересом уставились на Тамару, вероятно, даже с большим интересом, чем она на них, но интерес этот имел отличные оттенки.

«Тамара! — услышала она хорошо знакомый голос чуть поодаль. — Тамара!»

Автомобиль отъехал от девочки на приличное расстояние, и она увидела, что один из солдат, видимо, с ней прощаясь, вяло махнул ей рукой. Малышка заулыбалась и только она приподняла ладонь махнуть ему в ответ, как некто жестко схватил ее за предплечье и потащил за собой, — и этой «некто» оказалась ее мама.

«Быстро идем!» — процедила женщина, ускоряя шаг так, что ее дочь еле успевала переставлять ноги. При этом Тамара продолжала оглядываться на машину с немцами и заметила, что они остановились у местного яблочного сада, всего через пару дворишков от ее родной хаты. Нежданные гости слезли с кузова и принялись потягиваться, разминая затекшие конечности, а что было потом, Тамара не видела, потому что мама, пыжась от злости, уже завела ее в дом.

Женщина хлопнула дверью за дочерью и развернула ее к себе лицом так резко, что та чуть не упала, утратив равновесие. Тамара виновато уставилась в пол, избегая разъяренного взгляда матери, что всякий раз наводил на нее ужас. Ей становилось жутко видеть угрозу в человеке, являющемся для нее единственной защитой.

«Чего это ты там выглядывала? Не слышала, что ли, как люди «немцы» кричали? А?!»

От пронзительного крика женщины девочка тотчас заплакала. Тамара исходила на слезы каждый раз, когда мама в пылу повышала на нее голос.

«Я тебе что говорила? От дома далеко не уходить говорила! А ты что сделала?! Что, если бы тебя фашисты забрали? Обо мне ты подумала?!»

Тамара зарыдала с новой силой, и как только ее мать осознала, что напугала свою дочь сильнее приехавших немцев, успокоилась, глубоко вздохнула и повернулась к стене вытереть проступившую слезу.

«В следующий раз как немцев увидишь, убегай и прячься, поняла?» — проговорила женщина дрожащим голосом, в котором слышалась строгость, но одновременно и забота.

«У-угу», — промычала Тамара.

«Прошу, ты себя береги. Немцы, они же... твоего папу они убили. А я не хочу, чтобы и тебя забрали у меня. Не вынесу я, понимаешь?»

Глаза Тамары от удивления стали огромные, словно совиные. Она никогда не слышала от мамы, что ее папу убили немцы. Она слышала лишь, что он погиб на войне, в бою, но к девочке не приходила, казалось бы, логичная мысль о том, что умер он на войне с немцами, а значит, они его и убили. Задумавшись об этом, она даже перестала всхлипывать и погрузилась в омут слишком серьезных для ребенка мыслей.

В этот момент гнетущую тишину оборвал настойчивый стук в дверь, от которого Тамара вздрогнула.

«Рая! – раздался сиплый голос. – Рая, это я!»

Женщина устало подошла к двери и, немного приподняв ее, потянула на себя. Это заявился дядя Толя, который, стоило только ему открыться, ворвался внутрь, прихрамывая, и поднял Тамару на руки. Он прислонил ее голову к своему плечу и погладил малютку по гладким пшеничным волосам, причитая:

«Я же махал руками, чтобы ты убежала, махал же. Что ж ты на месте стояла, Тамарка? Ну, что ж ты?»

Что Тамаре всегда казалось чудным в дяде Толе, так это то, что вел он себя так сердечно далеко не всегда, а только в окружении ее мамы. А когда же ее не было в округе, дядя Толя мог запросто прохромать мимо Тамары на улице и сделать вид, что не заметил ее, хоть девочка с ним и здоровалась. Мог поднять на нее голос, если увидел, что Тамара, в виду своего возраста, нашкодничала, озорничая близ его двора, – да перечислять похожие случаи можно еще долго. Однако стоило появиться около него Рае, и дядя Толя превращался в самого милого и лучезарного мужчину, понимающего, доброжелательного и ласкового. Девочку наличие этих его перемен в настроении не смущал, все равно дядя Толя нравился ей именно из-за моментов, наполняющих ее чувством, будто у нее появился настоящий отец, при чем не обрушающийся на нее за проступок, как мама, а обнимающий и гладящий по голове.

Мужчина опустил Тамару на ноги и обратился к ее матери:

«Рая, честное слово, я пытался ее оттуда отогнать...»

«Да, Толя, спасибо, – на выдохе ответила женщина. – Все обошлось».

«Что эти свинюки тут забыли?» – бросил он, выглядывая из окна непрошенных гостей, которые все еще разгружали машину.

«Почем их знать? Главное, чтобы уехали как можно скорее».

«Ты посмотри! Там один яблоки с нашего сада сельского ворует, ну ты посмотри!» –

завозмущался дядя Толя, состроив от злобы неприятную гримасу.

«Пусть берут, что хотят, лишь бы никого не трогали, – проговорила женщина, наспех перекрестившись. – А я еще на ярмарку хотела завтра в город ехать, да куда уж тут...»

«Почему? Думаешь, они тебе пройти не дадут?»

«Да нет, просто как я Тамарку оставляю, когда знаю, что тут эти... и бог знает, что от них ждать?»

«Так ты Тамарку мне оставь», – тут жеотреагировал дядя Толя.

Дальше Тамара нудную взрослую болтовню пропускала мимо ушей. Вместо этого она проскользнула к деревянному окошку и начала водить изучающим взглядом по людям в военной форме. Все они чем-то занимались: одни выгружали ящики из машины, другие принимали их и затем аккуратно укладывали на землю, а один, больше остальных разозливший дядю Толю, действительно срывал самые спелые и аппетитные яблоки из сада. Все они были очень юными, значительно моложе любого из взрослых в этом селе, но одновременно и значительно старше местной ребятни. Всего один оказался зрелого возраста, и он, насколько поняла Тамара, и был командиром, потому что, как жизнь ее успела научить, взрослые всегда главенствуют над теми, кто младше.

«Ну что, Тамара? – обратилась к дочери мама. – Согласна остаться с дядей Толей?»

Девочка обернулась, краем уха уловив свое имя.

«Что?»

«Останешься с дядей Толей?»

«Хорошо», – не раздумывая, ответила та.

«Ну вот! Другое дело! Что я ее, не накормлю что ли? Спать не уложу? Сделаю все, конечно, а ты езжай куда тебе надо».

«Спасибо», – улыбаясь, выдохнула женщина, а дядя Толя, увидев благодарную улыбку своей любимой Раечки, заулыбался и сам.

Вследующий день пасмурным утром, граничащим с ночью, Раиса уехала в город, передав свою дочь на попечение дяде Толе. Оказавшись в его хате, Тамара повторно уснула, чтобы, как сказал мужчина в шутку, «доспать недоспатое». А, проснувшись, Тамара увидела, что дядя Толя как человек работающий уже второй час гнул спину на огороде за своим домом. Час или два спустя они с Тамарой благополучно отобедали картошкой в мундире со вчерашним хлебом, и, дав наказание девочке не убегать из его

поля зрения, мужчина вооружился ветхими садовыми инструментами, одолженными у соседа, и принялся полоть грядки. У заброшенного сарайчика баловались друзья Тамары, зазывавшие подружку к себе, но на этот день планы у нее были другие, не до детских ей было забав. Вместо этого она направилась к яблочному саду, дескать, яблоки собирать, а на самом же деле ей овладела одна идея, и, чтобы воплотить ее, следовало предельно близко подобраться к, организованному немцами, лагерю. Она по-тихому обошла их привал через узкую тропинку с другой стороны сада. Чрезмерно театрально притворяясь, что выбирает самое лучшее яблоко из всех, девочка подкрадывалась тем временем все ближе и ближе к молодым людям во вражеской военной форме. Она подобралась достаточно близко для того, чтобы услышать их жесткий язык и понять, что немецкого она явно не знает. А что Тамара знала точно, так это то, что немцы делились друг с другом веселыми байками или же анекдотами: они в одночасье заливались смехом после того, как по очереди выдавали длительные монологи.

Еще два шага вперед. Еще шаг, и под ногами предательски захрустела сухая ветвь. Этот хруст моментально привлек внимание немцев: рассказчик тут же прервался на полуслове и вскочил с ящика, схватившись, видимо по привычке, за оружие. Часть из них поступила точно так же, другая — осталась сидеть на месте и лишь резко повернула голову на шум.

Тамара, еле дыша, остолбенела, будто среди яблонь в саду и сама корни в землю пустила. Немцы тоже оторопели. Заложники мгновения длиною, по ощущениям, в вечность, пригвоздили глаза друг к другу, после чего тот самый юноша, с прицепа махнувший девочке, дал движение этому застывшему моменту. Он достал из-за спины самое крупное и сочное яблоко из всех, что у него были, и протянул его Тамаре, будто подзывал куском пищи голодную собачонку. Подумал ли он, что девочка здесь именно из-за яблок?

Она осмелилась подыграть солдату и, осторожно переставляя ноги, как по канату над манежем, все же приблизилась к нему не столько за самим яблоком, сколько за тем, чтобы осмотреть его и всех остальных еще лучше.

Солдаты, что достали оружие, в конце концов, опустили его. Молодой человек произнес единственное словцо на немецком, и из-за напряженного молчания его голос прозвучал исключительно холодно и хлестко.

Легко догадывалась их гостья, что он сказал что-то вроде «ешь» или «бери», о чем говорили и его интонация, и выразительная жестикация; потому она, не зная, что именно он имел в виду, сделала и то и другое. Постепенно, избегая, от греха подальше, грубых движений, Тамара протянула пальчики к яблоку, потом охватила его всей ладонью и поднесла ко рту. Тот, кто, как поняла Тамара, был главным над ними, что-то, прокашлявшись, сказал юноше, и последний, задумчиво нахмурившись, отчеканил ему какую-то фразу в ответ. Остальные молчали, заинтригованно следя за происходящим.

Гром. Его отзвук пустился по местности как напоминание о том, зачем Тамара на самом деле сюда пришла. Она пришла задать вопрос, не дававший ей покоя с прошлого дня. Она вдохнула в легкие воздуха, будто глотая вместе с этим воздухом и смелость, и выпалила:

«Почему вы убили моего папу?»

Девочка ощутила, что, вымолвив это собственными устами, вслух, к горлу подступил ком. До сей минуты этот вопрос, существуя лишь в форме мысли, не вызывал в ней горечи, вероятно, потому, что все ее внимание ходило вокруг плана о том, как задать бы его гостям. Однако стоило девочке претворить эту мысль в слово, она осознала, что спрашивает, и как для нее было важно лишь спросить это, но как ей было важно не слышать ответ. Немцы непонимающе уставились на дитя. Они начали перешептываться, скорее всего, узнавая друг у друга, понял ли ее кто-нибудь.

«Папа», — громко выговорил водитель, облокотившийся на дверцу автомобиля, и добавил еще что-то на немецком.

«Папа?» — повторил солдат близ него, после чего выговорил еще что-то с вопросительной интонацией.

Девочка облегченно вздохнула от того, что осталась непонятой.

Воздух над садом вновь пропитался молчанием. Эту тишину Тамара использовала для того, чтобы изучить ящики, что разгрузили с машины. Большинство из них остались заколоченными, а некоторые открыли так, что запросто проглядывалось их содержимое. В одном деревянном контейнере находилась ткань или цельная одежда такого же цвета, в каком ходили солдаты, в другом скопились цельные жестяные банки, а в третьем — темные блестящие пуговицы, задержавшие на себе взгляд Тамары дольше всего. Молодой немец заметил, с каким неподдельным восторгом их гостья смотрит на кладезь с пуговицами, а потому поднялся с места, взял

случайную и протянул ей. Один из солдат что-то иронично отпустил, после чего остальные сдержанно захихикали. Главный только приподнял уголки губ. Девочка, осмелев, без малой доли прежнего опасения, приблизилась к пареньку и схватила с его руки пуговицу, тут же сунув ее в кармашек. Более того, она подступила к ящику с пуговицами и самостоятельно вобрала в ручку столько их, сколько смогла, после чего немец осторожно схватил ее за запястье и показал обратной стороной указательный палец, отрицательно виляя головой и повторяя: «Айн! Айн! Айн».

Остальные немцы, уже не сдерживаясь, захохотали. Тамару эту хохот смутил потому, что ей почудилось, что смеются над ней, а потому, залившись багрянцем, вывалила все пуговицы из ладони обратно. После того, как смех утих, щедрый юноша хлопнул ладонью по груди и громко и четко выговорил: «Вальтер. Ва-ль-тер».

Девочка поняла, что ее собеседник представлялся, да только зарубежные имена были до того ей в диковину, что запомнить такое сочетание звуков было для нее, мягко говоря, затруднительно.

Она повторила за ним то же движение и протянула: «Та-а-ама-а-ар-а-а».

Следующим только-только хотел представиться командир, да его перебил истощенный вой: «Тама-а-ара-а-а!»

Это вопил дядя Толя, заметивший дочку своей любимой женщины в окружении немцев: «Тамара, беги оттуда!»

Она, испугавшись последствий своей идеи прийти сюда, не хотела испытывать судьбу и тотчас подлетела к дяде Толе, держа в ладони подаренное яблоко.

«Что это? — со злостью прошипел мужчина, сжав тисками маленькую ручку. — Это они тебе дали, да?»

Мужчина тут же, не дожидаясь ответа, выхватил яблоко и опрометчиво швырнул его в сторону немцев, издали наблюдающими за всем происходящим.

«Подавятся пусть. А ну, быстро в дом. Я тебе что говорил? Быть у меня на виду», — взъелся мужчина.

Он подтолкнул ее в спину и неуклюже заторопился следом. Только одно радовало девочку: она успела припрятать пуговку так, что дядя Толя ее не заметил и не швырнул вместе с яблоком. Полил, давно назревавший, дождь.

«Ты чего к ним сунулась?!» — продолжил верещать дядя Толя, оказавшись за стенами его дома.

«Я-яблоко нарв-вать», — ответила, шмыгая носом, провинившаяся. В помещении отчего-то находился еще один человек, местный пекарь дядя Прохор, друг дяди Толи, а потому, при чужом человеке, Тамара всеми силами сдерживала эмоции. Очевидно, дяде Прохору, склонившему голову, было крайне неловко присутствовать при скандале, а потому он тихо, как мышь, сидел на табуретке в углу, будто ругали его, а не девочку.

«Ат, дура мелкая! Ну что? Нарвала яблок?! А что, если бы тебя не начал искать? Знаешь, что они с тобой бы сделали? Что, не знаешь?! А я знаю, так лучше б не знал! Мама тебе, что ль, плохо объяснила, что к ним подходить нельзя?!»

«Хорошо о-объяснила».

«Они меня калеккой сделали, вон, хромаю хожу на левую ногу! Это немцы все! Немцы! Моя воля, всех перестрелял бы, как и они наших ребят стреляют. Ух, приедет мама, расскажу ей, как ты меня слушалась...»

«Не надо маме рассказывать», — не могла боле удерживать слезы девочка.

Мужчина, сжалившись, перевел дух, и продолжил уже спокойнее: «Хорошо. Ничего я маме твоей не скажу, это будет наша тайна с тобой. Но до конца дня я не разрешаю тебе выходить из дома, поняла меня? Дома сидеть будешь до утра».

«Поняла», — отозвалась Тамара, сразу же выбежала в соседнюю комнатку и улеглась на скрипучую кровать, утопив лицо в подушке. Она так и провалялась весь оставшийся день. До нее только изредка доносились голоса опекуна и дяди Прохора: они, в азартном пылу, от чего-то перешли к общению на повышенных тонах. Стараясь подслушать беседу в соседнем помещении, Тамара не сумела уловить ни единого слова из-за мощного ливня, а потому она от скуки легла обратно в постель и постаралась скорее уснуть, чтобы проснуться уже утром, когда дождь пройдет, а домой вернется мама.

«Ма-а-а-ама-а-а-а! — радостно воскликнула Тамара на следующий день, различив на горизонте знакомый силуэт. — Мама!»

Она тут же бросила выкапывать с друзьями червей и что есть мочи ринулась навстречу маме. Изнеможенная женщина, позабыв о своей усталости, отрадно заулыбалась встрече. Девочка бежала до такой степени быстро, что чувствовала, будто вот-вот упадет, но вовремя всем весом налетела на мать и тем избежала падения.

«Мне тяжело, Тамара! — смеялась женщина, сжимая свою дочь руками, занятыми и

без того тяжкими сумками. — Я сейчас вместе с тобой упаду!»

На голоса вышел на улицу и дядя Толя. Он, улыбаясь, с легкостью поддался этому приятному настроению.

«Ну что, идем?» — спросила Раиса у дочери, нехотя от нее отстраняясь.

«Угу».

«И что там, Рая? Все сделала, что хотела?» — засиял дядя Толя.

«Да, слава Богу, все. Спасибо, Толя, за Тamarку. А вы тут как без меня были?»

«Хорошо!» — отозвалась тут же девочка.

«Что, Тamarка, правда, хорошо?» — ухмыляясь, переспросил мужчина.

«Ну... да...»

Дядя Толя глубоко и горько вздохнул.

«К немцам она бегала, Райка, общалась там что-то с ними. Яблоками ее кормили, видите ли. Я говорил, чтоб была у меня на виду, говорил не раз, а она все равно ослушалась, да еще и к немцам побежала... Отец ей нужен, вот что я думаю. Девочка хорошая, а от рук отбивается...»

Вся приязнь, что у Тamarы была к дяде Толе, вмиг испарилась. Еще вчера они с ним договорились, что поход к немцам останется их тайной, а сегодня он, глазом не моргнув, сдал ее маме, да еще и добавил, что она «отбивается от рук». Девочка не понимала потайной цели того, что он выдал, в виду своего возраста, а потому приняла это исключительно на свой счет, приняла это как предательство ради предательства. Она видела, как лицо мамы изменилось, постепенно покрываясь от злости пятнами, а потому Тamarа, насупившись от обиды, готовилась к очередному выговору, за последние два дня случавшиеся с ней уж слишком часто.

«А ты где был в это время?!» — сокрушилась мама, к удивлению Тamarы, не на нее, а на дядю Толю. Для мужчины, кажется, такая реакция тоже была неожиданной.

«Так я ж не могу за ней все время следить! На огороде я был, работал».

«А на что я тебе ее тогда оставила? Чтоб она под твоим надзором была и не начудила чего! Ой, Толя...»

«Что «ой, Толя», Рая? Я виноват, что ли, что не научена она взрослых слушаться?»

Женщина грозно обожгла дядю Толю взглядом, после чего, вместе с грузными сумками, гордо подняла голову, потащилась к хате, а Тamarа за ней.

«Тьфу!» — плюнул вслед мужчина и поспешил удалиться.

«Больше чтоб я не про каких немцев не слышала, ты поняла меня?» — забрюзжала

мама, и Тamarа, лишь бы загладить поскорее всю эту историю, пообещала «честно-честно» никогда больше с гостями в военной форме дел не иметь. На том и порешили.

Следующие два дня прошли по-скучному обычно для Тamarы. Чем она только не пыталась себя занять: и помогала маме шить одежду для односельчан, и с тряпичными куклами играла, и воровала с друзьями клубничку с соседского огорода — все не то, все рутинно. Потому она от нечего делать бесцельно шагала по дороге туда-обратно, напевая вслух песенку и воображая себя великой артисткой из какого-нибудь народного ансамбля.

Дядя Толя же эти два дня чуть ли не целыми днями сидел в хате в окружении сомнительных приятелей, заглатывая алкоголь и по вечерам, как закон, с кем-то из них вступая в пьяные свары. По крайней мере, Тamarе думалось, что они именно ссорились — потому что с чего бы им так рвать глотку? Мужчина всецело перестал обращать на девочку внимание, будто это он на Тamarу обиделся, а не наоборот, а потому она не знала, как вести себя по отношению к нему, и стоит ли вообще как-либо себя по-особенному вести. Потому, по его примеру, она тоже стала воротить от него нос. Всех все устраивало.

Случайно Тamarа заметила в лагере немцев суматоху: они погружали ящики обратно в кузов, оживленно при этом перебрасываясь фразами разного тембра, словно щебечущие между собой птицы по утрам. Она, в виду обещания маме, к ним даже близко не подходила, хотя порой солдаты приветственно махали ей издалека и, если девочка убеждалась, что никто ее не видит, то охотно отвечала тем же. Сейчас ей, как никогда до этого, хотелось заглянуть к ним в гости и узнать, почему они складывают ящики в машину, неужели они уезжают?

«Уезжают, что ль? — повторил ее мысль вслух из ниоткуда взявшийся дядя Толя, тоже обратив внимание на немецкий привал. — А приезжали на что?»

Тamarа не знала, было это адресовано ей, или же он пробормотал вопросы в воздух, потому молча продолжила стоять и следить за молодыми людьми.

«Тamarа, ты что, не разговариваешь со мной?»

Все же, дядя Толя обращался к ней.

«Я не знаю, зачем приехали, но, кажется, уезжают».

«Уезжают, уезжают. Пойдем со мной, Тamarка, поговорить с тобой хочу».

«О чем?» — удивилась она.

«Пойдем, пойдем, узнаешь сейчас».

Дядя Толя повел Тамару за собой в его, пропахшую самогоном, хатку и усадил ее на свободный стул. Сам он открыл деревянный буфет и достал оттуда какой-то потертый мешочек, обвязанный веревкой. Он судорожно пытался ее развязать, попутно обращаясь к гостю:

«Ты, Тамарка, прости меня. Не прав я был».

Девочка от изумления чуть со стула не свалилась: никто и никогда в жизни у нее прощения не просил. После скандалов с мамой, даже когда та была откровенно не права, женщина никогда не позволяла себе извиняться перед дочерью, опасаясь, что это может подорвать ее родительский авторитет, и Тамаре самой, невзирая на справедливость, приходилось просить у мамы прощения, чтобы закопать топор войны и продолжить жить в мире. Это часто ее подрывало. Оттого сейчас, стоило дяде Толе начать извиняться, очень уж это малютку подкупило, но, подобно матери, она гордо подняла нос и ждала дальнейших слов раскаяния от мужчины.

«Не надо было маме твоей про немцев говорить, да не подумал я. Беспокоюсь я за тебя, боялся, что бегать к ним продолжишь. Да и оказалось... Оказалось ведь, что и немцы не такие страшные, как я их намалювал. Тьфу! Вел себя, как какой-то... тютя-матютя! Я очень, очень не прав был, Тамарка. Прямо очень».

Дядя Толя, наконец, справился с узлом и расчехлил содержимое мешочка: оказалось, что внутри была аппетитная булка, которая все еще пахла свежей выпечкой.

«Это мы с дядей Прохором пекли вчера. Это извинение наше искреннее. Немецкий-то мы не знаем, не можем подойти и языком нашим попросить прощения у них, а вот чем-то вкусным, почему бы и нет, правда? Да и тебя-то они к себе подпустят, не то что нас. Можешь это отнести им? Ну, то есть, одному кому-то, этой булочки-то на всех не хватит, ясное дело. Кто тебе там больше всех понравился? Да хоть тот, кто яблоко тебе дал, а? Вот ему и отдай, пусть порадует».

«Так мне же нельзя к ним подходить. Мама больно расстроится».

«А откуда она узнает? Я свою ошибку не повторю, ей не скажу ничего. Ты уж и давно не скажешь. Обидно будет, если они сейчас уедут, а мы им даже простое человеческое «спасибо» не скажем за то, что не тронули ничего и никого. Ну, кроме яблок сельских».

«А если мама случайно меня там увидит?»

«Ну, я б ее, конечно, заговорил, да обижается она на меня сильно. Да, чтоб мне провалиться, она тебя даже краем глаза не увидит! Ты просто пойдешь к ним и быстро кому-то эту булку отдашь, и тут же обратно. Ну, как? По рукам?»

«Хорошо, тогда я сейчас же к ним пойду», — не колеблясь ни секунды, согласилась Тамара. Она вновь обернула булку тряпочкой, чуть ли не обняла ее, чтобы никто не заметил, что она несет в руках, и заторопилась к отряду немцев, пока те не уехали. Дядя Толя остался в своем жилище. Скука девочки вмиг сменилась пестрыми и будоражащими впечатлениями.

«Тамара», — приветливо улыбнулся ей один из немцев, который, в отличие от других, не погружал ящики в кузов, а что-то с важным видом подсчитывал, записывая итоги этих самых подсчетов в записную книжку.

Девочка уж хотела поздороваться и спросить разрешения пройти в лагерь на родном языке, но вовремя остановилась, вспомнив, что он не поймет ни слова из того, что она произнесет. Тамара бы тоже, как и солдат, назвала его имя в качестве приветствия, да вот только она успела узнать лишь имя одного из них, да и того не помнила. Потому она просто улыбнулась, вложив в эту улыбку все свое детское обаяние, и робко прошла мимо него к пареньку, который дал ей самое лучшее яблоко, и которое, увы, попробовать ей не довелось. Завидев Тамару, он наспех, с грохотом, забросил ящик в кузов и повернулся к ней, а остальные продолжили делать свою работу, но, замедлив темп, чтобы поглазеть на гостью и узнать, зачем она пришла.

«Возьми», — смущенно проговорила она, протягивая булочку, завернутую в шероховатый материал.

Юноша с удивлением принял подарок и улыбнулся так, что на его лице проступили не только ямочки, но и кирпичный румянец, добавивший жизни его бледной коже. Остальные с задором заговорили на немецком, судя по всему, завистливо подтрунивая над счастливым, и в этой словесной перепалке Тамаре довелось уловить его имя, забытое при первой встрече, но отныне застрявшее в памяти на всю оставшуюся жизнь, — Вальтер.

Вальтер принялся делить булку на маленькие кусочки, чтобы разделить ее с товарищами. Так он раздал по ломтю сладкого теста всем, кроме главного, который отказался от своей доли, чтобы больше досталось осталь-

ным, — такой, по крайней мере, вывод сделала девочка, основываясь на опыте похожих ситуаций, когда мама жертвовала ей свою часть чего-то вкусного, проявляя тем самым заботу. Что интересно, Тамара же никогда не была готова делиться с кем-то едой, предпочитая проявлять заботу иначе, и потому жертвование командиром своим ломтем булочки для остальных было чем-то для нее невероятным. Тамара, убедившись, что выпечка досталась всем, встретила благодарность на лицах немцев, затем наспех поклонилась в знак того, что собиралась уходить, и убежала впопыхах прочь, домой, пока мама невзначай не заметила ее в окне, убегающей от врагов.

Стемнело. Немцы почему-то до сей поры не уехали, хотя точно собирались, и точно в этот самый день, по логике вещей, до захода солнца. Вместо этого они, маячив, словно находились в океане на лодке, сидели по кругу у маленького костра и, постанывая, хватались руками за животы. На Тамару, выглядывавшую из окошка родной хаты, это зрелище навело жути. Вголову тут же пришли ассоциации с темными ритуалами, о которых поведывала ей еще бабушка, да только немцы не плясали у пламени, а, скрючившись, расположились на голой земле. На ногах был только один старший, который явно отчего-то бушевал; в этот момент он походил на разъяренного быка, мечущегося из одного конца привала в другой. Он что-то старательно доносил до своих подопечных, динамично жестикулируя, а те продолжали выть, не отвечая ему ни слова.

Тамара услышала балаган поблизости, перевела взгляд на по традиции препирающихся дядю Толю с дядей Прохором и тут же ринулась в их сторону в надежде, что уж они-то объяснят, что приключилось с гостями. Только она хотела задать, волнующий ее, вопрос, как, заметив ее, дядя Толя первый к ней обратился:

«Тамара! Тамара, ближе поди. Вот так. Ты булку отдала немцу какому-то?»

«Да...» — слабо ответила девочка.

«А они с этой булкой что сделали? На всех поделили, что ль?» — продолжил допытываться уже дядя Прохор.

«Угу... Вальтер с друзьями поделился».

«Вальтер, значит... Ну-ну».

«Тьфу! — раздосадовано проплевался дядя Толя. — Кто ж тебя просил на всех делить, я же сказал одному дать!»

Тамара сжала голову в плечи, не понимая, что плохого в том, что немцы между собой поделились.

«Ой, Толя, чтоб я еще раз тебя послушал, как выдумашь что-то... Они ж перестрелять всю деревню могут теперь. И муку мою потратили, — а время-то тяжелое! — и никто дубу не дал. Так они еще и остались потому, что скрутило их», — пекарь махнул рукой и, не желая слышать оправданий приятеля, просеменил в сторону своего дворика.

«Ничего, зато проблюются хоть! Да и не перестреляют, зуб даю, они ж даже встать не могут», — вслед прокричал ему дядя Толя.

«Вы что, убить кого-то хотели?»

Девочка еле выговаривала слова, а мужчина, одарив Тамару презрительным взглядом, пропустил ее вопрос и укрылся от проблем, по обыкновению своему, в своем глиняном жилище. Тамара осталась одна. Больше всего на свете сейчас она хотела побежать к маме и во всем ей признаться, да вот только не могла потому, что обещала больше с немцами дел не иметь. Она не знала, что ожидать от мамы, а наказания она боялась пуще огня.

Девочка чувствовала себя виноватой в случившемся. Она понимала, что, доверившись дяде Толе, она стала хрупкой марионеткой в его грубых руках, и, если бы она не была такой наивной, ничего бы дурного не произошло. Нужно идти домой, к маме, и все пройдет само собой. Домой, к маме, и все пройдет...

«Нетушки, — подумала про себя Тамара. — Я не дядя Толя, чтобы хвост поджимать».

Она, хватаясь за мысль о нежелании быть похожей на дядю Толю, со всех ног побежала к лагерю немцев извиниться за то, что натворила. Хотя она не имела не малейшего представления о том, как попросить прощения, не зная немецкого.

Тамара со всей осторожностью приближалась к немцам, точно в день их встречи, боявшись подойти и начать разговор. Только теперь, после того, как она собственноручно раздала им отравленную булку, страх этот по очевидной причине значительно возрос. Она подкрадывалась все ближе и ближе, словно ребенок, который подкрадывается к злобно рычащей собаке, чтобы погладить ее, пока девочку не заметил старший. Он замер, приковав к ней свой сверлящий взгляд. Обернулись на нее и остальные. По дороге в лагерь она не придумала, что будет говорить или же как показать жестами «простите, ради Бога, я ужасно виновата», но сейчас, испытывая давящее напряжение, она нашла выход. Тамара решила взять пуговку, что ей подарили, обвести ею у костра так, чтобы все ее узнали, и ласково прижать к сердцу. Ей показалось, что они поймут.

Девочка зашуршала по карманам платяца и сделала шаг к огню, но внезапно раздалась череда оглушительных выстрелов, от ужаса которых она подскочила на месте. Стрелял Вальтер, целясь Тамаре по ногам, но мимо. Она почувствовала, что из-за выстрелов по земле, ей на ноги посыпался песок с камешками. Все случилось слишком быстро, и никто не понял, что только что произошло. Ребенок остолбенел до тех пор, пока немец снова, преодолевая боль, не поднял оружие и не нацелился по ногам. Тамара завопила от горечи и испуга, сорвавшись прочь оттуда, в сторону дома, уронив по пути подаренную пуговицу, чего даже не заметила. На звуки выстрелов на улицу выбежали обеспокоенные соседи проверить, что случилось и в кого стреляют, в том числе и мама Тамары. По пронзительному плачу своей дочери она поняла, в чью сторону летели пули и, схватив за плечи, быстро укрыла ее в доме. Она была напугана до чертиков, но не позволяла себе этого показывать при дочери. В этот раз она ее не ругала.

За тот короткий промежуток времени, пока Тамара бежала со слезами к маме, в ее голове меж, отличными друг от друга, мыслями случилось самое, что ни на есть, противостояние. С одной стороны, она думала, что Вальтер хотел убить ее за то, что та его чуть не отравила, реши он не делиться и всю булочку съев самостоятельно. С другой стороны, было желание верить в то, что солдат специально целился по земле, чтобы тем самым навсегда отпугнуть ее от привала. Она не знала, чему верить, потому склонялась больше к тому, во что верить хотелось.

«Тихо, Тамарка, тихо сиди, ради Бога», — шепотом взмолилась мама, прикрыв дочке рот, чтобы та перестала так громко рыдать.

Сквозь всхлипывания и приглушенный плач пробивались голоса, заплетающиеся в ссору, доносившуюся со стороны немецкого привала. Так они с мамой затаились, пока голоса не утихли, а за окном не донесся топот неуверенных шагов, сопровождающихся тяжелым дыханием. Затем — тройной стук в дверь.

«Быстро спрячься! Быстро!» — сказала ей мама, а сама она, еле держась на ногах от страха, пошла открывать дверь. Тамара же укрылась за дверью в соседнюю комнатушку и подглядывала за происходящим через дверную щелочку. Дверь отпахнулась. На пороге стоял командир.

«Чего вам надо?» — недружелюбно встретила его женщина.

«Мама, они по-нашему не понимают...» — отозвалась девочка.

«Тамара! Я ж сказала тебе...я ж сказала...» — не выдержала женщина и заплакала так сильно, будто она очень долго сдерживала слезы, которые, в конце концов, оказались сильнее и нескончаемым потоком вырвались из нее. Она, не в силах больше держаться на ногах, села на табурет и закрыла мокрые глаза грубыми от работы ладонями, будто всецело отстранившись от реальности. Для Тамары мамины слезы были самой ужасной вещью на земле, острым лезвием, проникающим под ребра, особенно сейчас.

Немец сделал шаг и оказался в доме. Только сейчас, при свете керосиновой лампы, можно было разглядеть, что в руках он держал какое-то чистое, но не новое, полотенце, а сверху на нем — слегка затвердевший серый хлеб. Когда женщина слегка успокоилась, мужчина вздохнул, прокашлялся, прежде чем начать, и сказал:

«Я...я...есть...Три, — он указал пальцем на Тамару. — Три».

Раиса убрала с глаз ладонь и посмотрела на гостя.

«Три», — мужчина провел кистью руки горизонтальную линию ниже бедра, после чего его глаза набухли и покраснели.

Он поставил полотенце с хлебом на стол, а затем повернулся к Тамаре, что-то ей протянув. То была пуговица, которую она обронила, пока бежала домой.

«За папа. Папа».

Девочка взяла, дважды подаренную, грязную пуговицу, и, протерев ее краешком платя, сунула в карман, где она теплилась последние три дня. И, по правде говоря, сейчас эта пуговица значила для нее больше, чем день или два назад. Мужчина уважительно кивнул им обеим и поспешно покинул дом, направляясь обратно к своим. И Тамара, и ее мама, как одна, вскочили с места и стали выглядывать его в окно, а он, придя в лагерь, сказал что-то солдатам, после чего последние, изнемогая от боли, повставали на ноги, кое-как затушили костер и послушно заковыляли к кузову автомобиля.

«Что ж эта война с обычными людьми делает... Люди-то обычные войны не хотят. Что ж она делает-то...» — всхлиывая, запричитала женщина, после чего с бесконечной любовью прижала к себе дочь, ища в ней единственное утешение. Тамара, чуть погодя, услышав, как заводится мотор машины, решительно отпрянула от мамы, схватила со стола тяжелую керосиновую лампу и мигом рванула на улицу.

«Стой! Куда!» — надрывалась женщина, но Тамара не думала останавливаться.

Она продолжала бежать в надежде, что успеет нагнать уезжающий автомобиль, что тронется с места прямо на ее глазах. Транспорт медленно, из-за скудной дороги, полз все дальше и дальше, и Тамара успела нагнать его так, что свет от лампы в ее руке мягко ложился на искаженные лица молодых людей.

«Вальтер!» – закричала она с одышкой.

Чтобы успеть, пока автомобиль не набрал скорости, Тамара быстро достала из кармана пуговицу, поднесла ее к раскачивающейся керосиновой лампе, чтобы убедиться, что Вальтер и остальные немцы эту пуговицу узнали, а затем с самыми лучшими чувствами прижала ее к сердцу.

Больше она не могла бежать, а потому остановилась. Последнее, что она увидела, пока кузов не слился с глубокой тьмой гори-

зонта, это лицо Вальтера, который, несмотря на острую боль, нашел в себе силы одарить ее улыбкой и помахать на прощание, сжимая ту самую ткань, в которую была обернута отравленная булочка. Он, разжав кулак, пустил эту ткань по ветру.

Они поняли, что хотели сказать друг другу. Вальтер простил девочку. А Тамара, в виду своей детской безграничной доброты, и во все не держала на него зла. И это прощение для них обоих значило бесконечно много.

Автомобиль исчез, а его моторный рев утих.

Лишь пуговица служила Тамаре напоминанием о времени, когда она принимала от друга отравленную выпечку, а от врага – самое сочное яблоко из всех, что у него имелись.

Больше они никогда не виделись.

Сергей СОЛОНИН

Родился в 1980 году в Саранске. Закончил факультет иностранных языков МГПИ имени М. Е. Евсевьева. В настоящее время работает в ООО «Светком».

В годы учебы в институте начал писать стихи и увлекся игрой на гитаре. Неоднократно печатался в литературных журналах «Странник», «Союз Писателей», альманахах «Корни», «Эстафета поколений», литературной газете «Литерра». Лауреат литературной премии имени Н. Снегирева за 2011 год, лауреат литературной премии Главы Республики Мордовия.

ДНЕВНИКИ ОСЕНИ

* * *

Кроме погоды, ничего не меняется,
Тот же подъезд, тот же дом,
Та же история как исправляется,
После тюрьмы старый гном.
А мне бы услышать святую мелодию!
Как колокольчик звенит,
Увидеть Степашку с дядей Володею,
На синем экране ТВ.
Знаю, не только погода меняется,
И время спешит и спешит,
Но прошлое наше незримо скитается,
По светлым дорогам души.

* * *

Не прыгнет выше потолка,
Мой разум, нежно-кроткий,
Душа желает молока,
А тело — крепкой водки.

Вся жизнь — расчетливая смесь,
Из праздников и будней,
Сегодня яств не перечесать,
А завтра ужин скудный.

И мы торопимся — бежим,
Смеемся и боимся,

«Дружище, сколько лет да зим!
Спешешь? Ну, созвонимся...»

Последний раз, еще рывок!
Но фарт не бесконечен,
На твой удар поставлен блок,
И план твой рассекречен.

Мечтаем мы: проложим путь,
И станет сном работа,
Но не дают нам всем заснуть,
То деньги, то икота.

И взрослый, многоликий мир,
За нас все подытожит,
Душа согласна на кефир,
И тело, впрочем, тоже.

ДНЕВНИКИ ОСЕНИ

ВАЛЬС БОСТОН

Осень беспечно меняет цвета,
Желтый пейзаж становится серым,
Я часто о многом серьезном мечтал,
В хорошее искренне верил.
Но где-то внезапно щелкнул затвор,

Взлетели от выстрела птицы,
И вмиг опустел наш рябиновый двор,
И вновь мне ночами не спится.

На окнах трамваев резвится дождь,
Девушка едет в трамвае,
Внутренний голос: «Чего же ты ждешь?»
Меня к ней невольно толкает, —
«Быть может, ее ты так долго искал?»
Но смелости мне не хватило,
Девушка вышла — осталась печаль,
И дождь, бесконечно унылый...

Что тут поделать, такой сезон,
Жалеть о былом слишком поздно,
Кружится назойливый вальс бостон,
В каждой клеточке мозга.

* * *

Осень теплая, аккуратная,
Без дождей и ненужных дилемм,
Дышит плесенью серой парадная,
Дома старого, с номером семь.

Я приду в тихий двор голубиный,
И увижу знакомый подъезд,
Встану рядом с кокеткой-рябиной,
На скамейке свободных нет мест.

Скоро дверь у подъезда откроется,
Ты ко мне не спеша подойдешь,
И как только душа успокоится,
Спросишь ласково: «Долго ли ждешь?»

Мы пойдем, прогуляемся в осени,
И до сумерек ходим в кино,
И у старого дворника спросим мы,
Кто такой Вахтанг Мимино?

Посмеемся над жухлыми листьями,
Вспомним лето, немного взгрустнем,
Помолчим и с веселыми мыслями,
По аллее невинной пойдем.

Осень свежая, в безмятежности,
Не зови за собой в холода,
Помоги, средь признаний и нежности,
Сохранить нам любовь навсегда.

Я ВИДЕЛ, УХОДИЛА НОЧЬ

Я видел, уходила ночь,
Без сожалений, легкой тенью,
Забрав с собой остатки снов,
И тишину дворов осенних.

Я видел, уходила ночь,
С улыбкой хитрой черной пумы,
И утренней прохлады новь,
Входила в город мой бесшумно.

Я видел, уходила ночь,
Туман густел молочной пеной,
И утро светлой пеленой,
Домов окрашивало стены.

Мой рыжий кот смотрел в окно,
Застыв фигурой неподвижной,
«Я видел, уходила ночь», —
Он промяукал мне чуть слышно.

1917

Наш бал все яростней, все безнадежней,
И в окна безутешно бьется ветер,
Мой друг, куда теперь пойдешь ты,
Послушай лучше как вступают флейты.

Остатки славного, душевного оркестра:
Две флейты, скрипка и валторна,
Но музыканты доиграют честно,
Они как прежде, вежливо-покорны.

Пусть неприятно, холодно в гостиной,
И я забыл все ваши имена,
Кто не танцует там, во фраке длинном?
Он трезв! Налить ему вина!

Вы не судите строго нас, графиня,
Для слов высоких больше нет причин,
Как только ночь раскатистая сгинет,
Услышим мы, как небо закричит.

И в темных брызгах снежного покрова,
Наступит недосказанный рассвет,
Проснемся мы в чужой стране бедовой,
В которой флейтам места больше нет.

ПИТЕРСКАЯ МИСТИЧЕСКАЯ

В этом городе воздух звонче голоса,
В этом городе солнце слабее огня,
Я спасаюсь в кафе от осенней мороси,
Чашка крепкого кофе согревает меня.

Я опять ворошу откровенное прошлое,
Среди шумной толпы и ломаных фраз,
Я увидел тебя на Дворцовой площади,
И сошел с ума в полынье твоих глаз.

А потом мы бежали по питерской осени,
Мимо бледных домов и складных мостов,
И мы встретили ночь в старом доме заброшенном,
В странной комнате узкой без света и снов.

Я был робким таким, таким нерешительным,
И смешные слова шептал я тебе,
А за пыльным окном гордый ветер Питера,
Своим шагом нетленным гулял по Неве.

ЧУЖАЯ ВЕСНА

Чужая весна, чужие дожди,
И небо, безмерно чужое ...
Последний оплот врага впереди,
Звенит тишина перед боем.
Чужая весна, и ветер чужой,
Дует назойливо в спину,
И нет нам обратной дороги домой,
Пока не дойдем до Берлина.
И до Берлина осталась верста —
Великая русская мера!
Каждый из нас безумно устал,
И хочется, чтоб нас согрела,
Такая чужая, но все же весна,
Что б стало теплей с каждым шагом,
Но ничего, нас согреют сполна,
Разбитые стены Рейхстага!
И бой на исходе, и мечется враг,
И мне бы с лихвой прокричаться:
«Ребята-ы-ы! Давайте-е-е» —
Но что-то не так...
Я падаю, падаю, братцы...
Я небо чужое увижу опять,
Сраженный осколком снаряда,
Как страшно, как холодно здесь умирать,
Победной весной, в сорок пятом.

* * *

Табачный дым плывет по воздуху,
Вновь тяжелеют легкие мои,
Да, впечатления острее с возрастом,
И все сильнее притяжение земли.
Быть может, скоро распогодится,
Закончатся колючие дожди,
Благословит поникших Богородица,
На новые и светлые пути.

НАИВНОСТЬ

Мне не забыть, и не понять,
Поступки Ваши, мысли и слова,
Вы так хотели пьесу доиграть,
А я ее намеренно сорвал.

Ту сцену, где Вы говорите «нет»,
И плавно машете в ответ рукой,
Закрылся занавес. Резвится снег,
В моей душе, израненной и злой.
Искусство — вечно, а любовь — зола,
Ее развеет ветер по аллеям,
Но к дому Вашему дорога привела,
У Вашего окна я на коленях.
Смеялась ночь и завелась метель,
И не могли они меня понять,
А я всего лишь быть свечой хотел,
Светить для Вас и медленно сторгать.

ODNOKLASSNIKI. SCHOOL.RU

Мой одноклассник Колька Окуньков,
Жмет руку мне: «Ну, будь здоров»,
Он смелым был всегда, я не был,
Он в «Лексус» сел, а я в троллейбус.
Мне все равно, кто, где сейчас, зачем?
Все мы заложники своих же схем,
И чтоб не делали мы, круг замкнулся,
Но помню я, как мир нам распахнулся,
Засаленной, но вычурной рубахой,
Смеялись мы, а завуч плакал.
Закончился задорный выпускной,
На улицу посыпались гурьбой,
И у моста напротив Горсовета,
Стояли в ожидании рассвета.
Прошло теперь лет надцать с гаком,
Но помню я, как завуч плакал,
И голос из прекрасного далека,
Звучит порой как будто ненароком.

* * *

Погасла вдохновения свеча,
Фрегат стихов сковали рифы,
Сиротами остались рифмы,
И ветер взвыл и нагло закричал:
«Погасла вдохновения свеча!»

Случается, не пишутся слова,
В красивые и правильные строчки,
Проходят тщетно дни и ночи,
И ветер голос свой неистово срывает:
«Подумаешь, не пишутся слова!»

Поэзия — не край душевных мук,
Она — тропа святых раздумий,
Пусть трудно в повседневном шуме,
Создать стиха неповторимый звук,
Поэзия — не край душевных мук.

СТРОФЫ

И что б нам ветер грозно не кричал,
Он ничего не знает о поэтах,
Какие мы храним в себе секреты,
Пока надежда в сердце горяча,
Зажжется вдохновения свеча!

* * *

На стройке осипло кричат: «Вира!»
Воздух пропитан запахом хлеба,
День начался, но уже застиран,
Стал блеклым и черно-белым.

В старой «хрущевке» звучит пианино,
Сливаются звуки с июльской жарой,
Качели скрипят, сигналият машины,
И голос настойчивый: «Машка, открой!»

В лучших традициях русской сиесты,
В пыльных и смиренных дворах,
Бабушки и алкаши у подъезда,
Что видно сегодня, то было вчера.

И старый прораб кричит: «Майна!»
Воздух пропитан вечерней ванилью,
Здесь все по сценарию и будто случайно,
Жизнь замесали с оперой мыльной.

А ночью пройдет дождик сильный,
Станет еще одна ночь бессонной,
Но будет легче дышать после ливня,
Ворвется в квартиры запах озона.

Утром... чашечки, кофе, печенье,
В окнах — обычный с виду рассвет,
И снова шаги, шаги по ступеням,
Новая песня, но старый куплет.

* * *

Тучи съедают облака,
Как голодные волки отару несчастных овец,
В такую погоду лучше быть дома,
А не в поле под единственным деревом.
И кто-то верит в себя,
А кто-то едет по встречной, думаю только о себе,
И только время никогда не думает о нас,

Это мы думаем о времени,
А еще о еде, ласках и прочей чепухе,
Но нам кажется, что о любви.

ЗИМА

Зима, не смотри мне в глаза,
Я тебе не верил никогда,
Зачем в тебе столько льда?
Замерзает слеза,
В твоих белых стенах.
Зима, перестань мне звонить,
Я не твой верный друг,
Прекрати свою игру,
Пусть морозные дни,
Будут друзьями твоими.
Зима, ты опять не права,
Ты не хочешь слушать людей,
И что они поют о тебе,
Ты превращаешь слова,
В угрюмые снежные бури.

МОЙ ДРУГ

Посвящается А. Зевайкину

Мой друг не обидит и мухи,
Даже когда не спит,
Мы часто сидим с ним на кухне,
И пьем этиловый спирт.
Спирт, что зовется водкой,
Крепостью из пяти букв,
Крепчаем мы с каждой стопкой,
Крепчает наш творческий дух.
И друг баритоном привычным,
С легким акцентом хмельным,
Расскажет историй комичных,
С печальным числом седины.
И время уважит нас, честных,
Как только мы скажем: «Постой!»
Будет топтаться неспешно,
И тихо кивать головой.
Пусть мир этот гребанный рухнет,
Под тяжестью собственных мук,
Мы будем сидеть с ним на кухне,
В крепости из пяти букв.

Анастасия САРАНЧИНА

Родилась в 1980 году в г. Черногорск (Республика Хакасия). Работает в школе учителем русского языка и литературы. В основном пишет стихи, опыты написания прозаических произведений опубликованы на сайте «Проза.ру» (под псевдонимом Яна Саржевская).

ХВОСТ

Жила в городских джунглях миленькая рыжая лисичка. Днем она не выходила на улицу, а лежала в своей уютной норке, пила чай с булочками и читала книги. Ей нравилось гулять по ночам, когда все становилось более таинственным и мистичным. Летом она любила смотреть с высоты на огни ночного города, за снующими туда-сюда машинами, любила слушать монотонный шум дождя, спрятавшись под густую крону вяза. Зимой она любила оставлять следы на хрустящем снеге, ловить снежинки теплым языком и делать лисьего «ангела».

Она не любила людей. Лицемерных, завистливых и пошлых. Все, кто встречался ей на пути, были неприятны, так или иначе. И всех, кто ее знал, интересовал лишь один ее прекрасный рыжий хвост. Никто не хотел видеть в лисе интересную молодую девушку, все хотели быть владельцами ее хвоста: кто-то из самодовольства, кто-то из жадности (нынче лисьи хвосты в цене), а многие из зависти (особенно женщины). Все видели не лису, а только ее хвост, потому что он был поистине прекрасен. И никто не подозревал, что в хвосте, именно в хвосте заключалась самая важная частичка лисичьей души...

Лиса могла распускать свой хвост только несколько раз за свою жизнь, и эти моменты должны были быть очень важными для нее. Рыжая всегда жила в страхе — как узнать, когда именно наступит тот исключительный момент — чтобы не использовать хвост понапрасну. И страхи ее оправдали себя. Она распускала хвост уже три раза, и каждый раз мог быть последним. Смелая, безрассудная лисичка. Никто из трех человек, кто видел рыжий распущенный хвост, никогда больше не смогли забыть этого... Они всю жизнь винили себя, что не смогли удержать такое сокровище в своих руках... и после жили совсем несчастливо, вспоминая мгновения, проведенные с рыжей лисой, каждую ночь в своих снах.

Поэтому, разочаровавшись в людях окончательно, лиса уединилась и наслаждалась покоем... Пока не встретила Ночного Охотника...

Он тоже любил огни ночного города. Охота его будоражила. Он не любил убивать, он любил играть со своей жертвой, заманивать в ловушку и наслаждаться своей победой... Но и это проходит... со временем.

Однажды прекрасной зимней ночью рыжая лисичка решила поваляться на свежем бело-

снежном одеяле. Зарюхавшись по самый нос в снежный массив, она ощутила, что ее тянут за хвост. Не ожидая такой наглости, она перевернулась на спину и пыталась расцарапать обидчику лицо. Ее схватили за лапки и стащили с сугроба. Лиса открыла глаза и увидела его... Голубые глаза ехидно улыбались, на ресницах сверкал иней, пухлые губы искривились в усмешке... Лиса подумала, что именно сейчас надо распушить свой хвост - уже ничего не страшно...

Но звериный инстинкт самосохранения не позволил одержать победу над чувствами. Лиса выпрыгнула из сугроба и пристально посмотрела в голубые глаза Охотника, пытаясь разглядеть в них его сущность. Охотник тоже молча стоял и наблюдал за рыжим существом — такой жертвы у него еще никогда не было. В его голове уже возникли картинки будущей охоты, и он живо представил результат своей победы. Так они стояли не шевелясь и рассматривали друг друга. И так же молча пошли через парк, как будто знали друг друга тысячу лет... В какой-то момент лиса остановилась и, сделав резкий прыжок в сторону, помчалась прочь. Охотник пытался догнать ее, но безуспешно... Это ж лиса.

Рыжая забила в свою норку и неделю не выходила оттуда. Она лежала под одеялом, пила чай с булочками и думала о Ночном Охотнике, пытаясь разобраться, чем же он пленил ее. Она очень хотела увидеть еще раз его голубые насмешливые глаза и понимала, что если это произойдет, ей придется распушить свой хвост...

Охотник рыскал по городу в поисках лисы уже неделю, он караулил ее у сугроба, обошел всю окрестность парка, пытался пойти по следу в ту сторону, куда убежала его жертва, но ничего не находил. Он начал тосковать, рыжая лиса не выходила у него из головы. Он тоже хотел еще раз посмотреть в ее раскосые умные глаза. Такое с ним случилось в первый раз. После удачной охоты он всегда отпускал свою добычу и преспокойно забывал о ней, думая о новых ощущениях. На этот раз было что-то другое, и он не понимал, что...

Лиса решила, наконец, выбраться из своего убежища, она соскучилась по снегу... Лапки привели ее к тому самому сугробу, и она сделала то же самое, что и неделю назад — плюхнулась в него, зарывшись мордочкой в снег. Ее хвост раскачивался над сугробом, как сполох в предзакатном небе... Охотник решил в последний раз обойти парк в надежде на встречу и потом попытаться забыть рыжего лисенка навсегда... и вдруг он увидел его — прекрасный рыжий хвост на фоне белого снега. Он помчался к этому чуду и нежно выдернул обладательницу хвоста из снега... Они смотрели друг на друга, и у обоих появились слезы, слезы радости...

Каждый вечер они гуляли в парке и очень мило беседовали. Охотник был одинок, но не осознавал этого до встречи с лисой. Вся его жизнь — это беготня, погоня, охота. И он жил только этим. У него не было друзей, чтобы составить ему компанию, не было никого, с кем можно было бы просто поболтать. Лиса тоже закрылась в своей скорлупе, потому что не хотела больше быть вещью, драгоценной, но вещью в руках мерзких людишек.

С каждым днем они узнавали все больше и больше друг о друге. Лиса поняла, что в первый раз она вот так запросто разговаривает с человеком, и ему не нужен ее хвост. Охотник осознал, что рыжая лисица заполнила все его сердце, она отличалась от всех его жертв.

Знали бы они, что их ожидает... Жизнь несправедлива. Всегда. И ко всем.

...Наступила благоуханная весна. Они лежали на свежей зеленой траве под листьями огромного тополя и смотрели на причудливые облака в вышине. Лиса не раскрывала тайну своего хвоста, она очень боялась... но, кажется, пришло время показать свою душу Ночному Охотнику. Если судьба сжалится, то они будут счастливы. Рискнуть стоило, потому что нужно было двигаться дальше. Каждый день Охотник и лисица проводили вместе. Им было так хорошо вдвоем, что они не замечали, как бежит время, не замечали никого вокруг, они жили — жили друг другом... Охотник вскоре переселился в норку лисы, и они устроили там свой «рай в шалаше». Теперь они вместе кутались в одеяло, пили чай с булочками и читали вслух книги. Еще они вдвоем бегали под весенним дождем босиком, шлепали по лужам и смеялись.

Самое интересное времяпрепровождение заключалось в погоне.. Они играли в эту странную игру - Охотник садился в машину и пытался догнать рыжую. Иногда ему это удавалось, но чаще - нет. Своего рода это была охота, но как бы понарошку, а лиса любила скорость и быстро бегать. Это же лиса. Потом они долго катались по ночному городу, любовались неоновыми огнями витрин и вывесок. Они не расставались практически ни на минуту.

Охотник нашел родственную душу, лиса нашла человека, которому можно доверять.

Итак, лиса решила, что время пришло. Она повела Охотника в парк, в безлюдное место. Охотник был удивлен - что затеяла его рыжая красавица? Лиса молчала всю дорогу, она испытывала двойственные чувства — страхи огромное счастье. Сейчас все зависит от того, насколько судьба добра к ней.

Рыжая встала в центре поляны, просыпающееся солнце освещало ее золотистыми лучами, и казалось, что она сама излучает этот свет.

**Ольга
ХОЦКАЯ**

Родилась в г. Житомир (Украина). Домохозяйка. Рассказы начала писать три года назад, принимала участие в нескольких конкурсах в интернете. Серьезно нигде не публиковалась.

ЗЕРКАЛО

Давным-давно. В далекой стране. Так все сказки начинаются. А хочешь, я расскажу сказку про тебя?

В каждом доме есть много зеркал. Маленькие, большие, в красивых рамах, в расческах для волос и шкапулках, на шкафах и стенах. Они висят в комнатах, холлах, ванной. Но в каждом доме есть одно особенное зеркало. Оно теплое если дотронуться. Именно в него ты смотришься чаще.

И вот как-то утром, собираясь на работу, ты посмотрел в него и не поверил своим глазам. В зеркале рядом с тобой сидел кот. Большой, рыжий, пушистый кот. Ты с удивлением посмотрел вокруг, но кота не было. А в зеркале есть. Ты потряс головой, пытаешься не думать о коте, и отправился на работу.

На следующее утро все повторилось. В зеркале сидел кот и смотрел на тебя большими желтыми глазами. Смешная мысль пришла тебе в голову, а если его погладить? Ты присел и, глядя в зеркало, протянул руку к коту. Он не убежал. Рука ощутила что-то мягкое и пушистое. От испуга ты даже отдернул ее. Кот важно разлегся на полу и стал умываться. «Нет, определенно у меня не все дома, — подумалось тебе и, расхохотавшись, ты подмигнул рыжему: — Кота не хватает». И снова пошел на работу. Кот появлялся каждое утро. То он терся об ноги, то просто умывался. Созерцание милого животного стало доставлять радость. Ты стал ждать утра. Как-то готовя завтрак, ты отлил часть молока в блюдце. «А почему нет?» Спросил сам у себя, посмотрев в потолок, с надеждой пошел к зеркалу. Кот уже был там. Поставив блюдце

рядом с ним, ты сел на пол и стал его гладить глядя в зеркало. Коту молоко понравилось. Более странного и одновременно приятного чувства ты не испытывал. «Ну, Котэ, пока. Мне пора. Встретимся завтра утром». Вечером, покупая еду, был куплен кошачий корм тоже. «Ведь у меня есть кот». Широко улыбаясь, поставил пакетик в корзинку.

Однажды после работы, вы с другом собирались пить пиво у тебя дома. Ты как всегда купил корм для кота и друг очень удивился. «Зачем тебе корм, ведь у тебя нет кота?» «Есть, — гордо ответил ты, — его зовут Котэ». Уже в доме, он спросил: «Где же кот?» Ты объяснил, что кот боится чужих людей, поэтому спрятался. Но друг не переставал удивляться. Ведь нет туалета для кота, нет игрушек. Только еда. На следующее утро, было принято решение купить все для своего «Котэ». Как всегда ты подошел к зеркалу, но кота там не было. Вечером были куплены все необходимые товары для пушистого друга. Но и на следующее утро он не появился в зеркале. Молоко и еда стояли нетронутыми. Сердце сжималось от тоски. Ты с надеждой смотрел в зеркало, и каждое утро насыпал свежий корм. Шли дни, и ты решил сходить в зоомагазин, но там были другие коты. «Может, это был сон?» — думал ты, открывая дверь, и тут твое сердце застучало. На площадке перед дверью сидел Котэ. «Как же я тебя ждал». Ты обнял кота, и нежно прижимая к себе, занес свое рыжее счастье домой. Посадил его на пол и по привычке глянул в зеркало. Там был кот, твой кот, но не только, в углу стояли изящные красные туфельки...

**Юлия
ГЕЙЧЕНКО**

*«Родилась и живу в г. Днепропетровске
(Украина). Стихи пишу уже почти 30 лет».*

МОЙ ЛАБИРИНТ

Я БУДУ УЖАСНОЙ СТАРУХОЙ...

Когда-нибудь остепенюсь — стану скучной и злой,
На лавочке буду ругать молодежь и козлов,
Что нашу страну

привели в рай для нищих душой.
Ходить буду с палкой,

в платке и с авоськой большой,
Носить буду платья в горох, шерстяные носки.
Тихонько скулить по ночам от бессонной тоски.
Собачку себе лупоглазую я заведу...
Я буду ужасной старухой, имейте ввиду!

БЕЛОСНЕЖКА

«Итак, ты — принцесса...

Губы красны, как кровь,
Кожа, как снег, и волна смоляных волос.
Слушай пророчество: будет тебе любовь,
Только должно быть, как в сказке, чтобы сбылось.

Мать заболеет, стгорит за десяток дней.
В горе отец потеряет покой и сон,
Встретит колдунью и женится он на ней.
Та же убьет его (в сказке такой закон).

Жить тебе станет несладко, но ты не плачь.
Даже от смерти побудешь на волосок,
Но беспричинно тебя пощадит палач.
Рядом пройдет везение. Наискосок.

Гномы и яблоко, слишком глубокий сон
В горной пещере в хрустальном гробу... И вот
Едет на белом коне долгожданный он —
Принц. Поцелуй — и колдунья тотчас умрет.

Ты — королева... Ну, как тебе мой расклад?
Греет ли душу?»
И фея умчалась прочь...
Так начался для принцессы кромешный ад:
Мысли о принце преследуют день и ночь.

Годы идут. Мать здорова, крепка, как дуб,
Да и отец на колдуний глядеть — ни-ни.

Девочка варит для матери с ядом суп,
И до начала сказки считает дни...

ТЫ

Ты писал бесконечные письма кому-то в Гродно,
Отзывался на «милый»,

курил только ночью в ванной,
Одевался небрежно и как-то совсем не модно,
Спал в гостиной
на старом скрипучем моем диване.

У тебя был мольберт и коробка безумных красок,
Ты писал акварели гуашью, пастели — маслом,
Ты умел видеть суть через множество ярких масок,
И любил собирать мир вокруг из кусочков пазлов.

Ты читал Мандельштама

и пил только чай и граппу,

Ненавидел шансон и открытые настежь окна,
По утрам изучал философию Фрэнка Заппы
И дышал на замерзшие за ночь двойные стекла.

Почему-то я помню детали, забыв о главном:

Кем ты мне доводился —

любовником, братом, мужем?

Ты куда-то исчез... Это было давно? Недавно?

Я, возможно, решила,

что ты мне совсем не нужен?

Где теперь ты живешь?

Так же пишешь кому-то письма?

Как тебе на чужом нескрипучем диване спится?

Может быть, ты вернешься?

В традициях романтизма...

У меня твой мольберт на балконе стоит, пылится.

СОРОКАЛЕТНИЕ

Где та молодая шпана,

Что сотрет нас с лица земли?

Б.Г.

На авансцене толпа, суета и крики.

Мы были смелы. Пожалуй, мы были дики.

Мы рисовали на заднике сцены лики

И поклонялись с неистовством дураков.

Нам бы подумать, но юность не терпит схемы.

Мы выходили все дальше, за авансцену,

Мы не шутили, мы в моду вводили мэмы,

Так избавляясь от рамок и от оков.

Идеалисты — мы гнали свой век галопом.

На электричках, пешком или автостопом

Мы пропадали надолго, искали что-то,

Каждую книгу читая, как апокриф.

Мы не в сети — на заборах писали твиты.

Время не любит нас, мы с ним, пожалуй, квиты...

Ритм необычен, а рифмы опять избиты?

Ну и плевать! Идеальные рифмы — миф.

Мы стали старше. На сцене уже другие.

Хуже ли? Лучше? Что радует — не «таги́лы».

Та же ершистость во взглядах и те же силы,

Чтобы разбить на осколки инертный мир.

Мы отошли, наблюдаем. Вернуться? Поздно.

Мы научились и в полдень глядеть на звезды.

Может быть все это глупо, и несерьезно —

Мы не воюем. Мы просто свой мир творим.

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Послушай, зачем тебе принц?

Ведь чудовище — круче.

Клыки и косматая грива — как это грустно!

Тебе подвернулся счастливый, по-моему, случай.

Смотри, как он крепок,

все мышцы наполнены сталью.

С мужчиной таким не страшны никакие угрозы:

Подумаешь, люди лихие иль дикие звери.

Согреет тебя он и в самые злые морозы.

Он будет ручным и послушным.

Все просто, поверь мне.

Ты каплю кокетства разбавь настоящим участием,

Люби его страстно и искренне, пылко и нежно.

И если глаза его будут наполнены счастьем,

То счастье такое поистине будет безбрежно.

Зачем тебе принц?

Он изнежен, капризен и жалок

В сравнении с чудовищем, зверем,

терзаемым болью...

Согрей его душу — она отзовется пожаром.

Отдай ему сердце — и он отзовется любовью.

ДОГОВОР

Из-под капюшона глаза — не огонь, но лед.

«Ты проклял его?»

Поклянись мне, что он умрет!»

А голос дрожит. Предвкушение? Или страх

Звучит в нем, пытаюсь укрыться в ее глазах?

Моя королева — печальный и бледный эльф...

Неистовый паж

разорвал на клочки твой шлейф.

Его ты казнила — презрением, ядом слов,

Закрывшись стеной от своих нереальных снов.

Теперь ты стоишь предо мной

с ледяным клинком.

И ненависть шелковым душит тебя шнурком.

Не плачь, королева. Он будет в бою убит.

Никто никогда не коснется его ланит.

Он будет лежать, упокоен речной водой.

А ты? Будешь вечно красивой и молодой.

Вот только... За это — во взгляде твоём умрет

Любовь, и останется только печаль и лед...

МОЙ ЛАБИРИНТ

Мой лабиринт из стен и тупиков
 Хранит мои иллюзии и сны.
 Чего ждала я от него? Звонков?
 И снова на меня из глубины
 Смотрит надежда, с горечью в глазах:
 «Опять ошиблась? Сколько можно, а?
 Молчишь?» Молчу... А что могу сказать?
 Когда я ощущаю, что больна,
 Что лабиринт мой закрывает вход,
 А выход не находится никак...
 Так хочется сказать надежде: «Вот,
 И снова мы остались в дураках,
 Поверив в призрак, осязав фантом,
 Оставив за порогом здравый смысл».
 Тупик? Тупик. Со всех сторон притом...
 Энтузиазм уже лет пять, как скис.
 От паники боюсь сорваться в крик.
 Но день за днем, с весны и до весны,
 Брожу вдоль стен из тупика в тупик,
 Ищу свои иллюзии и сны...

Я НЕ ПОМНЮ

Я не помню: ты пьешь портвейн
 Или в рот не берешь вина?
 Знаешь ли — кто такой Кобейн
 Или к року ты холодна?
 Любишь ли ты ходить пешком
 Или едешь в своем авто?
 По квартире ты — босиком
 Или в тапочках от «Витон»?
 Твои чувства ко мне чисты
 Или сотканы из вранья?
 Я не помню: реальна ты
 Или ненастоящий я?

* * *

Пакетик чая. Зеленый. Солидной марки.
 Стакан граненый. Блокнот. Там стихи, ремарки,
 Немного прозы, какие-то злые шутки.
 Весною — грозы, а в осени промежутках —
 Теплынь такая, куда там любому лету.
 Бокал токая. Ты — в кресле, едва одета.
 Теряешь смыслы сидеть тут одной, скучая.
 В стакане киснет забытый пакетик чая.

ОСЕННЕЕ 2015

Где бы тебя ни носило — несись назад.
 Видишь, твой дом уцелевший едва стоит?
 Город умытый (тут ночью была гроза)
 Плавает в лужах под сенью гранитных плит.
 Горькая правда хурмою мне вяжет рот.
 Хочешь ли знать, как ты выжил, зачем пришел?
 Дымом из труб прямо в небо плюет завод.
 Нам показалось, что осень легка, как шелк.
 Это иллюзия. Осень — тяжелый рок,
 Грохает гулко в подьезде, пугая всех.
 Чувствуешь — в венах назойливый шепоток?
 Кровь — не вода, плавниками в ней плещет грех.
 До неприличия краток безумный век.
 Бог, если есть, то, похоже, упитый спит.
 В городе мрачном восхода ждет человек...
 Солнца не будет — мы выбрали весь лимит.

* * *

Пожалуй, в аду будем только лишь мы с тобой.
 Кого ни послушай, так каждый и чист, и свят.
 А мы — не святые, у каждого за душой
 Грехов слишком много, чтоб нас не заперли в ад.

Подумаешь, грешники. Будет зато тепло.
 Компания тоже не скучная — я да ты.
 Какая нам разница сколько, чертям назло,
 Мы будем смотреть друг на друга из темноты.

Ну, пусть бесконечность.

Однажды беспечный бог,
 К нам в ад заглянув из-за жалоб бесовских стай,
 Чутко отогревшись (там в небе совсем продрог),
 Внезапно в аду обустроит нам мини-рай.

Подумаешь, в этом раю будем только мы.
 Грешить будем так же, сведя счет грехов вничью.
 А вдруг заскучаем (ведь скука страшней чумы) —
 Я бесов отмою и крылышки им припью.

Я НЕ ХОЧУ ВЕСНЫ

Я не хочу весны, вот не хочу и все.
 Опять размокнет грязь, сойдут с ума пичуги,
 На лавочку опять сойдутся на досуге
 Старухи. И коты начнут орать... Басе,
 Возможно б, написал про все изящно танкой,
 А я терзаю ямб и мучаю хорей.
 Я не хочу весны — я в ней, как иностранка,
 Как хрупкий колосок среди чужих полей.

СТРОФЫ

Оставьте мне мой мир — закупорьте в квартире,
Где тикают часы, где газ, вода и свет.
И дайте мне покой — в моем уютном мире
Нет суеты, страстей... Хотя и жизни нет.
Пусть за окном весна, орут весь день пичуги,
Пусть ловят их коты, и пусть размокнет грязь,
Пусть моют кости всем старухи на досуге,
Весна? Да, хрен бы с ней! На кой она сдалась?

Я БЫ... ТЫ БЫ...

«До конца мира...»
Проповедник

Я бы любила тебя — аж до края мира,
До сумасшествия, до перманентной боли.
Мне бы кричала душа моя: Все! Довольно!
А я все равно любила тебя бы... Живы
Были бы мы лишь до первого взгляда солнца,
Словно вампиры, как будто бы злые тролли.
Ведьмам на хвост мы насыпали б горы соли,
Мы б раздавали проклятия, как червонцы.
Я расцветала бы яркой нездешней птицей,
Крылья раскинув, летела бы вслед за ветром.
Я бы была тот вопрос, что не ждет ответа,
Я бы в глазу — надоедливой бы ресницей.
Ты бы — водой ледяной бы меня на дыбе,
Ты бы сжигал меня, словно огонь солому.
Ведь между нами не может быть по-другому —
Мы же не люди. И я бы тебя... А ты бы...

ГДЕ ТЫ, МОЙ КАЙ?

Где ты, мой Кай? У каких ледяных морей
Двигаешь льдинки, пытаясь собрать их в «Вечность»?

Залы пусты. Вереница глухих дверей.
Сердце-кристалл обжигаете безупречно.

Видишь, снегов белоснежное полотно
Девственно ровное: ни буторка, ни следа.
Ты же хотел одиночества? Вот оно.
Может быть, так она выглядит-то — победа?

Что ж до потери... Да мало ли их, потерь?
Пусть забывается нежность, тускнеет образ.
Где ты, мой Кай? Кто ласкает тебя теперь?
Чей говорит о любви тебе вечной голос?

Ты далеко, в белом мире снегов и грез,
Двигаешь льдинки, так холоден и бесстрастен.
Сердце-кристалл не растает от жарких слез —
Двери крепки... Ты за ними, похоже, счастлив.

* * *

Исчеркала страницу строчками,
Ничего не писалось путного.
На дороге ухабы с кочками,
Как дойти до привала путнику?
Ношу как донести, не выронить,
Укрепиться как духом-верою?
Счастье хрупкое с нами было ли?
Мир накрыт пеленою серою.
За туманами скрыты помыслы,
Интуиция врет по-черному.
Люди рядом — простые образы,
Что идут по пути неторному.
Спотыкаются, кроют матерно
На дороге ухабы с кочками...
Это я их писала начерно,
Исчеркав всю страницу строчками.

Алексей СОЛОВЬЕВ

Родился в 1980 г. в городе Буге Костромской области, где и живет. Закончил Московский государственный университет путей сообщения по специальности «Электрический транспорт железных дорог». Работает в сфере железнодорожного транспорта. Ранее публиковался в областной молодежной газете «Молодежная линия», в журнале «Сибирские огни».

СЛАДКИЙ АРОМАТ

1

Первой его почувствовала Черепаха. Едва уловимый аромат, тонкий, словно струйка дыма от задутой свечи.

Это произошло утром, когда в позднем ноябре за окном еще не рассветало. Черепаха проснулась от шума в прихожей. Она всегда спала беспокойно, особенно в это время «не зимы – не осени», когда погода не радовала предсказуемостью: то поворачивала на мороз, то раздавалась слякотью и мелкой изморосью с неба, словно Бог решил потрясти над городом мокрым веником. Котельные еще не развернулись на полную мощность, в квартире было холодно – Черепаху вместе с клеткой перевезли из зала в комнату Девочки, где тепла добавлял электрический обогреватель. На ночь двери в комнату закрывали, чтобы сохранить тепло. Хозяин и Хозяйка спали в своей комнате под толстым одеялом, заворачиваясь в него, как в спасительный кокон.

Черепаха открыла глаза. Через застекленную дверь она разглядела, что в прихожей горел свет, двигались тени. Хозяин собирался

на работу. Как всегда, рано утром, раньше, чем начинало светлеть небо. За дверью шел приглушенный разговор – они опасались разбудить Девочку. Черепаха хотела переползти в другой угол клетки, где плотнее лежало сено, и снова погрузиться в сон, но какие-то напряженные интонации в разговоре за дверью заставили ее напрячь слух.

– Я вернусь только завтра утром, – говорили голосом Хозяина. Мягко, словно извиняясь. – Вэтот раз мне нужно там задержаться. Много работы.

– Жаль. Я всегда так жду тебя, – это уже был голос Хозяйки. Сожалеющий и печальный. – Мне так тебя не хватает, Саша. Мне всегда тебя мало.

– Я знаю. И я по тебе очень скучаю.

Черепахе не нужно было даже открывать глаза, чтобы знать, что сейчас они, обнявшись, стоят у двери. Она положила голову на его плечо, а он обнимает ее рукой, в которой держит свой коричневый портфель. И он всегда торопится, а она не хочет его отпустить. Никогда. У него много работы, посто-

янные разьезды, и она часто только вдвоем с Девочкой. Она уже так устала от этого, а он, даже обнимая, все время смотрит куда-то вдаль. За горизонт. Ушедшим летом, когда бьющее сквозь жалюзи солнце будило ее рано, Черепаха на утреннем моционе, путешествуя по ярким квадратам, расстелившимся на полу квартиры, вползала в прихожую и часто обнаруживала эту картину. Он обнимал Хозяйку с портфелем в руке и смотрел сквозь все стены дома куда-то вдаль, за горизонт.

– Мне пора, – сказал Хозяин. – Опоздаю на поезд.

Черепаха услышала звук короткого поцелуя.

– Я люблю тебя, – нежно произнесла Хозяйка.

– Я люблю тебя, – словно эхо повторил он.

Именно в этот момент Черепаха почувствовала едва ощутимое присутствие в комнате чужого, незнакомого запаха, который взволновал ее. Она попыталась ухватить его ноздрями плотнее, однако он ускользал, не задерживаясь в обонянии. Он поднимался откуда-то снизу, с пола. Черепаха подползла к краю клетки, которая стояла на комод. Она была уверена, что сейчас, свесив голову вниз, она увидит тонкую ленту этого неуловимого аромата, которая, словно змея, стелется по полу. Конечно, этого не случилось. Она ничего не увидела. Только желтый свет из прихожей веером распускался под дверью.

Клацнул язычок замка. Дверь тихо открылась, и в комнату заглянула Хозяйка.

– Спит? – шепотом спросила она саму себя.

Девочка спокойно спала. Хозяйка удостоверилась в этом и осторожно прикрыла дверь.

И в это время запах, который Черепаха тщетно пыталась уловить, теперь ударил по ней из открытой двери так, будто в комнате встряхнули надушенную простыню. Черепаха судорожно вытягивала голову, словно перед приступом рвоты, и таращила круглые черные глаза в темноту. Сейчас она распробовала его вполне. Это был тошнотворный, сладкий аромат.

2

Хозяин вернулся больше чем через сутки, вечером. Вошел в двери, уставший, но с улыбкой на небритом лице. Хозяйка вспорхнула с кресла словно птица и подлетела к нему в прихожей.

– Наконец-то! Ну как дела? Устал?

– Да есть немного, – ответил он. – Там все плохо. Эти построили, а те не хотят ничего исправлять, и ты понимаешь, Аля, такой бардак!

Черепаха гуляла по кухне. Они обнялись, и она глядела на них. Портфель стоял на полке. Он обнимал Хозяйку свободными руками, укрывая ее спину ладонями. Она, как всегда, нежно и в то же время требовательно прижималась к его плечу.

– На неделе нужно будет ехать еще, – сказал он и, заметив грусть в ее глазах, добавил после паузы нарочито радостно: – Но сейчас-то я дома!

Из своей комнаты выбежала Девочка и обняла его колени.

– Папа, папа!

– Привет, моя хорошая!

– Чего купил? – с интересом спросила Девочка.

– Пока ничего.

– Нууу, – протянула Девочка. – Я так хотела шоколадное яичко.

– Малыш, ты слишком много ешь сладкого! – строго произнес он.

Девочка погрустнела и вернулась в свою комнату, закрыв за собой дверь.

– Снова мультики? – крикнул он ей вслед.

Ответа не последовало.

– Ох уж эти дети, – бессильно вздохнул он и взглянул на Хозяйку.

– Есть будешь? – спросила она.

– Да, – он развел руками. – Иногда мы живем для того, чтобы есть. Целый день живем, чтобы вечером поесть!

Раздевшись и помыв руки, он сел за стол. Черепаха уползла под батарею на кухне, излучавшую едва ощутимое тепло, и, пригревшись, слушала их разговор. Вдохнув приторного запаха тем утром, она еще не могла прийти в себя. Запах осел внутри нее, словно влага на стеклах. Иногда Черепаха, как задыхающийся, широко открывала рот, пытаясь вытолкнуть его из себя, но это не помогало, только начинало причинять боль. В тепле она чувствовала себя лучше.

– Я так скучала по тебе, – сказала Хозяйка, наблюдая, как он ест.

– И я, – коротко ответил он, прожевывая пищу.

– Мне так не нравится, что ты все время в разъездах. Может быть, стоит поискать какую-то другую работу? Чтобы ты побольше времени проводил с нами.

– Аля, ну где я ее найду?! – воскликнул он. – Здесь платят хорошие деньги, мы нуж-

даемся в них сейчас. Я не могу...

Он взял ее ладонь и торопливо прижал к своей небритой щеке.

— Потерпи немного, родная. Вот разберемся с нашими долгами, и я обещаю тебе...

Она подошла к нему и, наклонившись, сзади обняла за плечи.

— Я потерплю.

— А я тебе обещаю!

— Что будешь больше времени проводить с нами?

— Да!

Задремавшая под батареей Черепаха вдруг широко открыла глаза и вытянула шею. Тот самый утренний запах снова ударил в ноздри. Такой же сладкий, но теперь густой и почти ощутимый, как туман. Словно кто-то невидимый здесь, на кухне, под этой желтой лампой в абажуре, взял и разрядил целый баллон освежителя воздуха. Черепаха ждала, что сейчас с потолка начнут опадать капли этого запаха, микроскопические, как та морось, что второй день кряду сыпала за окнами.

Сверху ничего не посыпалось. Но Черепаха почувствовала, как аромат снова проник в нее и растекался внутри, как выпитая вода. Только Черепаха ощутила уже, что вода эта отравленная.

Хозяйка снова отошла к окну и потрогала батареи.

— Когда же по-настоящему дадут это проклятое отопление? Мне так холодно...

— Я обещаю, — повторил Хозяин, тщательно пережевывая пищу. — Потерпи немного.

3

— Мама, у нее под панцирем кровь! — закричала Девочка, держа Черепаху в руках.

Прошло две недели, с тех пор как Черепаха впервые вдохнула сладкий аромат. Теперь она была твердо уверена, что умирает. Смерть настигала ее быстро и неотвратно, словно брошенный вслед булыжник. Тело становилось тяжелым и неповоротливым, лапы переставали слушаться. Она с трудом разбирала, что говорят Хозяева и Девочка. Какая-то чуждая густая жидкость скапливалась внутри нее. Может, это и была кровь.

Запах настигал ее еще не один раз. Вскоре Черепаха догадалась, что это происходит только тогда, когда она присутствует при разговорах Хозяев. Но по какой причине внезапно появляется убивающий ее сладкий аромат — Черепаха понять не могла. Она решила прятаться, но отгородиться от громких голосов было нечем. Что-то в жизни Хозяев на-

ладилось, оставаясь вдвоем или вместе с Девочкой, они оживленно беседовали, строили планы, мечтали... И в это же время что-то сломалось в жизни Черепахи. Среди этих возбужденных разговоров каждый раз возникал сладкий аромат, от которого не было спасения. Вынужденная вдыхать его, Черепаха шумела в клетке, а когда ее выпускали, заползала в платяной шкаф и зарывалась в белье. Но это не помогало. В квартире будто кто-то по очереди прокалывал воздушные шары, наполненные сладостным и зловредным газом. Черепаху находили, вытаскивали из шкафа и помещали обратно в ее законные владения, где она была обречена, по всей видимости, вскоре умереть.

— Кровь? — Хозяйка подошла к Девочке и взяла Черепаху на руки. — Где кровь, малыш?

— Там, на животике! — сказала Девочка.

Хозяйка приподняла Черепаху над головой и посмотрело на брюшко. Действительно, сквозь панцирь видно было расплывшееся по телу красное пятно, похожее на кровавое. Глаза Черепахи были сощурены до узких щелочек. Она выглядела словно старый человек уставший от жизни и боли, которая эту жизнь сопровождает.

Хозяйка слегка дотронулась до головы Черепахи. Та рефлекторно, но словно во сне, не открывая глаз, медленно отодвинула голову, пытаясь убраться в панцирь.

— Странно, — удивилась Хозяйка. — Она как будто спит. И не спит.

— А что это за кровь у нее в животике? — спросила Девочка.

— Не знаю, малыш, — растерянно ответила Хозяйка и позвала: — Саша, иди сюда!

Он подошел к Хозяйке и Девочке.

— Что случилось?

— Похоже, что Черепаха заболела, — сказала Хозяйка. — Может, мы ее заморозили? Дома так холодно.

— Не знаю, что сказать... — Хозяин пожал плечами. — Отвезу ее завтра к ветеринару, пусть посмотрит.

— Я не хочу, чтобы Черепаха умерла! — заплакала Девочка. — Я ее люблю!

— Ну что ты такое говоришь, малыш! — бросилась утешать ее Хозяйка. — С Черепахой все будет хорошо. Завтра папа отвезет ее к ветеринару, ее вылечат...

— Я люблю Черепаху, — размазывая слезы по щекам, повторила Девочка.

— И я тоже, и папа любит Черепаху...

— И я люблю! — эхом повторил Хозяин.

И полуживая Черепаха вновь вдохнула смертоносный яд.

Еще через неделю Черепаха умерла.

Чтобы хоть как-то утешить Девочку, он положил ее в красную коробку из-под летних туфель и закопал под деревом на берегу реки.

— Там ей будет хорошо, — сказала Хозяйка, обнимая заплаканную Девочку. — Летом это солнечное место, но и от дождя защищено густой кроной тополя.

— Я буду приходить к ней, — горько всхлипывала Девочка.

— Конечно. Конечно, будешь.

Он вернулся мокрый, с гроздьями земли на резиновых сапогах. Увидев его, Девочка снова разрыдалась. При виде слез дочери у него защемило сердце, будто его сжали тисками.

— Дождь в декабре, — не зная, как быть, произнес он. — Кошмар.

Они все сели в зале на диване. Хозяйка налила чай. Они сидели, пили чай и молчали, только Девочка время от времени судорожно вздыхала.

— Все будет хорошо, — сказала Хозяйка. Девочка прижалась к ней и обняла за начинающую полнеть талию.

— Разумеется! — с деланной бодростью подтвердил он. — Малыш, не переживай так. Мы вместе. Я с вами, с тобой и мамой. Я люблю Вас.

И глазами он постарался сказать Хозяйке так, чтобы получилось искренне и взаправду: «И я люблю тебя!»

А Девочка почувствовала едва уловимый, нежный, словно шелковая лента, но настойчивый, как стук в дверь, сладкий аромат.

Александра МАКСИМОВА

Родилась в 1991 году в г. Нефтекумск (Ставропольский край) Живет в г. Геленджик, село Дивноморское (Краснодарский край), Окончила КубГУ, факультет психологии и управления. Рассказы начала писать в 19 лет. Ранее публиковалась в журналах и альманахах МСТС «Озарение» (г. Новокузнецк). Автор книги рассказов «Письмо Небесному Святейшеству» (Новокузнецк, 2014 год).

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЕЩИ

Передо мной Гена — высокий, крупный, с тучным, беспокойным лицом. Я чувствую в нем желание говорить: горячо, громко, рисуя словами особый мир, который так близок ему, взрослому человеку, и так чужд мне, маленькому мальчику. Отчего Гена серьезен? Отчего глаза его полны напряжения? Я засматриваюсь в окно — ветер гонит по небу облако, тающее в мутной синеве горизонта, растущий в саду орешник бросает тень на пробудившуюся землю; в воздухе — запах лопуха и крапивы. Нежная, ласковая весна разливается по свету приятным теплом. Столько милости, столько чуда кругом, — замирает сердце.

— Олечка! — шепчет Гена, рассматривая мои поделки из пластилина.

Мне девять лет; я полон сил и энергии. Каждый день я с большим интересом познаю мир: читаю сказки, бегаю с сестрой по двору, наблюдаю за тем, как цветет абрикос, как кошка Муня кормит своих котят молоком. Мне страшно нравится окружающий мир, в глазах моих — ни капли грусти.

— В каком ты классе? — спрашивает Гена.

— В третьем, — отвечаю я, катая в ладошках пластилиновый шарик. — А вы ходите в институт?

— Я окончил институт.

Он берет меня за руку и продолжает:

— Сейчас в твоей жизни — замечательное время. Ты ребенок! Тебя ничто не беспокоит, ты предоставлен сам себе.

Ах, Гена! Если бы! Как же уроки, занятия в музыкальной школе? Мне не нравится играть на пианино — какой тоскливый, жалостливый инструмент! То ли дело гитара, но сначала, по настоянию мамы, нужно освоить пианино, — гитара будет после.

Гена двигает ко мне стул и смотрит в глаза: ему очень хочется смотреть в мои глаза, я это чувствую.

— Но ты вряд ли понимаешь свое счастье, — важно говорит он. — Ты еще не способен понимать исключительные вещи.

Гена любит говорить загадками. Я кладу пластилиновый шарик на стол и задумываюсь: что это взбрело ему в голову? Мне хоть и девять лет, но понимаю я многое. В школе получаю одни пятерки.

— А что это — исключительные вещи? — спрашиваю я, выждав паузу.

Усмехнувшись, мой собеседник складывает руки на полной груди.

— Я ухаживаю за больной матерью, — говорит он. — Лежачий человек... уколы, таблетки, капельницы. Все бы ничего, но все мое время уходит на мать. Я мало работаю, а, следовательно, мало получаю. Вместо того чтобы ехать в город, устраивать свою жизнь, я сижу в поселке, кормлю кроликов. А ведь у меня высшее образование! Знаешь, кто я по профессии?

— Кто?

— Инженер-технолог, — гордо заявляет Гена.

В глазах его вспыхивает огонек; чуть улыбнувшись, он запрокидывает голову назад и продолжает важным, представительным тоном, словно вещает с трибун:

— Знал бы ты, как я хочу работать на производстве, исследовать лекарственные препараты, контролировать качество сырья, — этому меня учили известные химики. За моей спиной — химико-технологический институт. Я лично знаком с Григориним, доктором наук, профессором, автором сотни публикаций; он занимается синтезом низкомолекулярных веществ, исследует фармакологию.

Бросив мрачный взгляд в окно, он спрашивает:

— Скажи, Олежка, чем примечателен наш поселок? Разве здесь можно найти себя? Я не собираюсь выращивать рис и кукурузу подобно местным. Просто удивительно, что мне, образованному человеку, приходится жить в поселке среди пахарей и торгашей. Мне невыносимо здесь! Понимаешь?

Естественно, я ничего не понимаю. Мне не знакомо слово «производство», да и фраза «найти себя» ни о чем не говорит. Я просто хочу слушать Гену. Он говорит уверенно; напрягая свое грузное, белое, как сметана, лицо, Гена продолжает:

— Я не обвиняю мать в своих трудностях, я просто констатирую факт. Обстоятельство. Все мы, так или иначе, зависим от обстоятельств, но только не ты. Ты еще слишком мал. Тебе ни-почем заботы взрослых — тебя интересуют пластилиновые шарики и бумажные самолетки, которые вы с Варей пускаете из окна. Полагаю, ты счастлив.

Я не понимаю слов Гены. Во мне, маленьком, пытлимом мальчике, зарождается большой, не ясный детскому разуму, протест.

— Так вот это — исключительные вещи, — заключает мой собеседник, подняв указательный палец вверх. — Оставаться возле больной матери, ставя на своих возможностях крест.

Знай, Олежка, в каждом деле требуется развитие. Человек должен развиваться в определенной области, в той, которую он выбрал. Мне по душе производство, химия. Химия, как одна из значимых наук, призвана помогать человечеству. Представь: без нее не обходится ни одна промышленная отрасль! Пищевая, горная, металлургическая... без химии никуда. Но вернемся к моему случаю: рассуди, Олежка! По-твоему, я развиваюсь? Я варю гречневые каши, развожу кроликов, глажу тряпки. Хорошо бы продать дом, уехать в город и нанять матери сиделку, но думаешь, поймут? Это плохой тон. Нанимать сиделку или устраивать в дом престарелых при живом сыне у нас считается преступлением, а человек, между тем, пропадает. Я давно мог стать известным технологом. Получать хорошие деньги, жить припеваючи. Разве я не имею на это права? Несбывшиеся мечты измельчают человеческую душу. Она становится злее, опаснее.

Ему интересно наблюдать за мной: высыпав на стол цветные карандаши, я начинаю рисовать. Гена следит за моей рукой. Кажется, в этом большом человеке есть что-то маленькое, теплое, способное тронуть сердце и остаться в нем навсегда. Но что? Голос у Гены грубый, глаза тяжелые, движения неуклюжие, медвежьи. Я боюсь его. Боюсь, но продолжаю слушать.

— Мать уезжать не хочет, — говорит он, не отрывая от меня глаз. — Старики — народ особый. Им родной дом дороже жизни. Собственно, что есть родной дом? Тот, где ты прожил долгие годы. Мать родилась в городе, но через три года дед перевез семью в поселок. Города мать не помнит совершенно. В поселке выросла, вышла замуж, похоронила отца. Здесь ей любой пригорок, любая ямка непременно напомнит о каком-нибудь событии. Старики любят вспоминать прошлое, им видится в нем молодость... энтузиазм, азарт, приключение. Старость они не жалуют. Цепляются к болячкам, сравнивают тебя, сегодняшнего, современного, с ними, некогда молодыми, горячими. Но не стоит бояться старости, не стоит вешать нос от того, что тебе стукнул седьмой десяток! Для чего-то ведь она дается, старость эта? Думаешь, для осмысления прошлого, для анализа свершенного? Старость — жизнь. Она вовсе не означает конец. В юности кажется, будто эта коварная особа обойдет тебя стороной. Глянет — запугал себя человечиска, затюкал безумными мыслями: что я теперь смогу? Что увижу? Разве будет мой день таким, каким он был двадцать, тридцать лет назад? А что потом? Посмеется старость, подумает, но не уйдет. Постоит рядышком, да за свое приметя: пустит в виски седину, погнет слабостью хребет, а в зеркале нарисует желтую обвисшую морду... Понимаешь? А? Олежка!

Он улыбается, играя бровями.

— Однако страх перед ней не должен завладеть сердцем. Жизнь продолжается! Старость меняет внешность, душа остается прежней. Каждый в душе ребенок. Дай мне игрушечный пистолет, я улыбнусь и начну стрелять. Я помню свои детские мечты. Одна из них — скорее вырасти, но открою тебе секрет: мечта эта сбылась очень быстро. Не успел оглянуться — появились седые волосы. Так что лови момент — хулигань, пока хулиганился.

Сколько тебе лет, Гена? Зачем пришел? Я знаю, ты ходишь к нам раз в неделю пить с бабушкой облепиховый чай. Бабушка дает тебе с собой блинов. Ты благодаришь ее и уходишь. Но о чем вы говорите? На вид ты строг, лицо твое горячо, угрюмо. Девятилетний мальчик не поймет философию, о которой ты рассуждаешь с болью в голосе. Разве нет человека, способного выслушать тебя, понять? Хлопнуть по плечу, дать дельный совет? Что может мальчик? Смотреть на тебя изучающе, находить странным все, что ты говоришь: дети вряд ли думают о старости и возможностях, на которых каким-то образом ставят крест. Но я знаю, что тебя привлекло во мне: я просто умею слушать. Я не стану осуждать тебя и пытаться понять исключительные вещи. Сейчас мне это ни к чему.

— Вот и мать моя плачется, — продолжает Гена после долгого молчания. — Не рада старости. Она у меня такая вся... деревенская. Простая, неграмотная. Девять классов окончила и в рабочую столовую пошла. Всю жизнь железно-дорожникам пекла плюшки.

Он наклоняется и шепчет:

— Но я знаю, все разрешится. Нужно только подождать.

И тут глаза мои вспыхивают — я понимаю Гену! Понимаю, чего нужно подождать. По-своему, по-детски, но довольно ясно. Мне не нужно знать, кто такой инженер, что такое осмысление прошлого, — я осознаю: большой Гена в растерянности. Ему горько, больно, от того в его глазах — полный мрак.

— Винституте я имел бюджетное место. Ты знаешь, что такое бюджет?

Гена! Ну, разве может мальчик знать, что собой представляет бюджет?

— Ладно! О бюджете с тобой говорить рано. Это я к тому, что за учебу мне платить не приходилось, а сейчас деньги нужны, как никогда. Можно писать исследовательские работы, но я пуст. Совершенно! Не понимаю, куда делся мой писательский азарт: я не в силах сосредоточиться, взяться за мозговую работу. Да и когда писать? До обеда я в школе преподаю химию, в остальное время смотрю за матерью,

от нее надолго отходить нельзя. Знаешь, раньше все было иначе. Винституте меня переполняла страсть. Это было состояние полета: читать то, что тебе интересно, делать то, что движет твоими мыслями, владеет тобой целиком и полностью. На третьем курсе я написал статью об организации производства лекарственных форм. Ее взяли за основу проведения эксперимента с гомеопатическими средствами. Я был счастлив! Пропускал свое счастье через каждую клетку, от волнения у меня подгибались колени, потели ладони... настолько все во мне кипело, распалаяло душу.

Он рассматривает свои руки и вздыхает:

— Думал, отучусь — пойду на фармзавод, но не прошел конкурс. Я, студент, подающий надежды, не прошел конкурс! Это подобно смерти. Ты долго идешь к чему-то, планируешь жизнь, но вдруг раздается выстрел — планы твои катятся к чертям. Фармзавод — организация серьезная, туда берут далеко не всех. Конкурс, тестирование, испытательный срок. Даже полиграф пройти обязали. Когда узнал, что мать слегла, сразу домой вернулся. Учебу позабросил. Госы, конечно, сдал, но если быть честным, — неблестяще. Мать никак из головы не выходила.

Помолчав, он спрашивает:

— Какое, интересно, у тебя понятие любви?

Я замер: еще никто не задавал мне подобного вопроса.

— Ну? Дети ведь говорят о любви. Думают. Я помню себя в твоём возрасте. Мне казалось, любовь — это собирать вместе фантики и прятаться от соседей, позвонив им в дверь.

— Нуу, — протягиваю я в раздумье, — это когда мама обнимает нас с Варей, а мы плачем.

— Почему?

— Потому что ее не было весь день. Мы скуцали.

Гена всматривается в мой рисунок — я изобразил лес. Густой, светлый, с тропинками и ручейками.

— На завод взяли самородка, способного парня из области, — с обидой произносит он. — Я читал о нем в газетах. Длинный, лицо въедливое, дотошное. Старше меня на год, а работ за плечами — тьма. Вот это химик, вот это талант. Будет развивать отечественную фармакологию, ну а я, мой друг, довольствоваться зарплатой сельского учителя.

Он ехидно смеется. Меня не покидает ощущение, что Гена не счастлив. Спустя годы, я часто задавался вопросом: могут ли дети понимать подобные тонкости — осознавать, счастлив человек или нет. Я стал думать, что счастье — это не всегда мама, Варя и бабушка. Это нечто

еще. То, что составляет человека изнутри. Увлечения, привычки, слабости... да. Они тоже могут быть источником счастья.

— Старайся никому не завидовать, — понуро говорит Гена. — Зависть плохое качество — нутро проест.

Мне хочется помочь ему. Что бы такого сделать, чтобы его печальное лицо стало радостным?

— Матери будут делать операцию. Удалять кисту поджелудочной железы. Ты знаешь, что такое киста?

Я киваю, хотя не имею представления ни о кисте, ни о поджелудочной железе.

— После операции предстоит лечение, врачи прогноз не делают. Так только, смотрят молчком, руками разводят. Старая мать... шестьдесят семь лет. А ты знаешь, что она помирать собралась?

Он смеется. Мне жутковато от его смеха: по телу бегут мурашки.

— У меня, кроме нее, никого нет. Видишь, Олежка, здоровый лоб перед тобой, тридцать лет прожил, а такое ощущение, что и не жил совсем. Ни жены, ни детей... я раньше думал, дети — это не ко мне. За собой уследить не могу, за ребенком тем более. В мозгах всегда сидело — химия, химия, химия! Не предполагал, что дети могут быть полезны, могут быть просто нужны! Сейчас смотрю на тебя и думаю — на черта я так углублялся в учебу? Лучше б женился. Хотя, может, женюсь еще. Ходит тут одна по поселку, высокая, сероглазая, но как подступиться, не знаю.

Он замолкает.

Яркое палящее солнце бьется красным лучом в окно. Становится душно. Я смотрю на Гену, Гена смотрит на меня. И во мне и в нем — тревога.

— Вечером сяду, возьму мать за руку и говорю: «Ну, что ты, мама! Бабка моя, Дарья Семеновна, девяносто лет прожила. Это по отцу которая. Сестра ее, Лилия Кузьминична, — девяносто три. У нас в роду одни долгожители. И ты проживешь. До восьмидесяти уж точно». Не верит! Смотрит на меня пугливо, прощения просит. За что, спрашиваю? За все. За что за все? За неудобства. Так, может, уедем в город? К черту этот поселок, этот дом! Нет, говорит, я свой последний день здесь проведу. Мне в такие мгновения сквозь землю провалиться хочется.

Я взбираюсь к нему на колени, обнимаю — Гена не ожидал подобной ласки. Сгорбившись, он растерянно смотрит мне в лицо, словно не знает, как взрослому человеку отвечать на детскую искренность.

— Идем во двор, кое-что покажу! — тараторю я.

Большой Гена мнется. Я беру его за руку, стаскиваю со стула. Какой он тяжелый! Усилия мои напрасны: мне не сдвинуть Гену с места. Улыбнувшись, он встает и следует за мной на улицу.

Во дворе я указываю на гору песка. У ворот высится Варин торт, украшенный тополиными листьями, чуть дальше — мой танк. Я долго над ним работал и, надо сказать, имел успех: танк оценили все соседские мальчишки.

— Ммм! — мычит Гена, разглядывая мое песчаное детище.

Я взбираюсь на гору — ноги мои по пояс тонут в песке.

— Хочешь, научу тебя лепить из песка?

Гена удивляется:

— Что может быть проще! Думаешь, не умею?

— Не умеешь!

Мало кто соглашается возиться со мной в песке. Дедушка вечно занят, маме это занятие не интересно. Я бегу в дом и возвращаюсь с ведром воды. В моем кармане — листок, вырванный из раскраски:

— Будем лепить грузовик, — говорю я, показывая Гене рисунок.

Не все знают, как правильно лепить из песка. Для начала стоит очертить на земле контур будущей фигурки. Далее — присыпать его мокрым песком. Может, я и не способен понимать исключительные вещи, но фигурки леплю красивые: с заядлым умением, с желанием поразить взрослых. Лепкой занимаюсь три года — по мне, так довольно долго. Леплю солдатиков, диких животных. У меня даже книга есть — «Искусство лепки из песка». Четыреста страниц! Представьте! Конечно, мне помогают. Мамин брат, дядя Коля, прекрасно лепит. По выходным приезжает из города и часами сидит со мной во дворе. Это он подарил мне книгу. Дядя Коля говорит, любимому делу нужно уделять внимание каждый день. Хотя бы час, главное, — не лениться. Со временем мои песчаные солдатикостанут совершеннее. Я приложу к этому максимум усилий.

Протягивая Гене лопатку, я принимаюсь за дело. Песка много, он рассыпчатый, совсем легкий. Гена следует моему примеру. Мы возимся в песке несколько часов. У Гены получается неважно. Смотря на мою работу, он удивляется — как это я смог слепить такой хорошенький грузовик? Я поразил его. Гена был растерян и не знал, что сказать.

— Можно слепить дракона, — говорю я, отгораживая грузовик кольцом из мелких камней.

— Дракона из песка?

— Дракона из песка.

Он хохочет. Кажется, ему нравится моя идея. Мы принимаемся за дело — час усилий и дракон готов.

Когда с работы приходит бабушка, Гена идет пить чай. После его ухода я спрашиваю:

– Зачем к нам ходит этот Гена?

– Поговорить.

– Поговорить?

Бабушка кивает. Мне это странно. Зачем ходить в гости, чтобы просто говорить? В гости ходят по делу: чтобы играть в прятки или кушать какой-нибудь вкусный торт.

– И о чем вы говорите?

Она молчит – видимо, ей не хочется делиться секретами Гены.

– Он очень переживает: матери вот-вот должны сделать операцию. У нее рак.

Интересно – какой такой рак?

– Отец бросил мать, когда Гене было пять лет, – продолжает бабушка. – Братьев у него нет, сестер тоже. Вообще он один всегда. Сам по себе. Здоровый такой, сильный, а духом слабый. Выпивать начал. Пить – это последнее. Пить нельзя. Надо ж кому-то спасать парня?

От чего спасать? Что она имеет в виду?

– Ты меня не поймешь, – ласково говорит бабушка. – Но и не надо. Я скажу одно: Гена хороший парень. Обычно много рассказывает, а сегодня, прямо, молчок. Чай выпил и говорит: «У вашего Олежки чистейший взгляд. Сидит, слушает, а глазенки хлоп-хлоп... того и гляди выпрыгнут. Я, конечно, разоткровенничался. Химия, производство, бюджеты... разве понять дитю? Ну да ладно! Умение слушать ему очень пригодится. Рад знакомству с таким редким мальчиком!»

Я улыбаюсь: мне нравится слово редкий. Я не совсем понимаю его значение, но мне очень хочется быть для Гены редким.

– Он придет еще?

– Всубботу.

Скорее бы суббота! Нужно научить Гену строить из песка города. Сдворцами и фонтанами. Перед сном, закутавшись в одеяло, я вспоминаю Генины глаза, даже будто слышу его голос. Я в свои девять лет – маленькое существо,

которое всегда чем-то озабочено, всюду торопится, словно, если опоздает на мгновение, – рухнет мир. Гена гораздо старше, но уже так изнеможен, так отягощен происходящим, что с трудом ходит по земле. В настоящем ему тесно, в прошлом сладко, ну а будущее, видимо, совершенно не представляется. И все это копится в молодом, крепком теле, в благородной душе.

Всубботу Гена приходит снова. Мы лепим из песка дворец. Получается великолепно – Гена делает все, что я говорю. Закончив, он садится на скамейку и наблюдает за тем, как вечер седым туманом ускользает в небесную гущу. Гуща хмурится: где-то вдалеке блещет молния. Воздух наполняется влагой, тяжелеет так, что становится трудно дышать. Это к дождю. Дожди часто заливают поселок весной.

– Но ведь мне хорошо! – шепчет Гена, любясь нашим дворцом. – Не от того, что я хочу верить в это, а от того, что мне и правда – хорошо!

Неужто, это я, маленький мальчик, так повлиял на него?

Как только мне исполняется десять лет, у Гены умирает мать. Он продает дом и уезжает в город. Но сейчас, когда я заканчиваю эту историю, мне больше двадцати. Я хочу найти Гену. Так ли печально теперь его лицо?

Где ты, Гена? Я не забыл тебя! Помнишь нашего песчаного дракона? Наверное, у тебя есть дети. Наверное, ты теперь седой и несговорчивый, какими бывают многие старики. Я часто бываю в поселке. У дома, где ты жил, цветет калиновый куст, посаженный твоей мамой. Смотрю я на него и чувствую, как сердце, словно оскалившаяся собачонка, грызет тоска. Злобная, глупая. Я гоню ее: пошла, шавка, прочь! Зачем снедаешь сердце? Сидя в своем дворе, я оглядываюсь – нигде нет песка! Ничто не напоминает о моем главном увлечении детства... неужто, я так быстро вырос?

Откликнись, Гена! Слепим еще одного дракона.

**Ольга
РОМАНЕЕВА**

Родилась в 1973 году в г. Самара. «Домохозяйка, увлекаюсь своим садом, люблю вышивать и придумывать в тишине различные истории, которых у меня скопилось уже изрядное количество. Рассказы начала писать в 16 лет».

ПОД СНЕГОМ ДЫШИТ ВЕСНА

Просыпался Василий Семенович затемно. Вставать не спешил. Вначале просто лежал, слушая мерно тикающие часики и стоны больной жены, спавшей в соседней комнатке. Иногда во дворе, заслышав шорохи, лениво тявкал Рекс. Затем старик осторожно шевелил пальцами и, убедившись, что тело все еще подчиняется ему, облегченно вздыхал. Вытянувшись на кровати, он терпеливо ждал.

Когда за окном начинали отчетливо прорисовываться тонкие веточки декоративной калины, обвитые хмелем, дед вставал и одевался. Выйдя из дома, он медленно брел вверх по улице, до самой посадки. Трость с глухим стуком разбивала тонкий лед, покрывавший асфальт, с окрестных дворов ему вслед неслись разноголосый лай.

К тому моменту, когда Василий Семенович возвращался, домочадцы уже хлопотали по хозяйству. Дед, кряхтя, устраивался на

лавочке у ворот. Щуря глаза от яркого солнца, он внимательно наблюдал, как сын с невесткою провожают на выпас исхудавшую за зиму скотину.

Обычно на него никто не обращал внимания, но однажды Михаил остановился возле отца и окинул его внимательным взглядом:

— Бать, ты только на охоту свою идти не вздумай.

— Это можно разве? Можно так издеваться над больным? — вскинулся Василий Семенович, резко вскочил, но тут же пошатнулся и ухватился за штакетину. Отмахнувшись от пристыженного сына, не слушая, выхватил у него трость и поспешил в дом. Убедившись, что поблизости никого нет, достал из кладовки залатанный рюкзачок и перенес его в сарай, поставив на землю, под висящее на стене ружье младшего сына. Немного подумав, взял со стола ветхое одеяло, служившее для укрытия грядок от заморозков, и наки-

нул его сверху. Затем, одобрительно крикнув, отправился завтракать, не забывая прихромывать на обе ноги.

На следующее утро, пока все спали, Василий Семенович быстро оделся, схватил припрятанный рюкзачок, повесил ружье на шею и покинул двор. Осторожно ступая по подмерзшему за ночь асфальту, свернул в ближайший прогон. По соседней улице он вышел из села и бодро зашагал по едва заметной вдоль длинных рядов деревьев дороге. Вскоре начало пригревать солнце, над головой с треском носились дубоносы, высматривая кусты с темно-красным боярышником.

Василий Семенович рассматривал торчавшую из просевшего снега поросль и горестно вздыхал, вспоминая, как раньше, совсем еще мальцом, вместе с братом гонял деревенское стадо. Коровы вытаптывали все на своем пути, не давая деревьям разрастаться. А сейчас скотины почти ни у кого и нет, в магазине все покупают. Но как можно сравнивать вкус домашнего молока и масла с покупным, дед не понимал. И был несказанно рад, что сын выбрал себе правильную жену, которая от запаха навоза носа не воротит, хоть и городская. Все научилась делать, настоящей помощницей стала. А теперь уже и полноправной хозяйкой. С прошлого лета, как со свекровью инсульт случился. Теперь бережет, ничего не позволяет по дому делать. Хотя, бывает, Галка и ворчит на нее, но любит, как родную.

На развилке дед остановился перевести дух. Впереди, на косогоре, были видны разноцветные крыши домов небольшого села, перед ним раскинулось поле, покрытое жухлой травой. Блестящая дорога, словно десертный нож, разрежала его на две части. Еще лет десять назад вокруг небольшого оврага было полно опят и они с женой частенько приходили сюда. Сейчас же, среди сушняка, примятого за зиму снегом, виднелись повсюду крошечные колокольчики синей и белой пролески. А грибов не стало. Как дорогу положили, так и пропали разом.

Вправо уходила проселочная дорога, с одной стороны от нее раскинулся лес, а вдоль другой, прямо от шоссе, тянулась небольшая речушка, которая потом резко поворачивала влево.

Василий Семенович начал осторожно спускаться с небольшого холма, опираясь на трость. Идти было трудно, под ногами хлюпала грязь, в ямках стояла вода. Дед теперь шел уже значительно медленнее, стараясь ступать не в грязную жижу, а на пробивающуюся по обочине зеленую траву.

Вскоре он все же свернул с дороги и побрел по краю ельника, по опавшей прошлогодней хвое. Обходя сломанные сухие стволы и ветки, заходил все дальше в лес. Когда он заметил, что вокруг одни осины, попытался брать левее, но, как назло, все удобные тропы вели в глубь чащи. Теперь он шел уже не по примятой листве, пахнувшей сыростью и плесенью, а по рыхлому снегу. Ноги проваливались и позади него оставались глубокие ямы, которые сразу же заполнялись водой. Хоть и трудно было переставлять ноги, но все это доставляло старику невероятную радость, он вдруг почувствовал себя молодым и полным сил.

Влесу еще царил зима. Март, словно злой муж после свадьбы, срывал белый свадебный наряд и надевал на нее грязное платье. Из последних сил держалась зима за просевшие серые сугробы, натягивая их на землю так, что образовывались дыры. Среди грязи, стебельков высохшей травы, пробивались фиолетовые и белые цветы. Оборванка украшала свои лохмотья крокусами и пролесками, не подозревая, что этим лишь ускоряет свой конец.

Пройдя немного вперед, Василий Семенович остановился. Путь преградила узкая тропа. Внимательно осмотрев следы, дед стал тревожно озираться по сторонам, рука непроизвольно легла на приклад ружья. Следы были кабаньи, свежие, сегодняшние, и шли от реки в глубь чащи. Он осторожно ступил на тропу и стал выходить из леса.

Внезапно послышался шум, словно на него бежал целый табун лошадей. Резко обернувшись, дед не удержался на ногах и упал. Рука тотчас провалилась в снег, острый наст больно оцарапал ладонь. Сердце стучало так сильно, что на миг даже заглушило непонятный звук.

Дед сел на колени и увидел, как над рекой, чуть ли не касаясь воды крыльями, размахивая ими так, что гладь заколыхалась, создавая рябь, пролетела стая диких уток.

Схватившись за грудь, старик медленно поднялся на ноги, прислонился к стволу березы, и достал из внутреннего кармана куртки платочек. Развернув его, он трясущимися руками взял одну из таблеток и торопливо закинул ее в рот. Сжав платочек в кулаке, постоял несколько минут, прислушиваясь к испуганному сердцу.

«А, может, и прав сын? Ну, какой из него теперь охотник? Все, он свое отходил. Вспомнилось, как прошлым летом увидел в огороде Галю, лежащую посреди кустов смородины и безучастно смотрящую в небо. Первым делом решил, что она умерла. Но, приложив ухо к

груди, услышал тихо бьющееся сердце, она тут же отреагировала и замычала в ответ на его крики. А он заплакал от радости и бросился звать сына. Эх, и влетело ей потом от невестки, когда Галя немного окрепла. Ведь Маринка коршуном налетала всякий раз, когда та вздумывала направиться в огород, да не уследила. Не утерпела его Галка, вырвалась ненадолго из тесной клетки, а теперь вот целыми днями была обречена сидеть в комнате и смотреть свои сериалы. Она сдалась. Вроде и дышит еще, но не живет так, как привыкла, и как хотелось бы ей. А он не намерен сдаваться, он дойдет. А иначе, зачем жить?»

Сунув платочек в карман, Василий Семенович поправил ружье и зашагал к реке. Там он сошел с дороги и медленно побрел по полю, к росшим впереди кустам облепихи. Заметив расплывчатые фиолетовые и белые пятна, ускорил было шаг, но, случайно посмотрев направо, остановился и всплеснул руками — неподалеку от него, по краю леса,

виднелись синие цветы на белом снеге. А там дальше еще и еще. Целыми семьями.

Дед заулыбался и, подойдя, сорвал один. На стебельке, словно подернутом инеем, гордо смотрел своим желтым глазом синий пушистик.

«И название-то у него какое чудное, сон-трава, — думал старик, собирая цветы, разбросанные по всему лесу.— Если собрать рано утром и положить под подушку, то можно загадать желание. Одно, самое сокровенное. И цветет аккурат на Галкины именины. Первый раз подарил, когда еще детьми были, а потом каждый год за ними ходил. Галка смеялась и говорила, что он приохотился. Так и пролетела вся жизнь, словно сон, такой же яркий и запоминающийся, как эти цветы. Другие бы давно погибли, а этим хоть бы что. Сидят тихонечко под снегом и ждут, когда солнце вызовет их из холодного, душного плена. Несмотря ни на что, они дышат. А, значит, живут».

Владимир МАЛЫШЕВ

«Родился в удивительном месте на земле, окончил Арзамасский государственный педагогический институт имени А.П. Гайдара по специальности «Дошкольная педагогика и психология» и получил квалификацию «Преподаватель дошкольной педагогики и психологии, воспитатель дошкольных учреждений». Поработать по специальности удалось недолго, ушел совсем в другую сферу, и накопилось столько жизненного опыта, что вдохновили о нем написать».

ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ

Глава 1 БОЛЬ ПАМЯТИ

Как-то ведь все это началось. С чего? Ах да, ну да, ну да. Гостиница. Обычная, недорогая, с удобствами на этаже, гостиница. Сидел, значит, я на кровати. Сидел, значит, и думал. Накатило как-то волной, сбило с ног. Маленький старый телек передо мной, в руке стакан с вискарем. Где-то за 500 верст жена с ребенком. А я тут сижу на кровати и думаю. А думаю я вот о чем. Десять лет, Господи, десять лет я мотаюсь по стране, по гостиницам, по съемным на неделю квартирам, а где-то без меня растет дочь. Дай Бог, неделю в месяц вижу ее. Хожу с нею, держащей мой палец, маленькой детской ручкой, в садик, потом из садика. Счастье. Вот оно странное и простое человеческое счастье. Итого — неделя...

Жена? А что жена? Вышла за меня по глупости. А уже мою, в данном случае, глупость, сделанную в 31 год, можно измерить одним словом — «жизнь». Не сложилось сразу. Жестко не сложилось. Помнится, недели через две после свадьбы, случился у нас ночью с супругой

— разговор. Хреновый такой разговор. Вы уж мне поверьте, нервы у меня были крепкие. Бывало и пистолет ко лбу ставили, и на топор ходил. Все ничего. А тут ...

Вышел я на лестничную площадку, закурил. И вдруг вижу, дрожат пальцы. Мелко так дрожат. Выкурил я тогда сразу полпачки, вроде успокоился. Потом два месяца без сна. Думал все, взвешивал, пытался просчитать, понять — «Почему?! Что не так то?!» Заснуть мог только после двух стаканов водки. Ведь надо было работать, а значит и спать.

А ведь до женитьбы баб и девок было у меня... Не один плацкартный вагон. А тут на! Выходит, и не знаю я о них ничего. Правда, через два месяца понял. Озарение постигло меня, по-другому и не скажешь, прям Менделеев. И скажу я вам, это нечто. Просто, как день Божий и настолько же непостижимо. Оказывается, есть всего два варианта у нас — мужиков: или ты ей нужен — любой или ты ей не нужен — любой. Все эти хитроумные и глубокомысленные научные труды огромной толпы психологов — пыль! Вспомните судьбу Фрейда и Карнеги. То-то.

Глава 2 ПРЯМЫЕ ДОРОГИ

Да, что-то отвлекся я. Впрочем, гостиница... Странное это место, гостиница. Есть в ней что-то, что противоречит нормальному течению человеческой жизни. Какое-то особенное одиночество. Одиночество, которое видимо и приводит к таким вот размышлениям. Ну, казалось бы что такого? Ан нет, все чужое. А вот своего, только то, что в рюкзаке принес.

Сию я, кручу стакан, не радуется ни вискарь, ни закуска. Даже бабки в кармане и на карте не радуют. Думаю: «Дожил». А и то, правда, вспомнить то нечего. То есть, есть чего, но сравнимого с этими походами в садик и обратно... Пустое все, сгинувшее как миражи. Осталось только горькое сожаление о невозвратимом маленьком счастье в руке. А еще были камушки и старые стекляшки, сверкающие в весеннем ручейке. И пораженно восхищенные глазоньки, сырые ботиночки. Страшно, как много в этих мелочах счастья. Неповторимой радости.

Эх, жизнь... Как все глупо.

А ведь было и у меня детство. Непростое, с множеством семейных скандалов и уличных обид, но все же, настоящее детство. Походы, байдарки. Здорово. И, как родная мать, Советская власть. Какая там Москва, Питер, Самара, Ростов и т.д.? Отец зарабатывал дома. Да уж, капитализм убивает. Как яд. Яд для простых людей. Деньги — это больше, чем Бог. За них приходится идти в размен. Размен с совестью, семьей, детскими радостями.

Если у тебя есть деньги, то у тебя есть ТОЛЬКО деньги.

Много я тогда передумал всякого, на этой гостиничной койке, но я даже и представить не мог последствий своего решения завязать с ярмарками. Глуп был, наивен.

Хоть и получилось все как положено в своем логичном развитии. Вот уж, иногда с усмешкой, вспоминаешь народные пословицы. Простые и ясные, как совершенной формы клинок штыка. Все очень просто. Так же просто получилось и со мной. Штыком в меня, слава богу, не тыкали, но ощущения, я думаю, такие же. Это, конечно, если режут сзади, неожиданно, с животной ненавистью.

Да уж, мы люди, существа такие. Мы еще и не так можем. Как то у меня не очень связано

и гладко получается выговориться. Но уж такой я человек. Меня и друг мой за это ругает. Давай, говорит, короче: «А как короче то!» Это же жизнь моя, почитай прожитая. Рассказать о ней коротко и без меня смогут. Возьмут камушек, ежели денег хватит, и начертаят коротко и ясно: «Такой-то 1974 — 20...год». Спасибо, что заглянул. И всего делов. От благодарного, со скупой слезой, человечества.

Что было дальше? А что дальше? Устроился в родном селе на работенку не пыльную, но деньги уже не те. Соответственно и отношение. Да и то сказать, одно дело меня терпеть неделю в месяц, а другое каждый день. Ну и понеслось. Без стакана, домой ноги не шли. Сначала водка помогала. Потом втянулся. Потом запой. Где б трезвым смолчал, пьяным скандалил. Жизнь стала невыносимой.

Разошлись, в общем. Я ведь ее не осуждаю. Да и за что? За то, что она такой же, как и мы все, человек? Со своими, наивно-романтическими, несбывшимися надеждами? Вконец-концов, все мы взрослеем. Правда, все по-разному. И вещи простые начинаем понимать когда уже столько наворочено... И ничего уже нельзя исправить.

Говоришь об этом молодым — смеются. А почему бы не смеяться? Не давят еще наломанные дрова. Еще все легко.

Я ведь понимаю, что характер — это судьба. И чтобы понять то, что теперь так ясно и очевидно, надо было прожить именно такую жизнь!

Но как говорил классик — обидно, горько за прожитую жизнь. Сожрала, изломала душу, барыжная, торговая судьбинushка. А ведь мог пойти в аспирантуру. Потом учить студентов. Сделать хоть что-то. Да, видимо, не дал бог разума. Да и советчики попадались. Если умные и добрые, то тихие. Если глупые и самовлюбленные, то громкие. Уверенно тыкающие пальцем в никуда, по наитию и без раскаяния.

Нет цены хорошему совету данному вовремя. Хотя есть ему цена, самая дорогая цена для человека — это его жизнь.

Впрочем, ушел я из торговли. И как-то меня отпустило. Даже рисовать начал. Удивляюсь себе, в последнее время. Да и красоте мира удивляюсь. Видеть я эту красоту начал. И еще я кое-что понял. Врут попы. Нагло врут, с расчетом. Подленьким таким расчетом. Жизнь, и только жизнь, то бишь бытие, определяет наше сознание.

Светлана ГОРДЕЕВА

Родилась в с. Комсомольское (Чувашия), живет в г. Чебоксары. Окончила художественное училище в г. Гомель (Белоруссия), Чувашский государственный педагогический университет имени И. Яковлева (факультет русской филологии).

Член Союза журналистов России, член Союза писателей России.

Лауреат и победитель десятков литературных конкурсов республиканского, всероссийского и международного уровней. Во всероссийском конкурсе детской литературы «Пегасик-2011» заняла первое место.

Я ЛЮБЛЮ ЭТУ ЖИЗНЬ

* * *

Ели темные под белым снегом,
Будто замарали лапы белым,
Будто ночью на доске из неба
Рисовали и писали мелом.

Контурсы лесов чертили будто,
Линией, штрихами, многоточьем.
Начертили белым мелом буквы,
Только, неразборчив этот почерк.

Только звон колоколов и утро,
И лесов хрустальных торжество!
Сложатся в слова немые буквы —
Рождество настало, Рождество!

* * *

Мы как в мешочке у Бога горох:
Кто-то проклюнулся, кто-то засох.
Кто-то на влажную землю упал,
Кто-то — на камни, да так и пропал.

Ангел мешочек с горохом потряс:
Много у Бога горошинок — нас.

С шумом и грохотом в этом мешке
Каждый находит местечко себе.

Ангелу нужно горох перебрать,
Не перепутать и не потерять.
Только хороший оставить горох,
Тот, что для будущей жизни готов.

Жаль, что так много негодных семян,
Вот и на этом горошке изъян.
Может, оставить горошек, спасти?
Слезно прошу, не губи, а прости!

Вот и росток через несколько дней
Вышел от влажной слезинки твоей.
Знать не дано нам о нашей судьбе —
Ангел любезный, поплачь обо мне.

* * *

Я люблю эту жизнь —
В мире ярком и бурном
Облаков витражи,
Солнце в небе лазурном!

Слыша песнь соловья,
Неземную такую,
Не влюбиться нельзя
В эту прелесть земную.

* * *

Здравствуй, старый добрый сад,
Я к тебе опять приду.
Знаю, ты мне очень рад,
Да, и я душой — в саду.

Пахнет мятой и крапивой,
Дремлет сонный георгин,
Он красивый горделивый,
И как я, всегда один.

Я по вам, по всем, скучала
Долгой серою зимой.
Обниму-ка для начала
Куст смородины родной.

Рядом вишня тянет руки
В белых кружевах весны.
И устали от разлуки
Ежевичные кусты.

Мы опять друг другу рады,
Все в саду живет, цветет,
Даже липа за оградой
Мне привет весенний шлет.

* * *

В саду еще не зацветают вишни
И спит под майским солнцем клен,
И пеня соловьев еще не слышно,
Но воздух вдохновеньем напоен.

Нарцисс за пять минут до пробужденья
Дрожит на тонкой ножке золотой,
Тюльпан — факир и маг преображенья
Загадочно качает головой.

Зеленая весна лучами солнца
Коснется яблонь заспанных ресниц
И все преобразится и проснется,
Открыв глаза цветов под пеня птиц.

* * *

Лежат на лужах от дождя листья осины.
Как на тарелках яркие конфеты.
У осени сегодня именины,
И гости все торжественно одеты.
В зеленом фраке ель маячит где-то,
Икона этикета и манер:

Всегда стройна, с иголки одета,
Игривым соснам вовсе не в пример.
Они свои показывая ножки,
Не прикрывают круглые колени.
Стоят, толпясь, на узенькой дорожке
Или танцуют в ярком окружении
Поклонников из кленов и дубов,
В коричневых и красных сюртуках...
И торт как будто к празднику готов,
Украшенный грибами на пеньках.

* * *

Я назову по именам цветы и травы,
Которые встречают нас в лесу.
Как в дом родной в знакомую дубраву
Приветы радостные принесу.

Привет тебе, черника на пригорке,
Брусничный куст, и ты меня встречай,
И смотрит радостно с зеленой горки
Высокий стройный гордый Иван-чай.

А вот, как звездочки в траве, гвоздики,
Улыбкой солнце разливает свет,
Приветливо сияют листьев лики
И для меня приятней встречи нет.

* * *

Листок осенний, покажи ладошку:
Осталось нам дружить совсем немножко.
Закончится осенний карнавал,
И потускнеет позолота...
Начнут снежинки свой воздушный бал
Под ритм быстрого фокстрота.
Листок осенний, с ветки помаша
И покружи в своем веселом танце.
Зачем грустить? Ведь это просто жизнь,
Придется всем когда-нибудь расстаться.

* * *

Ночное небо в искрах от костра,
Теряются в пространстве тени.
Приходит время, когда нам пора
Прощать с порога и просить прощенье.

Сгорает мрак, восходит снова солнце
И согревает всех, цветы и травы...
А мы все каемся, потом опять клянемся,
В своей неправде только мы и правы.

А солнцу дела нет до правды этой,
Оно не перестанет нам светить.
И, если хочешь стать частицей света,
Проси прощенье и успеи простить.

* * *

Что можете вы знать о вечности?
Глас падших ангелов звучал:
— Людишки, мусор, человечешки,
Все спорите, кто вас создал?!

Вы же не знали одиночества,
И не ходили по воде,
Вы отвергали все пророчества,
Распяли правду на кресте...

Но вот какой-то грешник кается
И загорается свеча.
Все прощено, все окупается
Любовью неразумных чад.

* * *

Мне тревоги осеннего дня не унять.
Беспокойным лучом уходящего света
Озаряется пруда лиловая гладь
И в лиловое облако солнце одето.

Холода наступают, уносят красу
Так недолго горящего лета.
Не цветет уж багульник в багряном лесу,
Нет у жизни зеленого цвета.

Наряжается лес в свой последний наряд,
На палитре — все яркие краски.
Желтый клен, рыжий тополь, осины стоят
В ярких вязаных кофточках красных.

Но скучаю по милым фиалок глазам
И ромашек молочных объятьям.
Я опять не успела березкам сказать,
Как идут им зеленые платья.

* * *

На белых перьях облаков
Хватает места
И для нечаянных стихов
И неизвестных.
И для снежинок, и для птиц,
И снов небесных.
Для взглядов дев из-под ресниц
И слов чудесных.

* * *

Руки белые взлетают, колокольчики звенят:
Вяжут зимние узоры облака.
Для деревьев и опушек — замечательный наряд,
Он не связан до конца еще пока.
Тянут белые снежинки нить из белых облаков
И сплетается воздушных нитей шелк.

Вот уже для старой ели белоснежный плащ готов
И пушистый плед на склон замерший лег.
Для рябины — пелерина, муфта — на руки берез,
А на плечи лип — узорчатая шаль.
Чтоб не страшен был осинкам

зимний северный мороз,

Облакам совсем себя не жаль.
Тают, бедные, теряя свои пухлые бока,
Согревают мир, озябший от ветров.
Тают, тают, исчезают незаметно облака,
Прилетевшие из наших детских снов.

* * *

Ранним утром все как будто
В самый первый вздох Земли.
Вечер был и было утро,
Отделяя свет от тьмы.

Твердь небесная проснулась,
Окунулась в первый свет,
Вот и птицы встрепенулись,
Шлют нам утренний привет.

Каждый день — как день рожденья,
Льется нам любовь с небес.
Утро — мира сотворенье,
Сотворение чудес!

* * *

Несомненно, небосвод
Сверху к нам не упадет,
Ну, конечно, ну, конечно,
К нам на землю не сойдет.

Я на лужицу гляжу,
Что же в ней я нахожу?
Ну, конечно, ну, конечно,
Я сейчас вам расскажу.

Там я вижу небосвод,
Он по лужице плавает
Ну, конечно, ну, конечно,
Под ногами — небосвод.

Эта лужа — во дворе,
Небо в луже видно мне.
Ну, конечно, ну, конечно,
Значит, небо — на земле!

Или все наоборот —
Лужа путает народ!?
Ну, конечно, ну, конечно
Эта лужа все нам врет:
Лужа только отражает
Синий, синий небосвод!

* * *

Засыпаю, засыпаюсь
Ворохом опавших снов,
В мир тихонько погружаясь,
Где не нужно лишних слов.

Где нет злости и обмана,
Где сияет дивный свет.
Даже нет еще Адама,
Не оставлен Евой след.

Где щебечет в райских куцах
Самый первый соловей.
В мирный мир — простой и лучший:
Без ошибок, без людей.

* * *

Нас жизнь все время проверяет
На стойкость и на силу жить.
Так травы ветер гнет, ломает,
И зимним холодом кружит.

Но мы растем, растем как травы,
Цветем зеленою весной,
Мы в этой силе жизни правы,
И в этом есть ответ простой.

Ведь жизни сила бесконечна,
Росток весной взойдет опять.
Он хочет жить и даже вечность
Не сможет дух его сломать.

* * *

Такой загадочный и важный господин
Почти прозрачной, незаметной тенью,
Он за спиной, немой, всегда один,
Он с нами всюду с самого рожденья.

Он — наше время: тикают часы
И с первых дней уже пошел отсчет.
Он тихо улыбается в усы
И что-то каждый день у нас крадет.

В его карманах — дни, часы, минуты,
Потерянные нами навсегда.
Они текут и исчезают будто
Сквозь пальцы непослушная вода.

Не надо комкать время, жечь и прятать,
Чтоб он не смог опять его стащить,
Не надо об ушедшем горько плакать,
А надо просто и красиво жить.

ИЗ ЦИКЛА «ЗАРИСОВКИ»

*

Ветер сушит заплаканные щеки дождевой тучи.

*

Деревья — жители рая, всегда знают, что делают.
Это мы — неразумные — цветом невпопад.

*

Яблоневые цветы еще не знают своего будущего,
но уже пахнут яблоками.

*

Цветы пиона рождаются из бутона и улыбаются
как розовощекие младенцы.

*

Шмель — весь в поцелуях одуванчика.

*

Стихи, хоть и растут в чьих-то тетрадах, но они
ничьи.

*

Когда заходишь в гости, не прилично не знать
имени хозяина, когда заходишь в лес, хочется
знать всех, там живущих.

*

Мальвы — девушки в белых и розовых платочках
подступили к окошку, зовут на прогулку.

*

Не умею играть в карты: даже опавшей листве
проигрываю в Дурака.

*

Преображение белого Гладиолуса! Ромашки пада-
ют ниц.

*

Падающие звезды, как зажигание спичек наоборот.

*

Море хлопает в ладоши и как шаловливый ребе-
нок раскидывает брызги горстями.

*

Дождь плачет даже искреннее, чем ребенок.

*

Царственный клен подарил свой пурпурный плащ
бродяге ветру.

*

Недоумение осенних цветов под белым пухом
первого снега.

*

Осенние листья, подгоняемые ветром, бегут по
асфальту как дети, наперегонки.

*

Ветер осенний стрижет лохмы холмов.

Владимир ХАБАРОВ

Родился в 1950 году в г. Ташкент (Республика Узбекистан). Сейчас проживает в пгт. Кукмор (Республика Татарстан). В данный момент на пенсии. Рассказы начал писать в 14 лет.

ВЗАИМОВЫРУЧКА

Грузовоз «Дмитрий Менделеев» стоял под погрузкой уже более трех часов. До конца оставалось минут десять, когда Зайцев, штурман корабля, заметил неладное с последним контейнером. Наблюдая из рубки управления за процессом, он не мог понять, в чем дело. Контейнер никак не хотел входить в свою секцию. Два бота-погрузчика, поочередно подталкивая то справа, то слева, пытались его туда запихнуть. «Перекосило что ли? — Николай Васильевич вывел на монитор данные трехмерной телеметрии. — Точно, заклинило...»

Сдосады он накричал на оператора Асю. Та начала оправдываться, что, мол, у одного из ботов камера старая, отработала свое, поэтому временами выдает погрешность картинки. Вот и не вписались сразу в проем. Начальство знает об этой проблеме, но как всегда не чешется. Ася пообещала заменить бот-погрузчик как можно скорее. Что и было сделано. Контейнер благополучно встал на место. Успели по времени...

Получив «добро» от дежурного оператора, каботажник плавно отвалил от грузового терминала Лунной орбитальной станции и направился в конечный пункт, коим являлся Плутон. На орбите последнего находился недавно

построенный исследовательский комплекс «Циолковский». Но задействован, увы, он был пока не в полную силу. Кое-что из установленного оборудования за это время морально устарело, кое-что вышло из строя, а кое-что еще и не запускали — из-за недокомплекта. Поэтому прибытия «Дмитрия Менделеева» там ждали с большим нетерпением.

— Петрович! — Зайцев повернулся всем корпусом к командиру, умудрившись не вывалиться из кресла, хотя комплекция этому способствовала. — У нас опять проблемы с топливом. Датчики показывают пониженный уровень.

— Опять? — Петрович нахмурился. — В прошлый раз еле-еле, на последних каплях, так сказать, долетели. Теперь снова? Проверяли же перед полетом?!

Зайцев развел руками:

— Ну, так и есть. Лично вместе с механиком проследил за рем-ботами. Мелкие недочеты нашли, а по «горючке» — ничего. Чисто. Ума не приложу...

Он сокрушенно начал приглаживать мелкие рыжеватые кудряшки на своей лысеющей голове, заканчивая движения рук где-то там,

за ушами, ближе к затылку. Кудряшки активно сопротивлялись, демонстрируя стойкое желание к самоуправлению.

За долгие годы совместной работы Петрович давно уже изучил все привычки своего штурмана.

— Да ты, Коля, не волнуйся так, здоровье побереги... — он посмотрел на старенький панорамный монитор, где красные пунктирные точки траектории полета уперлись в орбиту Юпитера, — ...не мальчик ведь. На Каллисто подзаправимся и двинем дальше — к Титану. На «Циолковском» очень ждут этот груз. И так, рейс два раза уже откладывали. Вернемся домой — сразу на капремонт и модернизацию, полгода можно будет отдохнуть.

— Эх, Петрович, все ты правильно говоришь, — штурман отодвинул кресло, встал и начал ходить по рубке, поглаживая выпирающий из-под комбинезона животик приличных размеров. — Отдохнуть нам пора! Сколько лет в космосе болтаемся, подумать страшно. Пусть молодежь поработает. А старожилам почет и уважение надобно.

Петрович лишь скептически улыбнулся, продолжая разглядывать план-схему маршрута.

— Ну да, что-то я не видел, чтобы кто-то из молодых жаждал поработать с нами. Они нашу рухлядь стороной обходят. Даже начальство не в силах заставить их пойти на такой подвиг. Им только все новое подавай. Да и ты, только говоришь, что пора на отдых, а самого и палкой не выгонишь с корабля.

Зайцев сделал вид что обиделся:

— А сам-то... тоже хорош! Последний раз, когда на Земле был?

Петрович перестал разглядывать схему и с грустью заметил:

— Это ты о чем, Коля? Вся наша жизнь с тобой прошла в космосе. На Земле только в отпуске бываем, но и то, после недели, максимум две, становится скучно и тянет обратно в космос. Да что там говорить, сам все прекрасно знаешь...

Он махнул рукой, словно давая понять, что разговор на эту тему бессмыслен, и вернулся к работе. Рассматривая на экране монитора данные проведенных вычислений, голосом полным оптимизма вынес вердикт:

— Вроде должно хватить, если вдруг не случится чего-то неожиданного.

— А что может слу... — Зайцев не успел закончить, как яркая вспышка прямо по курсу заполнила обзорные мониторы. На миг ослепила его, лишив дара речи.

Диким зверем взревели сигнальные ревуны, пол под ногами затрясся мелкой дрожью, женский голос системы защиты произнес:

«Первая степень опасности! Всем надеть гермокостюмы!» Петрович прикрыл рукой на миг ослепшие глаза, сделал шаг назад. И в тот момент, когда уже почти заканчивал движение, корабль трянуло так сильно, что нога внезапно подвернулась, и он начал заваливаться назад, теряя опору...

...Когда штурман протер глаза и мир вокруг принял четкие очертания, его взору предстала дивная картина: на полу сидел командир, постанывая и держась за вывихнутую лодыжку, а в двух шагах от него стояло странное существо, закутанное в зеленоватый туман.

Очертания фигуры были плохо видны, но туман начал потихоньку рассеиваться и от увиденного сердце Зайцева тревожно екнуло. «Это что за наваждение? — подумал он, не зная, что предпринять: то ли броситься к Петровичу, то ли поискать хоть какое-то подобие орудия защиты. — Откуда взялась эта гадость!»

Внешне существо немного напоминало паука: темно-коричневое эллипсоидное тело опиралось на трехсуставчатые конечности, расположенных попарно по бокам. Вместо рта виднелась узкая щель, две пары круглых глаз без век, с неподвижными черными зрачками, качались на стебельках, растущих чуть выше рта. Хотя штурман не был уверен, что это именно рот, но по аналогии с земными формами жизни ему пришлось принять данное за аксиому. Ниже щели, ближе к подбрюшью, располагались мощные жвала, от вида которых у Зайцева вдоль позвоночника пронесся холодок ужаса и отчаяния.

Но и существо, если судить по флюидам страха, идущим от него, было напугано не меньше. Земляне, несмотря на свое незавидное положение, ощутили их сразу. Однако, вряд ли бы это послужило поводом для успокоения. Наоборот, из-за чувства страха и незнакомой обстановки существо могло перейти к агрессии. По принципу: лучшая защита — это нападение. Поэтому штурман внутренне приготовился к худшему.

Мужественно преодолевая внутреннее оцепенение, он нерешительно сделал шаг в сторону Петровича. Тот, забыв на время про лодыжку, с некоторой опаской и изумлением разглядывал паука. Вту же секунду щель чужака чуть раздвинулась, и оттуда полились звуки похожие на птичьи трели, но явно с угрожающей интонацией.

Оба землянина от неожиданности вздрогнули. Петрович тут же скривился от боли ненавязчиво заявившей, что пока не собирается с ним расставаться. Зайцев замер на месте, опустил голову и уставился в пол, удрученно переступив с ноги на ногу. Наконец, не обра-

щая внимания на трели чужака, поднял голову и глубоко вздохнул. Задержал дыхание, выдохнул и подошел к командиру:

— Давай посмотрю. Возможно, придется наложить фиксирующую повязку...

— Помогите лучше подняться и в кресло усадить, — отозвался Петрович, — а потом делай что хочешь.

Согласно инструкции, оба должны уметь оказывать первую медицинскую помощь, но у Зайцева было преимущество — больше практических часов. Петрович об этом знал и поэтому подчинился беспрекословно.

Занятые своим делом: ощупыванием больного места и вопросами-ответами, они сначала не обратили внимания на странное поведение чужака, который вдруг перестал «петь песни» и будто — если судить по виду — стал прислушиваться к разговору. Первым удивился Петрович:

— А чего он перестал чирикать? Что замолкло?

Зайцев закончил осмотр лодыжки к этому времени и размышлял, как подобраться к медицинскому модулю, который находился как раз за пауком. Неосознанно, «на автомате», ответил безразличным тоном:

— Думает, наверное, что еще сказать.

— Что сказа-а-ать, — слова, произнесенные с резким металлическим оттенком звучания, повергли землян в шок.

— Ты смотри-ка, по-нашему заговорил, — Петрович, испытывая некоторое неудобство, потому-что сидел в кресле, не шевелясь, чуть дернулся, лодыжка сразу же предсказуемо ответила очередной порцией боли. — Ай!..да сделай же что-нибудь!

Зайцев поднялся, стараясь унять нервную дрожь, и направился к медицинскому модулю, оглябая чужака по длинной кривой. Вид у штурмана был несчастный. Пара глазных стеблей паука тут же повернулась вокруг своей оси, сопровождая движение человека. То ли гримаса боли вновь появившееся на лице Петровича, то ли еще что — может, почувствовал эмоции, может, ассоциации какие... — но чужак, аккуратно переступая конечностями, отодвинулся в сторону, давая возможность Зайцеву пройти. Штурман, прижимаясь к стенке, проскользнул мимо. Как ни странно, но действия чужака помогли ему успокоиться и даже как-то немного расслабиться. Он отметил, что, несмотря на свой малый рост, почти на голову выше чужака.

— Помо-о-щь, боль?.. — тот вопросительно наклонил глазные стебельки. — Могу помо-о-чь...

— Спасибо, мы сами, — буркнул штурман, доставая медицинский пенал из модуля; ему

было неловко за свои опасения, страхи и то желание, которое возникло еще в самом начале — убить инопланетянина. Теперь он видел, что чужак им не угрожает и явно ищет способ наладить контакт.

— А вы кто? И что тут делаете? — любопытство все же перебороло боль, Петрович разглядывал существо, которое сейчас не казалось таким уж и страшным, готовым броситься на людей и разорвать их в клочья.

— Прова-ал... Туннельный да-а-тчик бара-а-хлит, — паук всем видом пытался изобразить отчаяние. — Подпростра-а-нство свернулось, кора-а-бль теперь здесь, в ва-а-шей системе...

Вернувшись с «похода», штурман открыл пенал и, наклонившись над ногой командира, приступил к обработке лодыжки. Петрович невольно расслабился от врачебных манипуляций, задумался, вспоминая, что ему известно о гиперпространстве. Но ничего, кроме статей известных ученых, напичканных теориями, спорами, прогнозами и того, что скоро человечество «оседдает» космические дали и вот-вот начнет осваивать другие галактики, не вспоминалось. «Ну да, теории теориями, а тут наглядный пример уже освоенного гиперпространства», — размышлял он, все больше и больше хмурясь, не зная, как начать разговор с чужаком на эту тему. Раздумья прервал штурман своим глупым, как показалось Петровичу, вопросом:

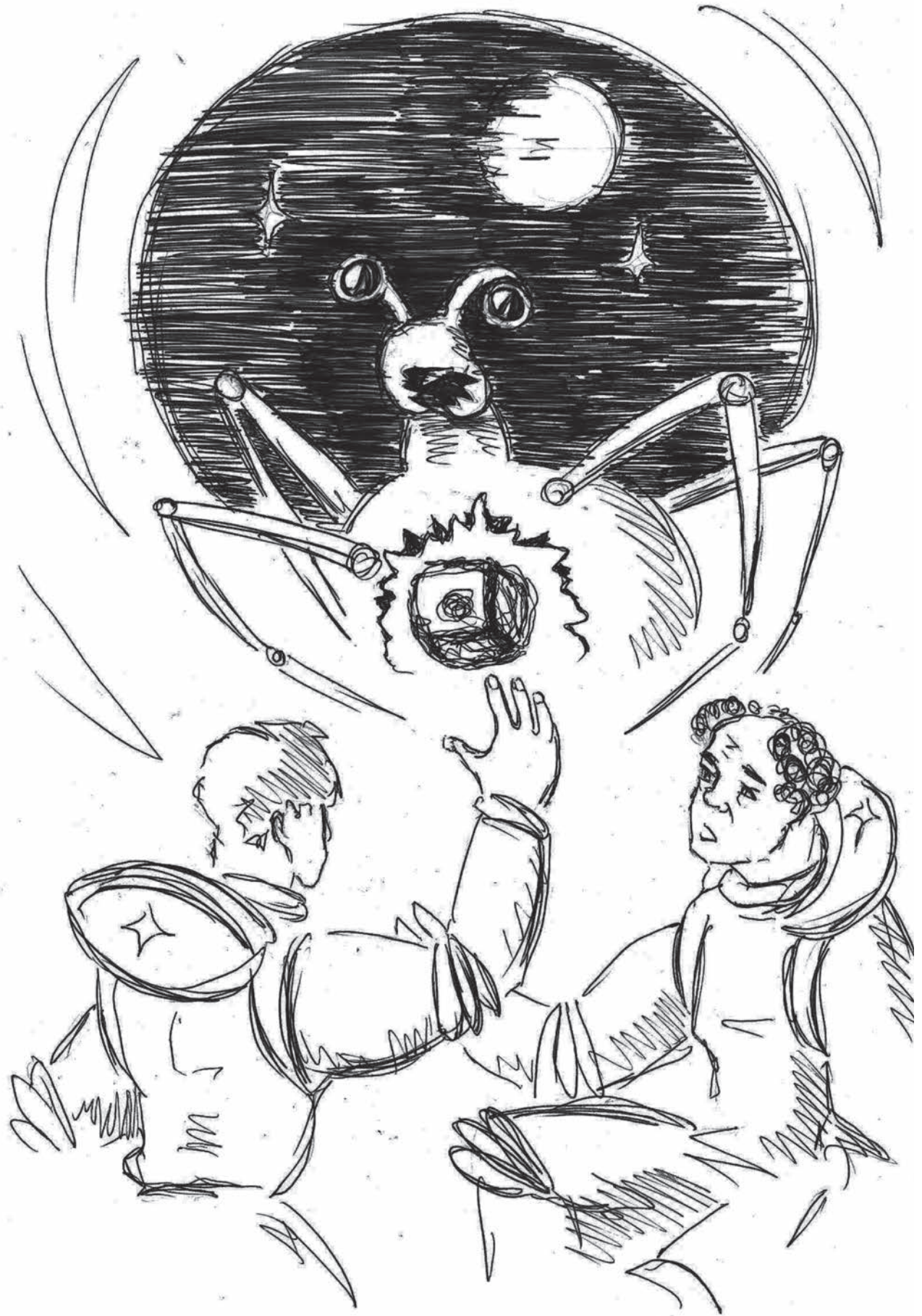
— Что у вас стряслось? — закончив перевязку, тот стоял, опираясь рукой на край пульта, на полу лежал все еще незакрытый медицинский пенал.

— Да-а-тчик простра-а-нства... — чужак что-то прочиркал по-своему, в воздухе образовалось полуметровое круглое окошко, затянутое голубоватой дымкой. Еще одна «трель» — и оттуда плавно выплыл предмет, чем-то напоминающий кубик — рубик.

В ореоле желтоватого сияния и под внимательным взглядом паука кубик подлетел к штурману и остановился на уровне лица. Зайцев осторожно взялся двумя пальцами за дымчатые грани. Сияние исчезло. Зато сам кубик тут же осветился изнутри мягким темно-красным светом. Словно зажегся сигнал тревоги. Зайцев подумал, что по идее так и должно быть — раз узел неисправен, то должен себя как-то обозначить, показать хозяину, мол, требуется ремонт. Ему стало немножко завидно — у землян таких технологий нет. Подобные есть, но не такие, а вспомнив как чужак «проводил» кубик взглядом, решил, что тут, возможно, могут быть и ментальные связи задействованы.

Он повертел кубик туда-сюда. В какой-то момент красный свет исчез, и прямо посере-

дине поверхности, обращенной к нему, образовалась черная сквозная дыра. Оттуда повеяло холодом — далеким, непонятным и очень-очень чужим. Зайцев опешил и чуть не выронил датчик. Машинально повернул другим боком, дыра исчезла, а свет появился снова, протягивая красные лучики ему навстречу.

— Забавно... — он повторил манипуляцию свет-дыра, понимая, что, с одной стороны, эти два явления как-то взаимосвязаны, а с другой — интуитивно выискивая решение проблемы.

Петрович и паук внимательно наблюдали за его действиями. Оба молчали. Ни командир, ни штурман понятия не имели об устройстве и принципе действия датчика, а чужак по каким-то причинам не посчитал нужным ввести их в курс дела. А может быть, проводил эксперимент...

Петрович был крайне удивлен, что инопланетяне решили доверить вышедший из строя прибор чужой расе. «С чего бы это? Кем они нас считают? — вертелось у него в голове. — Решили что мы более продвинутые, чем они, или боятся сами провести ремонт...» И тут у него мелькнула мысль, вполне правдоподобная, с его точки зрения: по какой-то причине на данный момент у них не было техника-ремонтника, хотя, если по логике, то обязательно должен быть, как и сам запасной датчик. Ведь на всех земных кораблях стоят резервные блоки управления на случай внезапного выхода из строя основных.

— А резервный датчик?..

— Поменяли, не сра-а-ботал, — паук совсем как человек сокрушенно развел в стороны передние конечности, умудряясь каким-то непонятным способом удерживать равновесие.

— Странно... — отрешенно проговорил штурман, думая о чем-то, о своем, и медленно стал поднимать свободную руку, выставив указательный палец. — А что, если...

— Стой, не делай этого, — закричал Петрович, пытаясь привстать с кресла.

Но было поздно, палец приблизился к отверстию. И неожиданно уперся во что-то упругое, невидимое. Это нечто, похожее на мембрану, начало мягко сопротивляться проникновению извне. «Защита от дураков?» — мелькнула запоздалая мысль, когда маленькая яркая вспышка больно ударила по глазам. Зайцев зажмурился и сдавленно вскрикнул, нечаянно разжав пальцы. Кубик звонко пискнул и упал по довольно замысловатой траектории: сначала на панель управления, потом, подпрыгнув словно мячик — прямо в раскрытый пенал. Раздался хруст, будто вставили вывихнутый сустав. Следом — еле слышимый хлопок и запах озона.

Зайцев почувствовал себя совсем скверно — надо же так все испортить! Датчик, скорее

всего, окончательно вышел из строя. Что инопланетянин подумает о нем и о землянах вообще?

Конечно, это был глупый поступок, очень глупый... такое мог позволить себе трехлетний малыш, но никак не взрослый мужчина. Зайцев понимал рассудком, что так нельзя, но подстегиваемый любопытством и ребячьим порывом сделал то, чего не должен был делать. Боясь открыть глаза, он все больше и больше падал духом. И уже не слышал, как подскочил паук и бережно достал из пенала кубик. Ни красного света, ни черной дыры — сплошной серый монолит, окутанный зеленоватым сиянием.

— Бла-а-годарю, — чужак попятился, держа датчик передней лапкой. — Прекра-а-сная работа! Вы просто ма-а-стер!!!

Слова были произнесены с восхищением и совершенно искренне. Люди это ощутили. Зайцев открыл глаза, подавленно вздохнул и посмотрел на командира, ожидая поддержки, так необходимой ему сейчас. Петрович отрицательно покачал головой, развел руками — мол, извини, помочь ничем не могу.

— Что мы можем сдела-а-ть для ва-а-с? — паук «проводил» кубик взглядом до окошка...

Петрович неопределенно хмыкнул. А штурман промолчал, все еще не веря, что датчик вернулся в рабочее состояние таким вот интересным способом. Словно судьба решила пошутиться над ним.

— Могу предложить кора-а-бль, возем на прода-а-жу. Выбира-а-йте...

Чужак махнул конечностью, и во всю стену рубки открылось цветное панорамное окно. То, что увидели люди, напоминало ангар или хранилище космолетов. Каких только конструкций не было: шарообразные, призматические, цилиндрические. Однотонные и раскрашенные во все цвета, словно матрешки. Попадались и такой вычурной формы, что трудно было даже представить.

У людей дух захватило от такой картины, никогда они такого не видели и вряд ли когда-нибудь увидят. Казалось, миновала целая вечность, прежде чем Петрович смог оторвать взгляд от панорамы.

— Не-е-т, — промямлил он задушенным голосом, — нельзя. Что я начальству скажу? Меня же потом растерзают... всякие ученые мужи, комиссии. Пусть уж старый останется.

— Хорошо, — одним взмахом конечности чужак «стер» окно. — На-а-ши рем-боты за-а-кочили ремонт ва-а-шего кора-а-бля, улучшили конструкцию гла-а-вного двига-а-теля, и доза-а-правили топливом. В топливном отсеке были микротрещины. Много. Теперь их нет... Сча-а-стливого пла-а-вания!

Чужак с места, где стоял, прыгнул в открывшийся прямо посреди рубки проем и исчез в голубоватой дымке.

Когда проем закрылся и бесследно пропал, Петрович недоумевающее огляделся вокруг, он никак не мог поверить, что только что участвовал в странной встрече с инопланетянином. И лишь перевязанная лодыжка и истуканом, стоящий Зайцев, сосредоточенно рассматривающий свой палец, говорили об обратном.

— Тогда на Каллисто заходить не будем...— задумчиво произнес штурман, пряча за чем-то руку за спину.

— Пожалуй, — Петрович обменялся взглядом со штурманом и рассмеялся. — Ну, кто бы мог подумать, что такое, вообще, возможно.

— Взаимовыручка? — откликнулся Зайцев, истолковав слова командира по-своему. — А почему бы и нет? Два перевозчика всегда договорятся между собой, если одному из них требуется помощь.

Кресло привычно скрипнуло, принимая знакомый вес.

— Петрович, — было видно, что штурману очень хочется задать вопрос, с ответом на который он еще не определился до конца, — жалеть-то не будешь по поводу нового корабля?

— Без работы хочешь остаться? — ответил Петрович, иронично улыбаясь и чуть помедлив, уже без иронии, добавил. — Не сейчас... может быть, потом...когда-нибудь...когда нас с тобой отправят на пенсию. Спишут подчистую.

Прошло совсем немного времени, прежде чем Зайцев снова подал голос:

— Я тут подумал... Ты прав. Все равно ведь не дадут летать на новом корабле. Отберут. Якобы для изучения. А нас с тобой задвинут куда-нибудь подальше, например, отправят на пенсию раньше срока.

— Дошло, наконец-то, — сказал Петрович, усаживаясь за пульт управления.

Исследовательский комплекс «Циолковский», расцветенный, словно новогодняя елка сигнальными огнями, терпеливо и с надеждой ждал обещанного груза.

**Маргарита
КАЗАКЕВИЧ**

Родилась в 1988 году в п. Козьмодемьяновка (Амурская область, Тамбовский район). Сейчас проживает в г. Минск (Белоруссия). Веб-дизайнер, копирайтер. Начинающий автор.

ВНУТРИ

В то утро, во вторник, со мной случилась неприятность. Я как обычно собрался на прогулку, но когда попытался открыть дверь, она не поддавалась. Я снял перчатки, расстегнул куртку и попытался все-таки прокрутить ключ, застрявший в замочной скважине, но тщетно.

И тогда я понял, что из квартиры мне не выйти.

Первой реакцией стал озноб и головокружение, сердце учащенно забилось, как будто внутри грудной клетки ему также некомфортно, как и мне — в запертой квартире. Ставшими в одно мгновение мокрыми ладонями я оперся о металлическую дверь и посмотрел в глазок: в подъезде было тихо, тусклым светом горела лампочка, несмотря на то, что в маленькие окошки струилось яркое утреннее солнце и прекрасно освещало лестничные пролеты. Мне захотелось, чтобы кто-нибудь прошел и погасил лампочку.

Но никого не было.

Я отодвинулся от двери и повернулся к ней спиной. Передо мной было пространство, разделенное и ограниченное от внешнего мира стенами, в котором я был полноправным хозяином. Так я себя успокаивал; но аварийный режим был запущен, и нужно было срочно что-то предпринять.

Я вспомнил виденный мной однажды выпуск передачи о здоровье, которую я включал для фона во время утренних сборов на прогулку. Вней один известный психолог рассказывал, как справляться с паническими атаками. Среди прочего он упомянул метод переключения, когда человек концентрируется на предмете или действии, что полностью занимает его разум, не позволяя распространиться страху. Например, говорил он, можно начать считать от ста до одного или детально рассмотреть какой-либо предмет. С этими мыслями я зашел в гостиную.

Мое внимание привлекла картина, а точнее — произошедшая с нею удивительная метаморфоза. Я подошел поближе и увидел, что привычный глазу пейзаж теперь выглядит не как сплошное полотно, а как мозаика, в центре которой недостает одной важной детали. Видимо, я долго рассматривал картину, потому что в какой-то момент почувствовал, что нахожусь внутри нее. Я шел по разбитой копытами и колесами сельской дороге, которая разрезала желтое ржаное поле. Слева небо затягивало черной тучей, но моя тропа уходила правее, туда, где небо было спокойное, с пушистыми белыми облаками.

Я с большим усилием вернулся обратно в гостиную, причиной чему стал жар, разлитый

по моей спине. Сначала я отметил, что в такой день, когда мне никак не выйти из квартиры, было бы опасно заболеть, но к счастью дело оказалось в другом. Оказывается, я забыл снять куртку и обувь и стоял посреди гостиной так, словно еще хотел выйти наружу. Я вернулся в прихожую, легонько толкнул дверную ручку входной двери, хоть и подозревал, что это бесполезно, и только тогда снял куртку и обувь.

Вернувшись в гостиную, я внимательно огляделся вокруг, стараясь, однако, не задерживаться на картине. Теперь, когда я успокоился, ее притягательность несколько настораживала. Я рассматривал изысканную мебель, пушистый бежевый ковер на полу, подвявшие цветы в металлической подставке и с удивлением спрашивал себя, как долго здесь не было гостей. Да и когда я сам в последний раз сидел в любимом мамином кресле, рассматривал фотографии на стенах, менял лампочку в торшере, под которым она читала, положив голову на диванный подлокотник, в то время как я, маленький и несмышленный, строил миры из конструктора «Лего», лежа животом на ковре?

Темные шторы были задернуты, но не достаточно плотно, так что золотая нить света тянулась от окна через всю комнату к входной арке, стыдливо открывая глазу застарелую пыль на всем своем протяжении.

Послышался стук в дверь. Я как можно тише подкрался к двери и приложился к глазку. Это была сестра. Она выглядела взволнованной и как будто даже не уложила волосы, что было ей не свойственно. Я старался не выдать себя.

— Вит, открой! Мы опаздываем! Я знаю, что ты дома! — Сестра как будто пришла к установленному времени, что было странно, ведь если бы не неприятность с дверью, я был бы сейчас на прогулке.

— Открой! Я знаю, что ты вчера стащил мои ключи.

Бессмыслица какая-то, думал я. Надо сказать, как есть, что заклинило дверь, я не могу выйти... Но она спросит, почему я не позвонил в специальную службу, которая отвечает за открытие замков. А ведь я действительно не позвонил. Мне бы, наверное, помогли, и дело с концом. Просто не хватило времени подумать об этом. А теперь выходит, как будто я сам не хотел звонить. Надо подумать. Я не позвонил в службу по открытию замков, потому что...

— Вит, если ты сейчас не откроешь, я позвоню в ЖЭК и тебе сломают дверь.

Так вот кто ломает двери, теперь буду знать.

— Ее заклинило, я не могу выйти.

— Слава богу, отозвался. Открывай, не придумывай, наверное, просто не в ту сторону крутил ключ.

Совсем меня за дурака держит. Мне стало обидно, как и всегда, когда сестра умничала.

— Я крутил во все стороны. Мне не выйти, вот и все.

Послышался шумный выдох.

«Погаси лампочку в подъезде», — мысленно попросил я сестру, но сказать вслух не решился.

— Ты помнишь, куда мы идем? — слышались незнакомые металлические нотки в родном с детства голосе.

— Нет, — я не лгал.

— Ты опять не пьешь свои лекарства! Поэтому ничего не помнишь, и поэтому сегодня мы идем оформлять мое над тобой опеку, а потом к нотариусу — переписать на меня мамину квартиру.

Ах, вот оно что. В дурдом решила меня отправить, а сама здесь хочешь поселиться. Когда ты стала такой ненормальной?

— Лена! — я опять приложился к глазку, чтобы посмотреть на сестру. — Почему ты даже со рока дней не смогла потерпеть? Ведь квартира никуда не убежит. Ведь траур...

— Слушай, мы же обо всем договорились! Тебе нужна помощь, я тебе буду ее оказывать, а взамен ты перепишешь на меня эту квартиру.

К горлу подступил ком, сознание то затуманивалось, то прояснялось, слезы мешали рассмотреть незнакомому мне человека за дверью.

— Ты хоть плакала по маме не у всех на виду, наедине с собой?

Молчание. Я отвернулся от двери и посмотрел на арку, ведущую в гостиную.

Полоска света, сочащаяся сквозь просвет штор, теперь стала ярче и доходила дальше, словно указывала мне путь. Я прошел по ней до середины гостиной и снова оказался напротив картины. Теперь я вспомнил, что это репродукция Шишкина «Дорога во ржи». Желтое поле, песчаная дорога, колеи от колес, заполненные дождевой водой, и вот мне снова кажется, что картина это не сплошное полотно, а мозаика. Темная клякса недостающей детали располагается в центре картины, и теперь я знаю, что это за деталь.

Я закрыл глаза и через миг уже шел по изрезанной колесами дороге, пересекающей ржаное поле. А черная туча, оказывается, не надвигалась, а удалялась, в то время как я шел туда, где ей меня никогда не достать.

Павел ЛЕЦ

Родился в 1975 году в г. Тверь. Окончил государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Российский заочный институт текстильной и легкой промышленности, квалификация экономиста-менеджера. Работает по специальности в коммерческой компании. Финалист конкурса «Метафорическая деформация» 2016г., рассказ «Лида» вошел в сборник «Дыхание». Журнал «Фанданго» (№ 28, 2016), рассказы «Сон», «Сорняки». Автор книги «Выродок» (2016).

ПОСЛЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

«Жалкое зрелище, — подумал Ка, — стоило ли вообще здесь останавливаться? Ничего интересного мы не узнаем. Общество будет недовольно».

Действительно, расположенная в космической глуши затрапезная желтая звезда непонятным образом ухитрилась собрать вокруг себя множество планет. Она нещадно поливала лучами ближайšie и на третьей из них, ничтожном залитом соленой водой шаре, окутанном отвратительной атмосферой и имеющем уродливый монстр спутник, обнаружилась История.

«Убогость! — окончательно определился Ка. — Надо улетать».

— Останемся и пожмем плоды знаний, — как всегда неожиданно раздался голос Великого.

Ка поморщился. Конечно, Великий велик и всезнающ, но, признаться, порядком надоел настойчивостью и занудством. Ка был раздражен, однако не показал вида:

— Зачем, о Великий, нам сия бесперспективная планета? Запасы наши значительны. Истории девятнадцати успешных цивилизаций есть в наших закромах. Общество не успеет переварить их до следующей намеченной цели. Исторический же потенциал аборигенов почти равен нулю, — Ка помолчал и добавил: — Они выглядят омерзительно. Подобные примитивные существа не способны творить истинную Историю. Ценители будут недовольны!

Терпение и упрямство прекрасно уживались в Великом. Он слушал не перебивая, высказался категорично:

— Станем изучать. Закон гласит: не упускай ничего, даже малого.

Ка понял: «Спорить бессмысленно».

Великий ловко манипулировал законами, которые ведал он один. К тому же, хотя Ка и считался Председателем Общества и капитаном корабля, де-факто хозяином являлся Великий.

– Приступаем к подготовке?

– Да, – милостиво разрешил Великий.

«Вконце концов, что я уперся? – самокритично решил Ка. – Тут Истории две капли. Надолго не застрянем. Корабль быстро все выиссет».

Преодолевая отвращение, Ка приступил к должностным обязанностям. Он рассматривал взятые образцы. Противные существа обладали двумя конечностями для передвижения, двумя для манипуляций, мерзкой обросшей (!) головой. Особенно Ка поразила гадостным способом поглощения, усваивания пищи и вывода отходов. Даже поддерживающие чистоту на корабле безропотные ехха долго не могли решиться и приблизиться к оставленным пленниками кучам. Требовалось еще разобраться с размножением, но Ка пренебрег инструкцией и поберег свой разум. Он занялся цивилизацией, если ее можно так назвать. Небольшое число особей разбросаны по планете. Они проживают в убогих жилищах, используют простые инструменты и развивают зачатки производства. Внимание Ка привлекла группа, собравшаяся возвести первое высотное здание. Они называли сооружение башней какого-то Вавилона, видимо местного лидера. Ка представил, как наличествующую примитивность станут уяснять ценители и ему стало неловко:

«Общество будет недовольно!» – подумал он вновь и запустил процесс изучения. Корабль привычно заурчал.

* * *

Общество дожевывало последнюю Историю. Она оказалась прекрасна. Легкие воздушные существа обитали на серебристой планете и создали величайшую Историю и культуру. Ценители наслаждались, переживая мельчайшую деталь. Ка же не находил себе места. Корабль не имел следующей цели. Данную часть галактики они обглодали «до костей», а переместиться в другую промедлили.

«Великий виноват в возникновении проблемы», – честно признался себе Ка. Он пригорюнился. С Великим творилось что-то неладное. Великий подолгу не выходил на связь, стал нести ахинею и допускать ошибки. Ка привык к вечному присутствию Великого, однако события заставляли задуматься, так ли он всемогущ и бессмертен, как принято считать.

«Проведя столько времени «бок о бок» с Великим, – размышлял Ка, – мы знаем о нем поразительно мало».

Много столетий назад Великий явился на планету народа Ка. Могучий корабль поражал воображение, хозяин звездолета снизошел до личного общения. Только потом Ка понял, Ве-

ликий мог изучить их Историю и бросить, но он поступил иначе. Поглотив Историю цивилизации Ка, он принял ее представителей на борт, сделал их ценителями и создал Общество. С тех пор народ Ка путешествовал и жил чужими Историями.

«Зачем мы ему нужны? – посетила Ка крамольная мысль, оставшаяся без ответа. – Единственное объяснение – Великий не может обходиться без потребителей».

Каждая цивилизация, каждая планета, каждый народ имеют одну единственную истинную объединяющую вид Историю. Великий собирал Истории и жил ими, оставляя после себя пустыню и уничтожая сотни миров.

«Мы просто нахлебники, – констатировал Ка. – Ближится расплата».

Лишь только История серебристой планеты завершится, ценители останутся без пищи ума – украденной Истории. Тогда с народом Ка произойдет то же, что и с прочими. Лишенные общей Истории, не помнящие прежнего родства, не узнающие друг друга, они превратятся в толпу безумствующих индивидуалистов, деградируют и вернутся в животное состояние. Ка не единожды наблюдал такое. Однопланетные общества и могучие звездные империи одинаково быстро и бесповоротно рушились после обработки кораблем. Ка всегда занимало, что видовые связи важнее межпланетных расстояний. Стоило лишиться Истории головную планету, как ее потомки на удаленных на сотни световых лет колониях мгновенно сходили с ума.

«Живой разум важнее всякого космического пространства и мысль стремительнее любой материальной субстанции», – давно утвердился во мнении Ка.

Общество ценителей поглощало Истории изученных кораблем цивилизаций и нисколько не заботилось, что тем самым уничтожает их. Никто из инопланетян, даже супервоинственные и обладающие сверхоружием, не могли противостоять кораблю. Ценители господствовали долго, сегодня угроза гибели нависла над ними.

Ка принялся вновь и вновь изучать предлагаемые кораблем маршруты: «Все бесперспективные. Ни одной маломальской исторической цивилизации».

Внезапно, корабль изменил курс.

– Куда? – всполошился Ка.

– На планете 1848 обнаружена История, – раздался голос Великого.

«Очнулся! – возликовал Ка. – Нашел выход!»

– Спасибо за помощь, о Великий!

Великий не ответил, Ка же запросил сведения о спасительной планете. Чем дальше он

с ними знакомился, тем больше погружался в недоумение:

– Великий!!! Мы уже изучали данную планету. Там ни чего более не могло возникнуть, там ничего нет!

Великий безмолвствовал.

Ка не выдержал:

– Ты ошибся, Великий.

Прямое обвинение его проняло:

– Не забывай об уважении, подлый! – прогремел голос. – Там есть История.

Ка взглянул на свежую информацию корабля и понял: «Невероятно! Великий прав, на опустошенной, «проглоченной» планете имеется История!»

* * *

Знакомая затрапезная звезда по-прежнему поливала лучами третью планету, выдававшую поразительно высокий, точнее небывало, невозможно высокий уровень Истории.

«Не может быть! – растерялся Ка. – Наверное, ее заселил иной народ».

Однако с подобной версией пришлось сразу расстаться. Планета кишела знакомыми противными существами. Внешне аборигены не изменились. Правда, за столь короткий временной период они понастроили городов, дорог и даже вышли в ближайший космос.

«Феномен! Требуется тщательное изучение, – решил Ка. – Нужно проявлять осторожность».

– Быстро изучаем, запасаемся и улетаем, – будто специально наперекор приказал Великий.

– Позвольте заметить, Великий, – аккуратно начал Ка, – согласно законам Истории, здесь должно царствовать запустение. Вопреки всему мы находим цветущую цивилизацию.

– Так чем же ты недоволен?

– Смущает нарушение законов.

– Ты их знаешь? – перебил Великий.

Ка растерялся. Действительно, как можно познать непознаваемое?

– Между тем опыт показывает

– Твой опыт ничтожен по сравнению с моим, – вновь не церемонился Великий.

– Вам приходилось встречать подобные случаи? – вставил фразу Ка.

Великий затих. После паузы не особо уверенно выдал:

– Не припомню. Но мог и забыть.

Ка поразился. Великий никогда не признавался в своих слабостях. Непредвиденный оборот размягчил разум Ка: «Зачем я к нему пристал?

Разве имеется альтернативный источник для Общества? Феномен, не феномен, нет разницы. Надо изучать и кормить ценителей. Потом и разберемся, что особенного в местной Истории. Может, тем она и будет увлекательной».

– Спасибо, господин, – сказал Ка, – разрешите приступить?

– Начинай, – выдал Великий.

Ка заспешил. Время поджимало. «Не думаю, что они как-то изменились физиологически. Поэтому образцы брать не станем. Сразу к делу».

– Корабль, приготовиться и запустить процесс закачки Истории, – приказал Ка.

* * *

Корабль захлебывался. Гигантский корпус дрожал. Противная вибрация изматывала.

– Прекрати, сейчас же прекрати! Останови процесс изучения!

Ответ был неутешителен:

– Невозможно!

«Зато понятно, в чем феномен аборигенов!» – горько усмехнулся Ка.

Проклятая планета обладала не одной Историей, а десятками, сотнями, тысячами, миллионами и миллиардами. Каждый народ и народец, каждый житель планеты Земля имел собственную версию Истории и личное представление о прошлом! При том они противоречили друг другу! Общепринятой, связывающей особой в монолитную расу Истории у данной цивилизации не имелось!

«Невероятно, – не находил объяснения Ка, – но после уничтожения кораблем единой Истории во время первого визита, аборигены ухитрились не деградировать, а сотворили индивидуальные или признаваемые лишь частью населения».

Непостижимым образом Истории сосуществовали друг с другом и позволяли тварям развиваться. Особи не передавали потомкам Историю в истинном неизменном неискаженном виде, они передавали собственную версию! И эти версии жили! Менялись! Совершенствовались! Планета штамповала версии Истории! Каждую минуту, каждую секунду рождалась новая! Их было больше, чем встретил Ка за всю жизнь, больше чем знал Великий и больше чем мог переварить корабль. Корабль захлебнулся под их напором, прощально проскрипел и нырнул в беззвучное облако поглощающего взрыва, положившего конец Великому и Обществу ценителей – пожирателей Истории.

Ирина ШЛЕМЕНКОВА

«Родилась в 1973 году в г.п. Корма Гомельской области (Белоруссия). Закончила Белорусский государственный педагогический университет им. М.Танка по специальности учитель начальных классов, музыки и пения. Работаю учителем начальных классов. Играю на трубе, занимаюсь велоспортом. Работа с детьми, желание сделать процесс обучения интересным и увлекательным стало началом моего поэтического творчества.

*Вот скромной биографии штрихи
Любителя рифмованного слова.
Надеюсь, вам понравятся стихи!
С почтением, Ирина Шлеменкова».*

ВСЕ ПОВТОРИТСЯ

ВСЕ ПОВТОРИТСЯ

Аллея замерзла. От шума устала.
И молча в опавшие листья уткнулась.
Бесшумно за ночь снеговым одеялом
Накрылась. И в сказочный сон окунулась.
И снится ей нежное майское утро,
Пустые скамейки в молочном тумане,
Прозрачные гроздя росы-перламутра,
Мощеной дорожки алмазные грани.
Звучали во сне соловьиные трели,
И дождь отбивал удалую чечетку,
Цветами роскошными клумбы горели —
Гуляла весна грациозной походкой...
Во сне приходили июльские грозы,
Смывали усталость с листвы изумрудной,
Светились от счастья прекрасные розы
И плыл аромат опьяняюще чудный.
Октябрь не жалел для нее позолоты,
Повсюду хрустальную плел паутину.
Но слышались чаще тоскливые ноты.
Цветные во сне рисовались картины...

Зима. И холодное время настало.
Но греет надежда. И чудо случится!
Разбудит весна городские кварталы —
Проснется аллея. И все повторится...

МУЗЫКА ПРИРОДЫ

Хозяйка-природа устроена точно и мудро.
Доверчиво людям свои открывает секреты.
Мелодией света рождается каждое утро.
И нежно-лиловые песни нам дарят рассветы.
Весна торопливо свои представляет этюды —
Серебряным звоном солируют в марте капли.
И в свете луны серенады ночные повсюду
Разносят на крыльях певцы-соловьи из апреля.
Гремят барабанами сильные летние грозы,
Грохочут литавры небесные страшно и гулко.
Поют в голубой тишине несравненные розы
Старинную песенку из музыкальной шкатулки.
Румянцем багряным пылают в полнеба закаты.
И мягкой прохладой ночной наполняется воздух.

И с сыном все сугробы перемерить,
 В снежки играть, ловить снежинки с дочкой,
 «Лавину снежную» с детьми устроить в парке
 Стряхнув с деревьев шапки снеговые,
 Пусть будет снеговик в наряде ярком
 И снежный форт, и «схватки боевые»,
 И чай горячий вечером с малиной,
 И куча впечатлений и рассказов.
 И вы услышите от дочки или сына:
 «Люблю тебя!» Вы все поймете сразу...
 Как часто мы спешим, взвалив на плечи
 Заботы, хлопоты, проблемы и напасти,
 Не замечая, что обычный зимний вечер
 Способен подарить нам столько счастья!

* * *

Вплетает солнце звонкие лучи
 В оранжевые нити листопада.
 И рыжий август потерял ключи
 От осенью простуженного сада.

Цветы собрались к яблоне на чай,
 Заполнив сад чудесным ароматом,
 А дерево смутилось невзначай:
 «Сегодня угощение небогато...»

Совсем недавно собран урожай
 И ветки с облегчением вздохнули.
 Но с грустью и мольбой «Не ускользай!»
 Ладони-листья к солнцу протянули.

Рябины бусы яркие зажгли.
 И чаще плачут тучи от досады.
 Растерянно тоскливо журавли
 Поют на бис осенние баллады.

Гуляет ветер кутаясь в туман
 И на покой листва заторопилась.
 Уже теплу отсчет последний дан.
 В саду безмолвно осень притаилась ...

СТРАШНАЯ СКАЗКА

1

Обветшалый убогий дом стоит на семи ветрах.
 Может страшная сказка,
 а может быть злое пророчество...
 Делят кров в этом доме безмолвный холодный Страх
 И тоскливое гордое вечное Одиночество.

Нет тенистого сада,
 цветов и мощеной дорожки нет.
 Дом уже потемнел и от боли скрипит половицами.

Окна этого дома так долго не видели яркий свет,
 Что на призрачный мир
 он пустыми глядит глазницами.

Много жизненных книг в этом доме.

И при свечах
 Одиночество часто проводит бессонные ночи
 за чтением.

И почти не выходит из комнаты с
 тарый холодный Страх.
 Он прикован к постели испугом,
 тревогой, смятением.

И никто не заметит,
 что замерли сонные стрелки в часах.

И уже все равно —
 душный зной или зимняя лютая вьюга.

В старом выцветшем доме вдвоем —
 Одиночество, Страх —

Коротают свой век.
 И не могут они друг без друга.

В обветшалом убогом доме царят тишина и мрак:
 Одиночество вяжет густую тоску

на изогнутых спицах,
 Страх безумный забрался
 на старый холодный чердак,

Но увы — от себя не уйти,
 не сбежать и не скрыться.

Позабыл старый дом о домашнем уюте,
 о радости встреч,

Вечность жил в тишине
 и не слышал веселых мелодий и песен.

И потухший очаг
 больше некому в доме разжечь —

Поползла из укромных углов
 вездесущая едкая плесень...

Стало больно дышать
 и вставать по утрам все трудней.

Может страшная сказка,
 а может быть злое пророчество...

Но в один из бесцветных безрадостных
 тягостных дней

Дом накрыла беда —
 не поднялось уже Одиночество.

Серым сумрачным утром
 истошно-пронзительный крик

Разорвал, словно пуля шальная,
 глухую окрестность.

Страх — беспомощный, дряхлый
 и жалкий старик —

У черты, за которой смертельная тьма,
 неизвестность...

2

Неизвестность слепая часто в жизни пугает нас!
И от липкого страха так трудно бывает избавиться!
Но поверь, что стоит осмелиться и, хотя бы раз,
Сделать шаг!

И понять, что способен подняться и справиться!

Не стоять и не ждать,
и не ныть у последней черты.
Побеждая свой страх, з
а спиною почувствовать крылья!
Так бывает, что в это одно мгновение только ты
Можешь сказку любую сделать прекрасной былью!

3

Обветшалый убогий дом стоит на семи ветрах.
Возбужденные возгласы,
жаркие споры сменили молчание.
Всех собрал в этом доме испуганный бледный Страх:
Дружбу, Волю и Смелость,
Решительность, Понимание...

Он нарушил безмолвие,
справился с жутким смятением,
И у тех, кого вечно боялся,
с надеждой просил о помощи.
И не предал никто! Все слетелось в одно мгновение.
Помогли! Кто-то делом,
кто просто советом стоящим.

Подсказала житейская Мудрость,
как справиться с плесенью;
Неумная Сила делилась охотно энергией жгучею;

Подзадорила Бодрость
веселыми добрыми песнями;
«Никогда не сдаваться!» —
кричало Упорство могучее...

4

Страх не сдался.
Но в каждой душе он живет до сих пор.
И предчувствуя заую опасность,
мечты и надежды крушение,
Он способен решиться
на важный достойный отпор,
Заставляет подняться, поверить,
толкает людей на свершения.

Как непросто бывает его приручить, обуздать.
И рискнуть сделать то, чего целую жизнь боялся!
Это сможет не каждый.

Но, все-таки, важно знать:
Ты сильнее судьбы до тех пор, пока ты не сдался!

5

Новый светлый уютный дом
стоит на семи ветрах.
Терпеливо, достойно выдержав испытания,
Делят кров в этом доме немой суеверный Страх,
Благородная Сила, спокойное Понимание.

Настоящая верная Дружба охотно подолгу гостит.
А житейская Мудрость спешит непременно
в минуты ненастья.
И Прощение искренне все и всегда простит.
Окна этого дома теперь излучают Счастье!

**Ольга
КАРПОВА**

«Родилась и выросла в Рязани. Там же окончила Рязанский государственный университет имени С. Есенина по специальности «учитель русского языка и литературы». Преподаю русский язык и литературу. Несколько лет работала в газете, но потом вернулась в школу. Потому что – это мое.

Читать начала в пять лет и с тех пор с книгами практически не расстаюсь. Из русской классики, пожалуй, больше прочих люблю Гоголя, Лескова, Бунина, Куприна и Шолохова. Люблю русских поэтов Золотого и Серебряного века. Книги открывают для нас дверь в прекрасный и удивительный мир. Я по мере своих сил пытаюсь вовлечь в этот мир и своих учеников».

«РОДНИКОВАЯ ПРАВДА» НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

В древней заповедной пуще, в самом ее сердце, куда ни пешему, ни конному не пробраться через топкие болота и чащу непролазную, стоит лесная хата. Толстые, неохватные бревна потемнели от времени. Маленькие окошки смотрят настороженно.

А в горнице – деревенский ткацкий стан. И за ним ТА, ЧТО ЗНАЕТ. В лубяном коробе – разноцветье нитей. Вот белая – на ясный день. Вот синяя, словно небо и вода. Вот желтая, как солнышко и зрелый хлеб в поле. Конечно, зеленая! Разве можно без нее? Зелень трав луговых, садов, лесов.

А вот и красная нить. Много в этом цвете значений. Это и радость, и красота. Но это и зарева пожаров, и кровь.

Черная нить... Нет, это не цвет земли. Мало здесь богатых, плодородных черноземов. Скучна родимая земля. Нелегко на ней прокормиться крестьянину.

Черный цвет – это память о пожарищах, о пепелищах, что оставляли враги на месте сел и городов.

Берет мудрая ведунья нитку за ниткой, быстро мелькает челнок в ловких пальцах.

И постепенно создается узор народной истории, в котором причудливо переплелась быль с легендой, правда со сказкой.

Чтобы помнили люди, не забывали ни горя, ни радости, пережитых народом и родимой землей.

Вот такое чувство росло в моей душе, когда я читала книги Ники Ракитиной «Гонитва», «Ясень», «Ратанга». Формировалось, обретало «телесность» в словах и образах.

Казалось бы, фэнтези. Но ее фэнтези не безлико. Оно стоит на родной земле, уходя в нее корнями.

Про «Гонитву» много говорить не буду, потому что есть уже прекрасная рецензия. Добавлю только, что автор помимо всего прочего затрагивает

К. Васильев. Настасья Микулишна

очень серьезную, даже, я бы сказала, трагическую проблему. Может ли человек, борющийся за правду, справедливость, свободу, не стать жестоким фанатиком?

Скажу честно, у меня нет ответа на этот вопрос. В истории слишком много примеров, когда борцы за справедливость сами это чувство утрачивают. Осторожность перерастает в подозрительность. И можно ли их за это осуждать, когда сплошь и рядом друг, соратник может оказаться предателем?

В романах «Ясень» и «Ратанга» основой сюжета тоже является борьба со злом, которое готово пожрать родную землю. И в обоих произведениях главная роль в этой борьбе принадлежит женщинам.

Не знаю, сознательный ли это выбор автора или интуитивный (подозреваю, что у героини «Ясень» есть исторический прототип). Но в народной сказительной традиции образ женщины-героини встречается очень часто. Почему? Приведу объяснение прекрасного писателя Владимира Чивилихина, которое он дает в романе-эссе «Память»:

«...Завидую тем, кто еще не читал рассказ-старину об Авдотье-рязаночке — впереди у них радость встречи с романтической, умной и красивой притчей, пленительным образом русской женщины-патриотки. Действие условно перенесено на Туретчину. Некий царь Бахмет разорил Русь, убил всех князей и бояр, увел большой полон. И вот, проделав долгий, полный опасности путь, молодая женка Авдотья-рязаночка является к царю Бахмету выручать брата, мужа и свекра. Он предлагает ей выбрать одного из родных и за неправильный выбор пригрозил отсечением головы. Авдотья выбирает брата, потому что муж и свекор у нее еще могут быть, а брата никогда: «Не видать мне буде единыя головушки, — милого братца родимого, да не видать век да и по веку». Бахмет, у которого во время набега русские убили брата, заплакал, одобрил выбор и за речи разумные и слова хорошие вернул Авдотье-рязаночке весь полон, который она привела в родные места и расселила по-старому...

Известный дореволюционный литературовед В. А. Келтуяла, по учебникам которого гимназисты, студенты и курсистки вникали в нашу литературную старину, писал: «Почему мурома-рязанское творчество обнаруживало особый интерес к женщине, остается неизвестным». Н. К. Гудзий, насколько я помню его книги, лекции и семинары, такого вопроса вообще не ставил, хотя ответ на него, мне кажется, очевиден.

Великий Саади: «После вторжения монголов мир пришел в беспорядок, как волосы эфиопа. Люди стали подобны волкам».

Русская литература, всегда выражавшая нравственные народные идеалы, откликнулась на невиданное бесчеловечие и разорение родной зем-

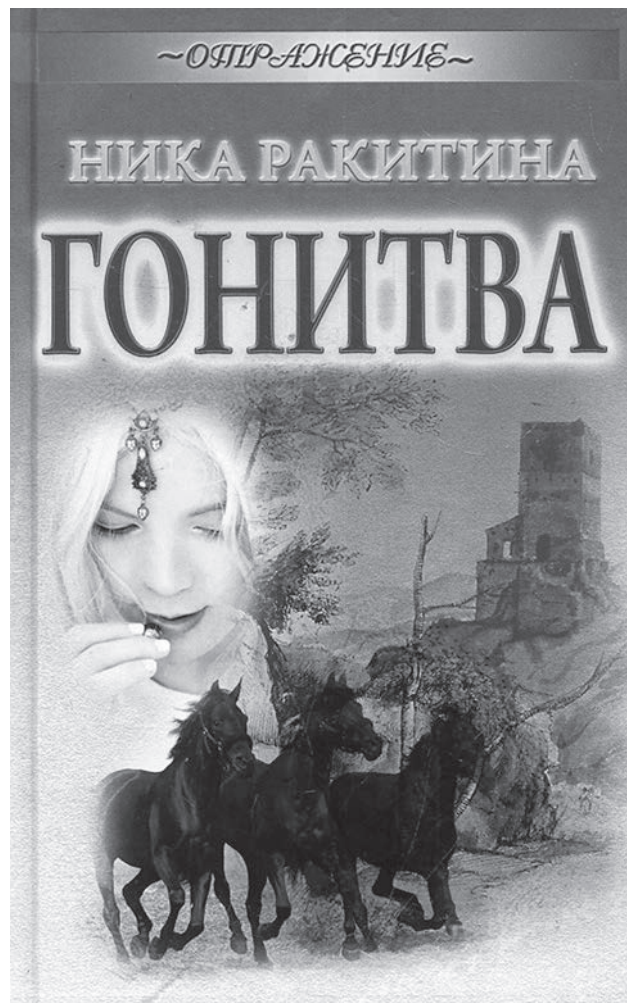

Ника Ракитина

ли произведениями высокого гуманистического смысла. Муромо-рязанцы, испытавшие первый, самый страшный удар Орды, создали галерею прекрасных женских образов, олицетворявших великие человеческие идеалы – любовь, верность, братство, сострадание, поведали о взаимопомощи и бесстрашии, об уме, гордости и самообладании русских людей; это было бесценным духовным оружием наших предков, попавших под иго завоевателей...»

В.Чивилихин упоминает и другие легенды. В частности, о Евпраксии Рязанской, которая предпочла смерть жизни без любимого и возможному позору. При этом Чивилихин утверждает, что память народная достовернее любых письменных источников.

Вот и Ника Ракитина, будучи несомненно умным, чутким и тонким художником, вольно или невольно продолжает эту народную традицию. Нелучайно одна из героинь «Ясеня» с горечью повторяет слова Легенды: «Мужчины утратили муже-

ство». Это произошло не сразу, а после долгих лет безуспешной борьбы. И именно женщинам суждено это мужество возродить собственным примером.

Не могу не сказать о языке и манере повествования этих произведений. Я, честно говоря, читала и наслаждалась. Лется рассказ ровно, легко, неторопливо, но и без занудных длиннот.

Уже в самом начале появляется интрига, некая загадка, тайна, которая вызывает интерес, «затягивает», читателя.

Автор не стремится к ярко выраженной, нарочитой стилизации. Архаизмы и историзмы не бросаются в глаза. Они вплетены в ткань повествования незаметно, ненавязчиво. Но во многом благодаря им, и создается та неуловимая атмосфера, то дыхание прошлого, та в хорошем смысле слова народность, которая и отличает эти романы.

P.S. Не смогла удержаться от соблазна проиллюстрировать свой текст картиной К. Васильева «Настасья Микулишна».

**Ольга
БОТВИНОВА**

Родилась в 1997 году в г. Калуга. Учится в КГУ им. К. Э. Циолковского, Институт истории и права. Рассказы пишет с 18 лет. Публикаций не было.

ОСТРОВ ТИШИНЫ

История эта облетела дальние острова и страны, королевства и союзы, города и села, побывала в портах и грязных закоулках, дворцах и тайных ложах.

Поведал ее старый моряк с теплых земель Миза-Криссона, что обласканы мягкими водами Рубинового моря.

В давние времена, когда не случилось еще восточным владыкам захватить ближние им островки и даровать их плодородные земли воинам своим, в Миза-Криссон гостил юный Фалкнед из древнего и знатного рода Дар-Ард, что славился владыками своими, пока не пала на их величие тень приговора, который сами же и вынесли братьям своим. И лишились тогда они многих земель и сокрылись от молвы людской, словно хамелеоны, почувяв опасность.

Спустя века не забылись деяния предков юного Фалкнеда из рода Дар-Ард и встретили его, румяного словно спелое яблоко, со всеми почестями, однако же не допустили до ново-

го владыки земель восточных, кем был тогда Шьяр-Равед, прозванный Ненасытным.

— Зачем желаешь ты видеть владыку? — спрашивали старцы, чьи седые бороды так длинны были, что несколько раз вокруг шеи обернуть можно было.

— Наслышан я о его победах на суше, — отвечал Фалкнед, чьи черные волосы, словно небеса в глубокую безлунную ночь, озарялись ярким пламенем костра. — Знаю, что владыка Шьяр-Равед готовит новый поход, на этот раз — морской. И потому желаю услужить ему и стать вечным воином¹ в рядах его прославленного войска.

На то старцы замолкли, как пристыженные отцом девы, и более не задавали вопросов Фалкнеду из рода Дар-Ард.

Огорчился юноша, утратив надежду на помощь и преследуемый тенью приговора предков своих, и решил уж было покинуть земли Миза-Криссона, что были когда-то владениями

¹ Т.е. посмертно.

родичей его. Но один из старцев, ранее незамеченный им, остановил его.

Старец тот был колдуном и занимал место по левую руку от Шьяр-Раведа Ненасытного, когда тот восседал на троне своем, высеченном из грубого морского камня.

— Все знают здесь, в чем повинен твой род, мальчик, но боятся произнести вслух, будто это навлечет на них беду, — голос колдуна был холодным, словно сталь. — Твои предки напали на братьев своих, что также принадлежали роду человеческому, как и все мы, и желание властвовать и владеть ослепило их. Жестко расправились они с мирным племенем, что было древнее и по праву занимало земли свои. Каждый был умерщвлен и выброшен в море. Но водам Рубинового моря неизвестна людская злоба, они приняли умерщвленных и даровали вторую жизнь. Твоя участь незавидна, тебе не узнать, что значит владеть землями Миза-Криссон, но ты можешь услужить владыке Шьяр-Раведу, если искупишь вину своих предков.

Синий, словно только что распустившиеся лепестки василька, взгляд юного Фалкнеда вновь заискрился.

— Я сделаю все, что скажешь, колдун. Только скажи, как избавиться мне от тени приговора, что навлекли на меня мои предки из рода Дар-Ард?

Колдун смерил взглядом юношу, а затем и всех присутствующих. Никто не решился тогда противиться намерению приближенного к самому владыке и уверившись в этом продолжил старец, чьи волосы, тронутые сединой, касались морионовых¹ полов древнего дворца.

— Не счесть сколь много островов несут в себе воды Рубинового моря! Но есть среди них тот, что стал убежищем для изгнанных родом твоим. Покойся он в тиши на запад от нас и имя ему Остров Тишины, но не море нарекло так земли островные, а чужеземцы и искатели, что гостили там и вопреки всеобщему закону² не слышали ни единого доброго слова от жителей, ровно, как и злого. Слепой гнев предков твоих лишил несчастных братьев и сестер наших голоса, и юродство то сделало их нелюдимыми.

Услышь же меня, Фалкнед из рода Дар-Ард, владыка дарует прощение тебе и предкам твоим, коль отправишься в те земли и возьмешь одну из трех сестер, что были дочерьми вождя погубленного, в жены и станет Остров Тишины владением твоим. Как случится это, тогда только возвращайся в светлые земли Миза-Криссон и примет тебя в услужение владыка Шьяр-Равед.

Юный Фалкнед, внимавший каждому слову колдуна, огорчен был участью своей — не желал он держать подле себя немое чудовище, ибо как еще наречь того, кто умерщвлен был, да восстал из вод рубиновых и прожил на свете более срока человеку уготованного. Понял он, что не вернуть ему былой славы и чести рода своего, ибо какое потомство даст союз человека и чудовища? Но не желал он более скрываться, как делали то его отцы и деды, и решил он, что лучшим исходом его будет погибнуть как воин, служа Шьяр-Раведу, прозванного Ненасытным.

Так при всех старцах и воинах, что чувствовали его во дворце, дал он клятву исполнить свой долг. И сказал тогда колдун:

— Чистые побуждения ведут тебя, Фалкнед из рода Дар-Ард. Будь внимателен к острову и жителям его, словно мать, выхаживающая больного дитя, ибо станет он владением твоим, коли склонишь к браку одну из сестер. Но помни: не должен ты вопрошать о помощи у воинов своих, ибо их праотцы не запятнали честь рода своего и потому отправишься на Остров Тишины один, дабы очиститься и собственными руками изобразишь судно, ибо только так примут воды морские путника одинокого.

Поведал колдун и о том, какой день выбрать для постройки судна, а какой для отплытия³ и предостерег юношу:

— Не польстись на богатства других островов, ибо так погубишь и себя и род свой.

Выслушал Фалкнед последние наставления старца-колдуна, и юное сердце его забилося сильнее в предвкушении дальнего странствия.

Лучшую древесину выбрал он для постройки своей ладьи — с красным отливом и гладкую, словно лоснящаяся шерсть молодого жеребенка.

¹ Морион (от лат. *morgonion* — кристалл темного цвета) — минерал, черная разновидность кристаллов кварца.

² Под законами гостеприимства автор имеет в виду обычаи, которые существовали в раннее средневековье, в частности у древних германцев. Так, Публий Корнелий Тацит, описывая обычаи германцев в своем труде «О происхождении германцев и местоположении Германии», писал: «Подчиняясь законам гостеприимства, никто не делает различия между знакомым и незнакомым. Если кто, уходя, попросит приглянувшуюся ему вещь, ее, по обычаю, тотчас же вручают ему».

³ Сюжет «Острова Тишины» в некотором роде перекликается с сюжетом кельтских саг «Плавание Майль-Дуйна» (составлена предположительно в VII в.) и «Плавание Брана, сына Фебала». Из саги «Плавание Майль-Дуйна»: «Друид назвал Майль-Дуйну счастливый день для постройки корабля и число людей, которые должны были быть сесть в него, именно семнадцать человек: ни на одного человека не должно было быть ни больше, ни меньше. Затем он определил ему день для отплытия».

Лучшая парусная ткань куплена – цвета лунного камня, легкая, словно пуховое перышко.

Как настал день счастливый для строительства судна, начал Фалкнед работать, не покладая рук. Три дня и три ночи трудился он, и в радость ему была такая работа. Наконец готова была ладья, и имя ей даровано было – «Искушение».

И настал день отплытия и не мог не нарадоваться Фалкнед из рода Дар-Ард – долгие дни он пробыл в нетерпении, уж больно желал он спустить на воду морскую ладью именованную и отбыть к острову, что дарует ему спасение, хоть и тяжелой ценой.

Коснулась ладья, чье имя «Искушение», поверхности вод рубиновых, вздулись паруса, и быстрее фальки¹ небесной помчалась по глади морской.

Дни и ночи не смыкал глаз васильковых юный Фалкнед из рода Дар-Ард, ибо спокойствие вод Рубинового моря не раз обманывало путников. Но на утро четвертого дня вовсе обессилил юноша, чьи вьющиеся, словно мягкая шерсть неостриженной овцы, волосы развивались на ветру. Только начали тяжелеть его веки, как предстал перед взором его остров весь зеленою хризолитовой покрытый. И увидел Фалкнед на острове том под тенью листвы вековой – постель, какая только для владык готовится по их возвращению из походов военных.

И овладело юношей желание отдохнуть в постели той, и направил он ладью, что стала ему домом на воде, к берегу. Приближаясь, узрел Фалкнед, что не пуст был остров: на травах искрящихся, словно хозяин владений островных, пасся иссиня-черный конь, он был крепок и красив. Завидев непрошеного гостя, конь приветливо вздернул головой, так что грива его зашевелилась, и послышалось тихое шипение. От звучаний этих насторожился Фалкнед, позабыл о сне, но вспомнил предостережения старца-колдуна. Повернул он ладью от острова и услышал дикий вой – то был конь, чьи глаза полыхали ярким огнем, растянулся он, изогнулся, все пытался до Фалкнеда добраться, но вовремя юноша опомнился – ладью от берега увел, только и осталось чудищу² копытами задом наперед изогнутыми бить от отчаянья.

Продолжил свой путь Фалкнед из рода Дар-Ард. День-ночь уж три раза пронеслись, кончилась вся еда в дорогу прибереженная и оставили юношу, голодом мучимым, силы, сложил он руки и такое уныние одолело его, что уж подумывал окончить странствие свое. Но услышал шум волн морских, что о берег разбиваются, и предстал пред ним остров – весь деревьями могучими покрыт, а на ветвях деревьев тех яблоки наливные, алым сиянием мерцающие. Радость охватила юношу, и задумал он подплыть к острову. Да не ступая на землю плодов собрать, ибо прямо к водам морским тянулись ветви под тяжестью яблок алых³. Только направил он ладью свою к острову, как завидел птицу небесную, что на ветви опустилась и клювом серебряным веточку сорвала, да в воды прибрежные бросила. И увидел Фалкнед, как забурлила вода и в одно мгновение испепелилась веточка брошенная. Понял он, что не подплыть ему к берегу, поблагодарил птицу небесную и снова в путь ладью развернул. Польстила благодарностью человеческая птице с серебряным клювом, сорвала она три яблока наливных, бросила прямо в ладью и скрылась в небесах. Вкусил радостный Фалкнед плоды сладкие, словно нектар цветов и наполнили его силы, так что продолжил он странствие свое.

Еще три дня и три ночи провел юноша в море. Случалось, останавливать ему ладью, дабы отдых устроить, опускал он паруса, но воды рубиновые близость предназначения чувствуя вели судно с еще большей силой и так добрался наконец Фалкнед до острова скалистого, тишиной овейного – ни пения птиц не слышно было, ни даже бьющихся о брег волн. Понял Фалкнед, что прибыл к острову старцем-колдуном обозначенному, подвел ладью к берегу, ступил на теплый песок, золотом искрящийся и не завидев никого живого направился к скале формы необыкновенной – верхушка ее, словно морда волчья с пастью разверзнутой, клыки оголяющей.

Только оказался за скалой юный Фалкнед как предстали перед ним холмы вереском цветущим поросшие, а на самом высоком из них увидел он мужчин и женщин в одеяниях древних из тканей плотных. Заметили они Фалкнеда

¹ Фалька – выдуманная автором мифическая небесная птица, с чьей скоростью полета не сравнится ни одно существо в мире. Ее трудно разглядеть, поскольку ее тело практически прозрачно и сливается с небом, выдает только серебряный клюв.

² Данное чудовище по некоторым признакам можно идентифицировать как «келпи» (кельпи, кэльпи) в кельтской мифологии – водяной дух, часто являющийся в виде белой лошади тому, кто вскоре должен утонуть, и кого он сам нередко увлекает на речное дно.

³ По некоторым характеристикам данный остров схож с островом Аваллон. Аваллон (от ирл. *abal*, валлийск. *afal*, «яблоко»), в кельтской мифологии «остров блаженных», потусторонний мир, чаще всего помещавшийся на далеких «западных островах».

из рода Дар-Ард и застыли бездвижные, вперив взгляды холодные, словно звезды ледяные. Но не содрогнулся Фалкнед, помня о желании своем крепком — избавиться от тени приговора рода своего — и поднялся на холм тот высокий, да обратился к мужчинам и женщинам с кожей мертвенно-бледной:

— Имя мне Фалкнед из рода Дар-Ард. Прибыл я на Остров Тишины, дабы искупить вину тяжкую, что на предках моих лежит. Вознамерен я взять под свою защиту одну из трех сестер, что в давние времена дочерями вождествовавшего¹ были. Будьте добры, если не к имени, то к намерению моему и скажите, где найти мне сестер?

Слова не высказали мужчины и женщины, так и стояли застывшие, только ребенок малый, мальчик, сидел спокойный на теплой земле, да водоросли перебирал. Решил Фалкнед к нему за помощью обратиться, повторил свой вопрос, а мальчик, чьи глаза аквамариновые также холодны были, протянул ручонку худенькую с ноготками лиловыми, на скалистую пещеру указывая.

Поблагодарил его Фалкнед и направился к скале черной, словно беззвездная ночь, и чувствовал на себе взгляды колкие, но не оборачивался.

Вошел в пещеру, тусклым огнем освещенную и лепестками водных лилий украшенную, и увидел перед собой трех дев, что за каменным столом восседали — одна красивее другой, все из плоти человеческой. Не поверил Фалкнед счастью своему, обратился к девам:

— Вы ли те сестры, что были дочерями вождя, покуда жестокие предки мои не изгнали вас с земель родных?

Три сестры опустили головы безмолвно. Одна, что посредине сестер своих сидела и чьи черные волосы в свободные косы сплетенные теплой земли касались, встала и открыла шкатулку из камня морского ракушками украшенную, что на исполинском столе стояла. Открыла и в ладони что-то вложила, затем ко рту поднесла, и разлился по пещере тихий голос девичий.

— Имя мне Эйхорна, старше я сестер своих, потому первая приветствую тебя. Птица небесная напела о твоём прибытии, Фалкнед из рода кровавых дикарей, но умолчала она о том, зачем жестокий ветер привел твою ладью к зем-

лям нашим, что стали нам домом вторым. Ответь же, зачем явился ты, будучи непрощенным гостем и осквернил земли островные своим присутствием?

Быстро сменилась радость Фалкнеда горестью от приема такого — не желал он сестрам и жителям островным зла и потому опустился перед ними на колени под бременем греха рода своего и обратился к ним с такими словами:

— Услышьте меня девы, дочери вождествовашего. Я Фалкнед из рода Дар-Ард признаю преступление кровавое, что учинили предки мои! Прибыл я на остров, дабы покончить с враждой родов наших, искупить вину тяжкую, вину, что преследует меня и изводит. И потому во имя всех богов, что существуют в нашем мире, прошу позволить мне взять одну из вас под защиту свою мужескую и скрепить союз на землях островных.

Антрацитовые глаза девы Эйхорны вспыхнули гневом неистовым, но сестра ее, чьи мягкие волосы цвета заката украшал серебряный обруч, поднялась и раскрыла в безмолвии губы вишневые. Охладела Эйхорна, поднесла ладони к бледным губам, и увидел Фалкнед, что передает она сестре своей язык человеческий². Приняла его сестра, да также ко рту поднесла и заговорила тем же самым тихим голосом медовым:

— Имя мне Альгэ, и родилась я следом за Эйхорной. Слова твои тронули сердце мое, не укроются от меня чувства человеческие — вижу искренние намерения твои и потому обещаю принять тебя Фалкнед из рода убийц, на землях островных, как гостя, по всем законам еще древними оговоренным. Но отвечу за сестер своих — ни одна не пойдет под защиту твою и не будет никогда заключен союз между родами нашими, ибо противоречит это самому естеству.

Так закончила дева Альгэ, да сокрыла язык белесый в шкатулку ракушками украшенную.

Более прежнего огорчился юный Фалкнед, потому как суждено ему было вернуться в теплые земли Миза-Криссон без владений островных, да без сестрицы-девы — не быть прощению от владыки Шьяр-Раведа, не быть воинской славы, не быть и смерти достойной воина.

Но огорчение то смягчилось, ибо не соврала дева Альгэ и устроила гостю прием достойный

¹ Вождество — форма племенной организации в эпоху разложения первобытнообщинного строя. Управление племенем или союзом племен в В. осуществляется родоплеменной или военной верхушкой во главе с наследственными вождями.

² Прослеживается связь трех сестер с Грайями. Грайи — в греческой мифологии порождения морских божеств Форкия и Кето, сестры горгон. На троих у них был один зуб и глаз, которыми они обменивались поочередно.

настоящего владыки — под небом чистым накрыты были столы яствами ароматными и напитками горячими, преподнесены дары морские, драгоценные. И хотя безмолвны были жители острова, но умелы в музыке ласковой, да ловки в танцах нежных. Так три дня в веселии провел юный Фалкнед, да ночами так крепок сон его был, что не знал он о том, что время это, когда хозяйки и хозяйева острова вереского покидают владения свои и таятся в водах морских.

На утро четвертого дня пробудился ото сна Фалкнед от прикосновения мягкого. Открыл глаза васильковые и увидел перед собой деву — имя которой не нежило еще слух его — сестрицу младшую, чьи локоны перламутровые блистали на солнце, а взгляд поражал зеленью изумрудной. Улыбнулась она на мгновение, да обратилась к юноше голосом дрожащим:

— Не проснулись еще сестры мои старшие, потому без их позволения драгоценное себе присвоила и к тебе пришла, дабы сказать, что сердце мое иссыхает от страданий сладких. Каждый день выжидаю взгляда твоего светлого, не могу более терпеть и потому желаю быть под твоей защитой.

Разгорелось сердце Фалкнеда в ответ на слова эти лестные, и уже был готов юноша союз заключить, да продолжила дева младшая:

— Но проклятие лежит на жителях всех. Погибли мы от рук предков твоих, но приняты были морем рубиновым и владыкой его, когда то низвергнутым с земель твердых. И должны мы расплачиваться за жизнь вечную дарами его — хвостами рыбьими, да жабрами, ночью службу ему неся покорную. И покуда связана я проклятием этим, не могу покинуть остров сей, что домом мне стал, не могу и союз с тобой заключить.

Так закончила дева и глаза ее заблестели от слез. Увидел это Фалкнед, позабыл обо всех желаниях своих недостойных и думал теперь только о том, как спасти милую деву. Так обратился он к ней:

— Все, что скажешь сделаю лишь бы снять то проклятие, что мой род на тебя навлек! Жизни своей не убоюсь лишиться, только слово скажи!

Улыбнулась юная дева, смахнула слезы, радостная, что взаимностью ей ответил Фалкнед с дальних земель, и так продолжила:

— Проклятие рукой человеческой снимется — если найдешь мой хвост рыбий, да спрячешь от меня и от глаз чужих, так чтобы никто не узнал, то приму я облик девичий навеки¹. Не могу сказать я истины тебе, ибо ждет меня тогда наказание от Низвергнутого, потому дам тебе только подсказку, что место укажет. Внемли, Фалкнед из рода Дар-Ард:

*«Та, что сестра небесному владыке,
Укажет место,
где тайное сокрыто.
Мгновенье то наступит,
когда сестрицу волчья пасть прокусит».*

Каждое слово вкусил, словно мед, юный Фалкнед и пообещал деве вызволить ее из заточения морского. На то сестрица младшая отблагодарила юношу поцелуем, что имел вкус морской соли и сладкого яблока, и поспешила скрыться.

Долго еще после этого бродил по острову юный Фалкнед и гадал, что значили слова девой сказанные, пока не оказался перед скалой, что первой на острове встретила его волчьей пастью разверзнутой. И увидел он, как в пасти каменной солнце небесное уместилось, словно птенец в гнездышке, и понял тогда, что владыка небесный это есть солнце огненное, а сестрица его, то — луна, властительница ночи. Запомнил он место сие и решил для себя как стемнеет вернуться.

Недолгим было его ожидание, ибо скрасили его девы-сестры, что по очереди песни сладкие исполнили для гостя дальнего. И весь день юный Фалкнед не отрывал взгляда своего от девы младшей, чьей имени так и не узнал. Лишь один раз удалось ему с девой той словом перемолвиться, и сказал он тогда, что добудет ночью ее хвост рыбий, да запрячет ото всех и сбудется желание ее.

Как стемнело, притворился Фалкнед, что ко сну готовится отбыл, а сам все дожидаться не мог, когда жители островные сами улягутся в постели мягкие. Не знал юноша, что постелью мягкой для них служат водоросли морские. Опустел остров и вышел Фалкнед из покоев своих, сестрами ему предоставленным, отыскал во тьме место скалой обозначенное и стал ждать, когда пасть волчья луну в свои зубы примет.

¹ Данное проклятье по некоторым признакам схоже с судьбой мифических существ шелки (или селки). Шелки (англ. Selkie) — мифические существа из шотландского и ирландского фольклора, морской народ, люди-тюлени. По некоторым источникам, шелки — потомки людей, изгнанных в море за свои преступления. Вот почему их так тянет на сушу. Могут выходить из воды один раз в девять ночей. Когда выходят из воды, сбрасывают с себя тюленью шкуру и принимают человеческое обличье. Если парень или девушка найдет сброшенную шелкой шкуру, то может принудить шелку к супружеству.

Так он сидел на песке, покоем беззвучным окруженный, пока не настало время волку каменному луну клыками сжать¹. И увидел тогда Фалкнед, как свет холодный от властительницы ночной пролился на землю, словно кровь и понял он, что в этом самом месте искать хвост рыбий следует.

Только направился он к месту указанному, как завидел, что близятся к нему три фигуры изыщные, а за ними еще несколько. Пригляделся юноша и увидел, что то девы-сестры были, а позади них мужчины, что на руках крепких старца несли. Остановились они, ни слова не произнеся, и опустили старца прямо под лучи холодные, и увидел тогда юный Фалкнед, что не человеком тот был, а чудовищем морским, что жабрами дышит и хвостом рыбьим рвет. Так и встал Фалкнед зрелищем сим пораженный и шагу сделать не мог, когда старец глаза стеклянные к нему обратил, да не заметил, как девы-сестры к нему подошли, словно в воздухе проплыли, и за собой повлекли, перед старцем на колени его опустили.

И услышал тогда юный Фалкнед вокруг крики надрывные, нечеловеческие, то жители островные о горе своем пели. Потянулся тогда старец руками иссиними к юноше и раскрыл губы черные, но не смог слова сказать. Так и Фалкнед, от ужаса его сковавшего, не мог слова выговорить.

Окружили его сестры-девы, и услышал он знакомый голос девичий сладкий и медовый, единственный на острове слышимый, то была дева младшая.

— Имя мне Элодея! И я та, кто с ликованием вырвет твой язык и дарует его вождю, что был повержен гнусным родом твоим!

Не успел юный Фалкнед встать, как схватили его руки старческие с такой силой, что не

смог он с места сдвинуться, а сестрица младшая к тому времени сокровище человеческое другой передала и молвила та:

— А я Эйхорна, что оставит тебя без крепких ног молодых, дабы отец наш навсегда покинул море и вновь ощутил ступнями твердь земли!

Не противился уже юноша, ибо понял он силу нечеловеческую, и следил со страхом, как сестрица старшая язык передает следующей, и вскричала тогда она:

— А я Альгэ, что вернет отцу дыханье человеческое и для того вырежет твои легкие, водой как наши нетронутые!

И видно было во тьме кромешной, как сверкали взгляды сестринские гневом исполненные. И продолжила Альгэ:

— Так заключится союз родов!

И подхватила Эйхорна, язык переняв:

— То будет твоим искуплением!

И закончила Элодея с жадностью язык проглотив:

— И так совершенно будет возмездие!

Сэтими словами три разъяренные девы впились сильными руками в нежные члены юноши и разорвали его на части, словно волки изголодавшийся по добыче мясистой.

Так юный Фалкнед из рода Дар-Ард снял тень страшного приговора и никогда более никто не смел говорить о преступлениях рода Дар-Ард.

На том закончил свою историю старый моряк, благодаря которому облетела она весь мир. Да добавил только, что поговаривают, будто люди те морские и по сей день пребывают на Острове Тишины, да ждут, когда пристанет к землям их корабль и тогда разорвут они всех прибывших, да между собой поделят, дабы вернуть роду своему облик человеческий.

---

¹ Прослеживается связь с Хати. Хати (др.-сканд. *Hati* — «ненавистник») — в скандинавской мифологии волк, каждую ночь преследующий луну, пытаясь ее пожрать. Лунные затмения происходят, когда Хати слишком близко приближается к Мани (луне).

Василиса ПСАРЕВА

Родилась в 1997 году в г. Пушкино (Московская область). Учится в МФТИ, на факультете общей и прикладной физики. Пишет стихи и прозу с детства, но вернулась к этому увлечению серьезно в последние годы.

ПОД ДУБОМ НА ХОЛМЕ

Между лесом и дорогой, обвиваемый с севера и востока ленивой рекой и сползающий на юго-западе в широкую долину, стоит холм, а на холме растет дуб, а под дубом лежит камень. И именно на этот холм я забирюсь, как и сорок лет назад, но уже без саженца именно этого дуба, тогда гораздо меньшего, едва достававшего мне до колен, и снова сажусь именно на этот камень, тогда казавшийся скалой рядом с молодым деревом, а теперь укрываемый его тенью более чем половину дневного путешествия солнца. И как всегда я поворачиваюсь лицом к долине, так, что лишь теплая тень и шуршание листьев над головой напоминают мне о дереве, и запускаю пальцы под чуть запрокинувшийся под моим весом камень, и достаю твоё письмо.

Как всегда оно завернуто в холщовый платок, немного грязный и местами влажный. Само письмо будет чистым, мягко сложенным пополам, с аккуратными строчками, длинными завитками заглавных букв и невпопад начинающимися абзацами. Я знаю твою руку луч-

ше, чем когда-либо в прошлом или будущем, знаю как бегут твои мысли, как связываются твои буквы, какие ты используешь слова. Я достаю твоё письмо из платка, а из своего кармана почти дописанный ответ. Солнце золотит пригнувшуюся под ветром траву. Я прячу свои пальцы в бордовый платок, всегда согревающий и мягкий.

Я помню, как меня нашло твоё первое письмо, в тот же день, когда корни молодого дубка впервые жадно вцепились в рыхлую почву холма. В попытке чуть сдвинуть такой старый, но все еще молодой серый камень мои детские пальцы впервые нащупали платок. Будь я тогда всего на пару лет старше, письмо показалось бы мне глупой шуткой, но это были еще те дни, когда детское доверие правило моей жизнью. И какими бы небывалыми не выглядели слова «какой красивый дубок» под камнем на пустом холме, «спасибо», незамедлительно последовал мой ответ, завернутый в тот же красный платок, спрятанный под тот же камень. «Он вырос из желудя дерева моей прабабушки, что растет

под моим окном». И, придя навестить мой дуб на следующий день, я нахожу под камнем твое новое письмо.

Мы начинаем писать друг другу постоянно, и так часто, как могу, я прихожу на холм: в жаркие летние дни, когда на небе нет ни облачка, и минуты движутся мучительно медленно; в моросящий дождь, когда озера из луж заливают невысокую траву у подножия холма; в снежные дни, когда пелена метели застилает весь воздух и с холма не видно ни долины, ни реки, ни леса с дорогой. По утрам, когда сырой туман ползет над рекой, и по вечерам, когда острый ветер носится по вершине холма. Никогда в платке не появляется два твоих письма, и никогда не приходит письмо, если прежде под камнем не лежало моего ответа, и потому, хоть дубок все еще слишком мал, чтобы защитить меня от любых погодных ненастий, я прихожу чуть ли не каждый день, оставляя хоть две свои строчки, и забирая твои.

«Кто ты?», пишу я синей ночью, под усыпанным мелкими бусинами звезд небом, и ты отвечаешь, что не знаешь, и я смеюсь, и пока мне хватает такого ответа. «Я люблю этот холм», признаюсь я летним днем, приближающимся к вечеру, когда смелые тучи клубятся и бегут над моей головой, и ты пишешь, что и ты тогда его любишь, и над моей головой раздается победный гром. «Я хочу тебя увидеть», пишу я сонным весенним утром, когда птицы поют, пытаюсь разбудить лениво поднимающееся солнце. И ты описываешь цвет своих глаз и длину своих волос, и я пытаюсь нарисовать тебя, и себя тоже, и получается ужасно, но все же я кладу свои рисунки под камень одним теплым вечером, под стрекот сверчков в высокой траве, когда облака гуашью рисуют сумерки и мне нечего сказать.

Дуб растет, растет очень медленно, вглубь и вверх, и уже он почти с меня ростом. Мы с тобой не видимся никогда, и временами мне кажется, что ты живешь где-то далеко-далеко, но я отбрасываю эти мысли. У нас один камень, иначе как под ним появлялись бы письма? Значит, у нас и один дуб, один холм, одна долина. И все же, не дает мне покоя мой разум, и все же ты пишешь о вещах, которых нет здесь, о людях, которых никто не знает, о местах, которые не могут существовать. Но все та же детская доверчивость долгое время не дает мне задуматься.

Сонной осенней ночью я сижу, облокотившись спиной на камень, и серый ветер пронизывает меня до костей. Мое письмо лежит под камнем, и я знаю, что там именно мое письмо, потому что оно лежит там уже много часов, и ни одна человеческая нога кроме моей, не сту-

пала на холм весь сегодняшний день. Потоки дождя льются с небес, развеваясь беспокойными занавесками, и я сжимаюсь в клубок, обнимая себя, кругами повторяя все то что написано в письме: как я хочу увидеть тебя уже много лет, каким бессмысленным мне кажется наше негласное соглашение видеться лишь сквозь письма, как уже несколько месяцев я пытаюсь поймать тебя здесь, на холме, как извиняюсь я за свою наглость, но как все же тебя увижу, сегодня, потому что я не собираюсь уходить с холма, пока не придет твой ответ.

Холодный ветер убаюкивает меня суровой рукой, и я вырываюсь из объятий сна хватая ртом воздух в ранних часах утра, когда о приближении солнца не говорит ничего, кроме бирюзовой полосы неба на востоке. Ужас охватывает меня и торопливо я вытягиваю из-под камня платок и вытряхиваю из него письмо.

Твои слова еле-еле угадываются в слабом свете. «Ты не увидишь меня, а я не увижу тебя», читаю я первые строчки, и в своей уже почти не детской, но еще совсем не взрослой злости комкаю твое письмо и отбрасываю его в сторону. Заталкиваю платок ногой под камень и, сжав кулаки, покидаю свой дуб и свой холм, с уверенностью что навсегда.

Дуб растет без меня два года. Он становится выше меня, раскидывает свою крону над холмом, все еще тоненький и маленький по сравнению с взрослым дубом, но громадный для того, кто видел его прутиком на вершине холма. Теплой осенью, когда трава еще зелена, но леса уже рыжеют и земля начинает потихоньку укрываться тонким одеялом листьев, фигура приходит к подножию холма. Фигура закутана в плащ, и лицо ее прячет шляпа, и на спине фигуры висит большой мешок. И, разглядывая ее сверху, дуб возможно не признает фигуру, хоть я снизу и узнаю дуб.

Поднявшись наверх, я разглядываю свой дуб, и разглядываю наш камень, и снимаю с плеч мешок, и достаю из него стопку писем, а потом еще одну, а потом еще несколько, и укладываю их все под дубом и не знаю, какое отправить тебе. Я откладываю в сторону все гневные письма, написанные, когда обида застилала мои мысли. Я рассматриваю письмо, написанное год назад, после проглядывания нашей переписки: «Акулий хребет, про который ты пишешь... Давным-давно он так назывался, а сейчас это уже Серебряные горы... Еще строящемуся у тебя Звенящему мосту уже бог весть сколько лет... Как только все не стало мне понятно раньше... Кто ты? Где ты? Когда ты?» Я откладываю все извинения, все объяснения, все вопросы. Откладываю слишком грустные, слишком веселые, слишком скучные, слишком

отвлеченные письма. В конце концов, у меня остается лишь старый пустой лист. И, сев на камень, я вновь смотрю на такую знакомую долину, и не знаю, что сказать.

Два года, кажется, что это так мало, но когда говоришь с кем-то каждый день — это становится вечностью. Глупой, потерянной вечностью. Что было написано в том письме, которое, скомканное, так и осталось где-то на холме? Были ли там все ответы? Что мне написать тебе, когда возможно я уже для тебя никто? «Дуб уже такой высокий, что заслоняет меня от Солнца», пишу я, и прячу письмо в платок.

Лист срывается с ветви дуба и плавно опускается на землю, но не успевает он коснуться травы, как я вытаскиваю платок обратно. В нем уже другой лист бумаги, и на нем написано лишь одно слово: «скучаю».

Я достаю из кучи письмо с объяснениями и кладу его под камень. «Скучаю. Скучаю. Скучаю, скучаю, скучаю...» незамедлительно приходит твой ответ. Одно за другим я отправляю свои извинения, свои рассказы, свои объяснения, даже свою обиду, страдания, все свои чувства эти два года, запихивая их стопками, потому что мне хочется прочитать твои, потому что тебе нужно знать мои, потому что в этом вечном диалоге писем молчит один, если молчит другой. Я читаю все твои письма до ночи, и ты пишешь снова и снова, и я отвечаю тебе, и раз за разом я обещаю, что никогда больше не уйду.

Каждое утро и каждый вечер теперь я прихожу на холм. Жизнь стала другой за эти два года, и я уже не беспечный и свободный ребенок. В моей жизни появились люди, но на холм я все так же прихожу в одиночестве. Ты знаешь всех моих знакомых, я знаю всех твоих, хоть они и не знают о нас. Мы живем вечным секретом друг друга, не зная, как объяснить кому-то чего такого важного может быть в письме, оставленном под камнем на холме.

Мы медленно узнаем мир друг друга, почти такой же как наш собственный, но немного другой. Я знаю, что ты живешь где-то далеко позади меня на временной оси, там, где люди другие, и другая еда, и знакомые запахи принадлежат незнакомым вещам, но те же слова, те же звуки, те же птицы. Твои традиции удивляют, пугают, смешат или восхищают меня, так же как тебя мои. Иногда я удивляюсь установившемуся между нами взаимопониманию, удивляюсь, в какой бешеной смеси времен мы с тобой живем, и нота печали задевает мое сердце, когда я понимаю, что никогда не смогу полностью принадлежать своему времени. Но она никогда не остается надолго.

Иногда, когда я сижу на камне по вечерам, я думаю, не отправить ли мне еще письмо? Что будет, если однажды я напишу тебе, а ответ не придет? Что если ты отправишь письмо мне, а я не смогу тебе ответить? Мне становится страшно, что я не успею прочитать тебя, что наша хрупкая связь разорвется. Кто будет писать тебе, когда я умру? Я боюсь оставить тебя снова, и потому дуб не проводит без меня ни дня, и почти каждый дождь поливает меня, и почти каждое освещает солнце.

А дуб все растет и растет, и становится уже в два раза выше меня, и его листья осенью покрывают уже всю вершину холма. Глубокие трещины разрезают его кору, плотная грива листьев неспешно покачивается даже на сильном ветру. Полуденное солнце с трудом теперь просвечивает его листву, и мягкая тень укрывает любого сидящего под дубом. Далеко простираются корни дуба, вглубь холма, стремясь к его источникам и подземным колодцам, в стороны, вокруг камня и сквозь невысокую траву. И течет время разное и по-разному у меня и у тебя, как по-разному растет дуб и течет на севере река.

Ранним летним утром я медленно поднимаюсь на холм, пока Солнце еще купает свои лучи в реке низко на востоке. Мои ноги путаются в длинной траве, и моя голова опущена вниз в раздумьях. Я прокручиваю в голове все твои последние письма, настораживающие меня своей нарочитой, но хрупкой веселостью. Я проклинаю груды твоих писем, которые не дают мне знать тебя лишь в настоящем, в которые я постоянно залезаю, прочитать лишь одно письмо, просто убедить себя, что время не пожирает безжалостно твои здоровье и молодость. И каждый раз прихожу в ужас, когда замечаю притупившиеся буквы, растущую усталость, замедляющиеся мысли, и каждый раз обещаю никогда не смотреть их снова, но все же раз за разом повторяю цикл. Одуванчики медленно раскрываются вдоль моего пути, и солнце нежно касается меня, когда я достигаю вершины холма. Как обычно я сажусь на камень, и достаю из-под него платок, а из него письмо, сложенное пополам. Я удивляюсь, когда понимаю, что лист исписан всего с одной стороны. Открыв его, я вижу всего одну строчку: «Мне кажется, я умру на закате».

Солнечные лучи будто ударяют меня в спину. Я почти оглядываюсь на них, мои глаза поднимаются на привычную полосу горизонта на западе. Каких-то пятнадцать часов нужно Солнцу чтобы добраться до туда. Мои пальцы судорожно сжимают платок. Ветер покачивает твое письмо на моих коленях, и я осторожно придерживаю его, боясь коснуться. Моя шея на-

гревается на Солнце, злобным напоминанием, толчком в спину. Я достаю свое сегодняшнее письмо и перечеркиваю его полностью. Передумываю, достаю пустой лист, пишу абзац, перечитываю его и едва справляюсь с желанием разорвать бумагу. Снова и снова пишу я новые вступления и пустые эпилоги, но ни одно из писем не кажется верным, и мое сердцебиение учащается, пока Солнце добирается мне до макушки. Паника застигает мой разум, когда исчезает моя тень, и в отчаянии я кладу голову на руки, когда лучи касаются моего лба. Вновь безутешным ребенком я сползаю с камня и сворачиваюсь калачиком. Ветер уносит мои письма, как время уносит мои мысли, и вскоре ничего не остается на холме, кроме меня, и камня с дубом, и последнего листа. И я знаю, что настало время написать то, что мы говорили лишь вскользь, в прощаниях, в приветствиях. Я пишу одну строчку и кладу письмо под камень, и будто впервые за весь день выдыхаю.

Я забираюсь обратно на камень. Небо немного потемнело за мной, цвета сиреневых незабудок, шепчущих на зеленой лужайке. Красивейший закат над долиной заставляет меня затаить дыхание, нежно-розовый с персиковым переливом, золотой в центре, уходящий в синеву по сторонам. Последний закат, который ты не видишь вместе со мной. Последний закат, который мы все же делим. Горящий красный диск медленно подползает к горизонту, и я слышу свой дрожащий выдох. Я впиваюсь ногтями в свои руки, и затихает наш дуб, и замирает весь мир, и солнце жжет мне глаза. Но все же я не свожу их с горизонта, и опускаю голову, лишь когда исчезает последняя его полоса. И впервые я в одиночестве.

Когда мои рыдания утихают, я запускаю руку под камень. Лист под ним ужасно старый, потрепанный по краям, и я прижимаю его к себе, и вдыхаю его аромат, просто потому что никто этого не видит. При свете робких звезд я выглядываю твои слова посередине листа: «И я тебя». Я переворачиваю лист и вижу на нем рисунок, изображение совсем молодого дуба. Дуба, который я так хорошо знаю, но который ни разу в жизни не видели твои глаза. И под ним надпись, твоим детским, еще не установившимся почерком: «Какой красивый дубок». Мое первое письмо тебе. Твое последнее письмо мне. Я вдыхаю ночной воздух и покидаю холм, прижимая наше письмо к груди.

Дуб покачивается в ночи, пока я достаю у себя дома толстый блокнот. Я вкладываю в него наше письмо, и ставлю дату, и пишу все свои мысли, и собираю вещи в небольшой чемодан. И, когда предательское солнце выбирается из леса на востоке, я покидаю свой старый дом.

Я уезжаю очень далеко, за горизонт, за один, другой, третий. Я исследую рыжие каньоны, прячась в затерянных пещерах от жаркого пустынного солнца, пробираясь сквозь молчаливые песчаные массивы узкими тропами, что жилами пронизывают старые утесы, и в которых видно лишь слоистый рисунок оранжево-красных стен и полосу голубого неба далеко наверху. Я освещаю дрожащим факелом старые письмена на крошащихся стенах древних сооружений, и благородные оттенки охры окружают меня в этом царстве песка и глины, как окружают наш дуб осыпавшиеся листья, золоченые молодым осенним закатом.

Я забираюсь на заснеженные горы, где вечный ветер становится новой тишиной, где теплыми кажутся синие ледяные пещеры, а огонь — царем и богом. Снег засыпает мой лагерь почти с головой. Временами не видно ничего сутками, ни днем, ни утром, ни глухой ночью, ничего, кроме вечно движущейся стены снега, такой плотной, что можно поверить: стоит ей рассеяться, я окажусь на холме, облакачиваясь спиной на свой припорошенный снегом камень, и будут сверкать далеко в небе звезды. В небе черном как бездны, в которые я опускаюсь в глубинах гор, звезды яркие и переливающиеся красками, как северное сияние над моей головой, когда отступает снежная стена, и на секунду видно, где я.

Я погружаюсь в морские глубины, где зеленая поросль покрывает песчаное дно, как молодая весенняя трава покрывает серый холм. Я проплываю к разбившимся кораблям и затонувшим городам, и нежные розовые краски подводных кораллов и рифов играют проникающим сквозь толщу воды светом, пока я раскапываю древние сокровища в потемневших сундуках: старое тусклое золото, потерявшие свой внутренний огонь рубины, усталые сапфиры, запутавшиеся во времени изумруды. И танцующие краски подводных цветов смеются над ними, как смеются юные весенние цветы над кучей сгнивших дубовых листьев.

Проливной тропический дождь мочит меня до нитки в зеленых джунглях, где ветви привычно гнутся под грудой сочных фруктов, где потягиваются яркие цветы, своими желтыми, красными и розовыми красками вторя громадным наглым птицам, будто хозяевам этих раскидистых лесов, вечно окружающим любого, кто решится ступить в их владения. Их голоса заполняют все вокруг, от теней под низкими мясистыми папоротниками до потерявшихся в далеком небе верхушек пальм, как заполняет летний день пение шустрых птичек, живущих в кроне дуба.

Во всех моих путешествиях меня не покидает мой верный дневник, потрепанный, растолстевший кожаный блокнот. Я пишу в нем каждый день, события, мысли, подробности, вещи, которые никогда в этом мире не будут интересны никому — таково уж мое проклятье человека, что не оставит ни наследия, ни наследника. Никому, кроме тебя. И все же я пишу, сквозь дождь и ветер, сквозь жару и засуху, потому что не умирает человеческая надежда, как не умирают слова на бумаге. И растет где-то далеко на холме дуб, и лежит под ним камень, одни без нас, хоть и всегда вместе с нами.

Я возвращаюсь к холму майским утром, и под мышкой у меня книга да лопата, а в руках у меня бордовый мешок. Дуб возвышается над мной, старый король, гордо глядящий на свои владения, встречающий меня взглядом еще у подножия холма. И, поднявшись, я присоединяюсь к нему, и смотрю на дорогу на юге и лес

на севере, на реку на востоке и на западную долину, и кладу книгу с мешком на наш камень, и втыкаю лопату в землю, перед камнем и перед дубом, между старыми корнями. Не глубже пары футов я выкапываю яму, и кладу туда красный мешок, дребезжащий как толстые четки, и засыпаю его свежей землей. И прячу я под камень книгу, и сажусь на него. И к тому времени, как солнце выползает из кроны дуба, ты отвечаешь мне: «Здравствуй».

Сколько лет прошло с того дня? А сколько с нашей первой встречи? Я не знаю точно, знаю лишь, что дуб, когда-то давно не доставший мне до колена, уже не в два и не в три раза выше меня, и стал он крепок, и, наверное, вечен. Бордовый платок греет мои пальцы, пока я жду от тебя новое письмо. «Однажды я умру», говорит мое письмо под камнем.

«Я буду ждать тебя здесь, под дубом», отвечает твое. Утекает река за моей спиной. Закатное солнце озаряет ветви дуба.

Андрей ШУРЫГИН

«Родился в 1985 году в г. Йошкар-Ола (Республика Марий Эл). В 2007 году окончил Марийский государственный университет по специальности «Филолог, преподаватель русского языка и литературы», курсы дополнительной квалификации «Преподаватель высшей школы» (2010). Работаю экскурсоводом, старшим научным сотрудником в Национальном музее Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. Стихи пишу с детства. Автор сборника стихов «Времена года» (2001). Первая публикация – 1996 год, детская газета Марий Эл «Родничок». Есть публикации в региональных и всероссийских литературных сборниках, альманахах, периодических печатных изданиях. Член Русского литературного клуба, член Российского союза писателей.»

ФАРВАТЕР ДУШИ

ДЕВОЧКА И ГОЛУБЬ

Под дождем на озябшем бульваре,
Среди лиц, то одних, то других,
О заботах на миг забывая,
Голубка ты кормила с руки.

Словно мама заблудшего сына,
Голубка с перебитым крылом,
Возвращаться как будто просила
В свой уютный, приветливый дом!

Ничего, что ты в школу не хочешь —
Уж не тем занята голова!
Теплокровный пернатый комочек
Жадно хлебные крохи клевал...

Ничего, что к встревоженной маме
Опоздаешь на пару минут,
В оправданье промямлишь упрямо:
«Я была... совсем... рядышком! Тут!»

В суете равнодушного мира,
Что лениво глазел свысока,
Ты так бережно, нежно кормила
Не умевшего жить голубка!..

И, казалось, куда б ни взглянул я
И какой ни прошел стороной,
Вдруг услышу опять: «Гули-гули,
Кушай, птенчик мой, кушай, родной!»

Я ПРЕДЧУВСТВОВАЛ ПЕРВЫЙ СНЕГ

Я предчувствовал первый снег,
Как движенье судьбы немой,
Что застыла в осеннем сне,
Повстречавшись с седой зимой...

Я предчувствовал первый снег,
Лихорадочный бег времен,
Что несутся из века в век
В беспорядочный марафон...

Снова осень теснит зима,
Словно просится на ночлег —
И по новой сходить с ума!..
И по новой пуститься в бег!..

А я чувствовал первый снег,
Бесконечных снежинок рой,

Что в податливой тишине
В душах наших летят порой...

Я предчувствовал первый снег,
Как спасенье любви большой,
Той, что в сказочном зимнем сне
Породнится навек с душой...

* * *

Ты о весне не можешь написать?!
Какой тогда поэт ты, право слово?!
Смотри: открылись миру небеса,
И солнце нас зацеловать готово!

Услышь: ручьями плещущими март
Бежит навстречу бойкому апрелю!
А небо землю жаждет обнимать
В весенней развороченной постели!

Ты о весне не можешь рассказать?!
Да так, чтоб сердце радостно забилося!
Чтоб время не глядело бы назад
И утекать ручьем не торопилось!

Ты о весне не сможешь сочинить!
Она давно и не тобой воспета...
Стихи без сожаленья зачеркни
И брось по следу нового Поэта!

ВЕСНЫ ЗАУНЫВНОЙ БЛЮЗ

Весны заунывной блюз
Застигнет с утра врасплох:
Протяжно твое «Люблю»
Раздастся сквозь бум эпох...

И словом одним теперь
Наполнится суть вещей —
Бог мой, как я рад тебе
И всякой весне вообще!

Бродил по земле среди
Метелей и стальных выюг...
Под нежный мотив в груди
Услышу, как все вокруг

Меняется с каждым днем:
Крик птиц и звенят ручьи!
С весною ты заодно
В душе моей прозвучи!

Весны заунывной блюз,
Мы свято его храним,
Чтоб дерзкое «Я люблю»
Осталось лишь нам одним!

ФАРВАТЕР ДУШИ

Грозовыми порой временами
Мы теряем себя вопреки
Переменам, случившимся с нами,
Что становимся так далеки!

Словно в чей-то фарватер капризный
Мы вписались и мерно плывем,
Гордо веря, что несколько жизней
В этом плаванье мы проживем...

Но едва за бортом заштормило,
Осознав, что неправилен путь,
Все ж надеемся робко на силу,
Что бесславно не даст потонуть!

Эта сила сродни талисману
Нам заветный подарит причал,
Чтобы каждый в кромешном тумане
Свой фарватер души повстречал!

Чтобы вдруг над ночным горизонтом
Обогрел огоньками маяк,
Светоч жизни, столь нужный спасенным,
Сила душ и твоя, и моя!

Грозовыми порой временами
Мы теряем себя вопреки
Переменам, случившимся с нами...
Эх, бесшабашные мы моряки!

* * *

*Светлой памяти жертв
крушения аэробуса А321 в Египте*

Мне привиделся образ ребенка
В африканской далекой стране:
Он дрожащей и слабой ручонкой
Боязливо тянулся ко мне...

Будто что-то с напуганным взглядом
Так хотел, но не мог рассказать!
Правду тех, кто бывали с ним рядом,
Но уже не вернутся назад!..

«Что с тобою случилось такое,
Где твои мама с папой, малыш?
Почему ты сейчас беспокоен,
Отчего сиротливо молчишь?»

Ничего он совсем не ответил,
Лишь смотрел и смотрел в небеса...

Там нещадный и яростный ветер
Заглушал всей земли голоса —

Голоса нескончаемой боли,
Словно вопли от ран ножевых!..
...Фотография в свежем альбоме,
Чтобы помнить... По праву живых.

Мне привиделся образ ребенка:
Он ручонкой водил по стеклу,
И, прощаясь, на крылышках тонких
Уносился в безбрежную мглу...

* * *

Рвалась неумолимо жизнь
На черно-белые полосы...
Он видел высей миражи,
И слышал неба отголоски.

Расправил крылья для души,
Скрепив мечтаньями из воска...

Парить над бренностью легко!
Здесь невозможное возможно!
«Не забирайся высоко!» —
Дедал напутствовал тревожно.

«Погубит солнце твой полет,
Меня ослушаешься если.
Волна морская зачерпнет
Твою мечтательную песню...»

Его пленял далекий мир,
Из света сотканный, нетленный,
Еще не тронутый людьми
Клочок загадочной Вселенной...

Но для свободы он воскрес
И к солнцу вырвался... Поспешно...
Полет стремительный исчез
В тумане моря безмятежном...

Спустишь, Икар, скорей с небес!
Паденье будет неизбежно!

Я НАПИШУ ТЕБЕ

Я напишу тебе с дюжину писем,
И, не отправив, порву на куски —
Стих мой теперь от тебя независим,
Освобожден от досадной строки...

Образ твой нежный недаром приснится:
Губы в ночи поцелуют тетрадь...

Только пылавшие страстью страницы
Больше покорно не станут стирать!..

Угмонится треклятое слово
Там, где тебе безразлично, но все ж
Искренне счастья желаю земного
С тем, кто совсем на меня не похож,

С тем, кто шустрее дурного поэта:
С ним у тебя будет рай в шалаше,
Будешь обута, сыта и одета,
Чем не изменишь капризной душе!..

Впрочем, в одном мы с ним точно похожи:
Образ один нас обоих влечет...
Только, как я, полюбить он не сможет,
Он не любил так и в жизни еще!

Ты не поверишь... Спасибо на этом!
Что же, иди!.. Срок мучений истек
В дюжине писем, в пляде сонетов,
Где у любви мнится лучшим итог...

ИСТОРИЯ НАШЕГО СЧАСТЬЯ

На земле мы друг друга не ждали,
Небеса о любви не просили.
Что есть силы, чтоб выжить, страдали!
Только жили, казалось, вполсилы...

И рождением страстей судьбоносных
Не обязаны были Шекспиру,
Но я одну тебя видел в ту осень
И с тех пор пою целому миру,

Как Ромео прелестной Джульетте,
Серенады любви безграничной,
Что зимою, весною и летом
Не покроется пылью страничной!

Я читал твою душу с пристрастьем,
Словно книгу, что мне лишь открыта!
Как тот самый булгаковский Мастер,
Повстречавший свою Маргариту...

Посетив времена и пространства,
Мы сумеем в них переродиться...
Но история нашего счастья
Книжной полке навряд ли сгодится!

Завтра новые будут романы:
Нежных томиков стройненький ряд...
Я о нас написал, как же странно:
Разве рукописи горят?

У КАЖДОГО ИСТОРИЯ СВОЯ

У каждого история своя,
Рожденная из радости и боли,
Из правды и изящного вранья,
Из сыгранной и неудачной роли...

Из тех же черно-белых небылиц:
Где просто — хорошо, а лучше — плохо!
Из марева родных и чуждых лиц,
Из выдыхов и драгоценных вдохов...

Из предвкушенья чуткого добра
Под самой разъяренной личиной...
История одних, как мир, стара,
История других едва случилась!

Здесь всякий на истории мастак!
Как вдруг обескураженный читатель:

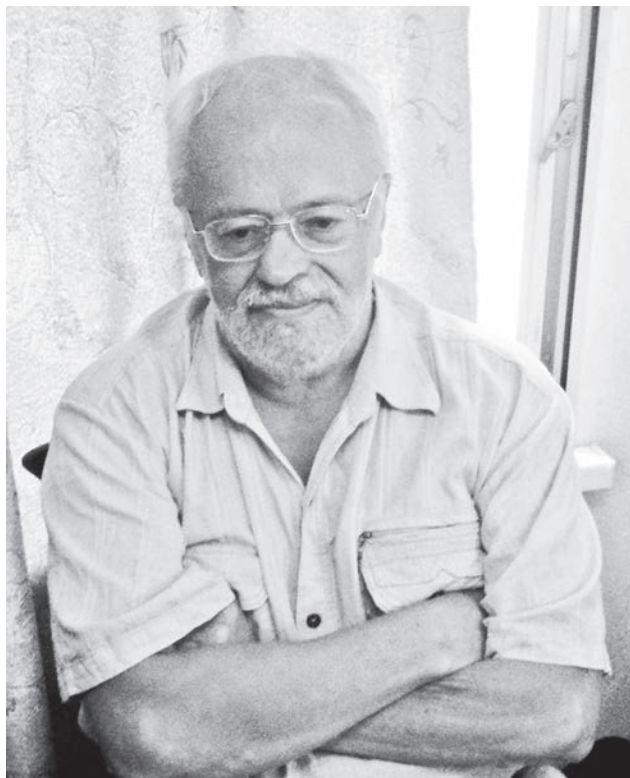
«Всего одна — позвольте, как же так?
Мне несколько прожить бы очень кстати!»

Казалось, как же ясно все теперь:
История одна! Увы, их много,
Историй безответственных потерь:
Бьет в окна ветер, нараспашку дверь,
Иди, тебе — свободная дорога!

У каждого история одна...
Так я себе когда-то напороочил
Историю единственного дня,
Которую, закончив, не закончил,
Домучивать бесчисленные ночи!

История у каждого своя...
Ах, сколько их таких по белу свету!
Но выберу отныне эту я:
Она у новогоднего окна
Стоит, моим дыханием согрета...

Сергей НОСОВ

Родился в 1960 году в г. Ленинград. Историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. С 1982 по 2013 годы являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института Русской Литературы) Российской Академии Наук. Автор большого числа работ по истории русской литературы и мысли и в том числе нескольких известных книг о русских выдающихся писателях и мыслителях. Публиковал произведения разных жанров во многих ведущих российских литературных журналах («Звезда», «Новый мир», «Нева», «Север», «Новый журнал», в парижской русскоязычной газете «Русская мысль» и др.).

ПОЭЗИЯ И МАГИЯ

Мы фатально недооцениваем пронцающую и преображающую силу поэтического мировидения и поэтического слова, недооцениваем в том числе и сопричастность поэтической интуиции «мгновенному» мистическому постижению сути вещей и незримых «сущностей» окружающего мира.

Поэзия и мистика, поэзия и магия – мысли находятся в неразрывном единстве между собой, если они – подлинны.

Это давно уже достаточно очевидно, хотя и до сих пор распространено обывательское представление, что художественное творчество, включая, естественно, и поэзию – только некая словесная игра, разновидность увлекательного фокусничества, которое развлекает, услаждает душу и, может быть, порой приобщает к прекрасному, но – не более того.

В лучшем (среди обывательских воззрений) случае, видят в поэзии эдакое эстетически притягательное проповедничество и завуалированное нравственное и общее духовное «наставничество», как бы «настоянное» на музыке стиха, ритме, рифме, яркой образности и прочих внешних атрибутах поэзии.

Между тем все это – чистейшие и простейшие благоглупости на фоне уже устоявшихся современ-

ных, в том числе и вполне научных, знаний и представлений о мире и месте в нем поэзии и творчества.

Так, еще в относительно недавнем историческом прошлом фатально недооценивалась «вещность», материальность сознания и мысли, включая, естественно, и поэтическую мысль, а точнее – поэтическую интуицию и мысль, которые всегда слиты в подлинной поэзии воедино.

Таково наследие давнего противопоставления материализма и идеализма, материи и сознания.

Между тем давно уже стало ясно, что мысль и сознание в целом – только одна из форм все той же материи, материи и энергии, из которой состоит весь мир, вся наша Вселенная. Иного в окружающем нас мире просто нет. Это доказывает со всей однозначностью даже современная физика, в частности, квантовая физика.

Поэтическое сознание, состоящее из сплава интуиции и мысли, есть в известном смысле поток энергии и одновременно ее сгусток, как бы впитывающий в себя и зеркально отображающий «суть вещей».

Потому поэтическое сознание и, соответственно, поэтическое творчество, если оно подлинно, непременно обладает, помимо прочих уникальных

свойств, в известном смысле и пронизающей силой рентгеновских лучей – способно отображать незримые «сущности» окружающей жизни с редчайшей, завораживающей, поистине магической ясностью и полнотой.

В этом во многом и состоит искусство поэзии – искусство созидать из слов чарующие «рентгеновские снимки» мира, то исполненные красоты и приобщающие к светлым стихиям жизни, то приводящие в страх и трепет и обнажающие «темное дно» земного существования.

В торжественном провозглашении этого особого пронизающего свойства поэтического мировидения, собственно, и состоит философский смысл знаменитого тютчевского стихотворения «День и ночь», в котором ночь – это вдруг открывающаяся перед поэтическим взором бездна, вдруг обнажающееся перед ним «темное дно» бытия:

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*

В действительности, настоящий поэт в процессе созидания, творчества реально «работает» и со светлыми, и темными «сущностями», стихиями и энергиями мира. Не только различает и отображает их, но и «пользуется» ими, как бы намагничивает ими свое поэтическое слово, в котором эти «духи мира», эти мировые стихии и энергии воплощаются достаточно осязаемо и «вещно», в сущности, также как в магическом заговоре или заклинании.

Действие поэтического слова – гипнотическое и магическое.

Поэтическое слово – это не просто зримое воплощение красоты, это – сгусток энергии, способной и созидать, и разрушать, а само поэтическое творчество – это таинство.

Почему же тогда поэзия многих и многих оставляет равнодушными и чарующе (или хотя бы ощутимо) действует далеко не на всех? Ответ прост: по той же самой причине, по которой и любое таинство (в частности, церковное) не действует на непосвященных, не верующих, равнодушных, не воспринимающих его всерьез.

Для того, чтобы поэтическое таинство подействовало, нужна вовлеченность в магию поэтического слова, способность и желание «читать» отраженные в этом слове магические символы и таинственные знаки мира, его созвучий и диссонансов, его скрытых соответствий и его изломов, которым глубоко сопричастны жизнь и сознание человека.

Опять вспомним Тютчева: «Поэт всемогущ как стихия, // Не властен лишь в себе самом...»

Однако, не преувеличиваем ли мы, утверждая генетическую родственность процесса поэтического творчества и акта, таинства творения в магии?

Собственно, это необычное и таинственное с виду состояние, в котором человек, будь он маг или поэт, «выходит за пределы самого себя» – типичное, если можно так выразиться, зазеркалье эйфории или транса. Когда обыденное сознание естественным образом гаснет и на смену ему приходит сознание трансцендентное, открывающее мир как живое и чудесное единство «всего и вся» на уровне бесконечных превращений «одного в другое», бесконечных метаморфоз движения, энергии и материи.

Это и есть по сути дела то самое действительно необыденное состояние творчества, при котором магическим способом постигаются и преобразуются сущностные связи и созвучия явлений жизни.

Большая поэзия (по крайней мере, в России) и начиналась со стремления поэта быть выше обыденности и выше самого себя, приобщиться к высшему знанию и творчеству. Вспомним Ломоносова:

*Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота
И облаком нестись, презрев земную низкость.*

Конечно, Ломоносов утверждал свое поэтическое «я» еще достаточно наивно, но истинные цели поэтического творчества обозначил в целом точно.

Лучше же всех о мечте и жажде поэта слиться с трансцендентным и вечным, приобщиться к Космосу бытия сказал, конечно же, истинный провидец в русской поэзии, Федор Тютчев:

*Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, –
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.*

Естественно, можно вполне резонно заметить, что все подобное, провозглашаемое поэтами порой столь громко и столь вдохновенно – или вообще только риторика, или лишь красочное иносказание о том, «кем мне так хотелось быть, но, увы, не довелось стать».

Почти каждый человек мечтает быть больше, чем он есть, а, уж, поэт – особенно.

Вл. Соловьев полагал, что в стремлении стать «больше, чем ты есть» заложено зерно будущего Богочеловечества. Вряд ли. В этом стремлении чаще всего проявляется просто «вирус» гордыни, самомнения и неоправданных амбиций – раздуться эдаким «неимоверным шаром» и тем самым показать миру и окружающим «кто есть кто».

Тем не менее, мы не верим, что Блок, например, просто играл, гордился собой или фантазировал,

когда исповедальным тоном писал о поэтическом творчестве в стихотворении «Художник»:

*Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого – нет.
И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, –
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил – убил.*

Погружение в трансцендентное, приобщение к трансцендентному, попытка отобразить его в слове, впитывание и выпитывание в стихи потаенных энергий мира, Вселенной, насыщающих собой поэтическую образность и символику – это и есть поэтическое творчество в высоком значении этого понятия.

Просим не путать его с «рифмотворчеством», которое тоже может нравиться людям и даже вызывать порой бурные аплодисменты, но к поэзии как таинству и как магии, оперирующей живым словом, не имеет отношения.

Так, особенно любили предаваться такому рифмотворчеству и упоенно «разговаривать стихами» официальные советские поэты. Это тогдашней властью особо приветствовалось.

Считалось, что настоящий советский поэт должен непременно быть понятным для народа и потому ему следует красиво и убедительно «говорить в рифму». Кого-то (то есть кого надо) страстно ругать, кого-то, наоборот, восторженно хвалить, воспевать, что-то (то есть, что надо) патетически провозглашать, а иногда и просто болтать и болтать о цветах в поле и птицах в небе, чтобы советскому читателю стало от этой неугомонной болтовни в рифму приятно...

Таким всегда был, в частности, Евгений Евтушенко – типический пример советского поэта-трубадура, для которого самое важное – как можно сильнее и эффектнее «дуть в трубу». Но к действительно серьезной Поэзии с большой буквы все это, увы, не имеет отношения.

Серьезность настоящей большой Поэзии состоит также отнюдь не в том, чтобы уметь в ней поговорить и с самим Богом, как это запросто удается, в частности, тоже весьма любящему по-советски «поговорить стихами» Александру Кушнеру, с достоинством завершающему, например, любопытное поэтическое описание своей приватной встречи с Богом следующим весомым признанием: «И я ему сказал, что он не виноват, // Ни в чем, что жизнь сама угрюма и сурова».

Задача истинного поэта, по нашему глубокому убеждению, состоит отнюдь не в том, чтобы «частным порядком» встречаться с Богом и что-то ему авторитетно разъяснять от себя лично. А в том, чтобы Бог как светлое, жизнетворящее и трансцендентное

начало бытия, в его стихах все-таки был, незримо присутствовал – хотя бы как «ветерок вдохновения», преобразующего изображаемый поэтом мир. Об этом легко и славно сказал Георгий Иванов:

*А что такое вдохновенье?
Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.*

Заметим, однако, что мы «легкость необыкновенную» в поэзии при этом вовсе не проповедуем.

Совсем недалеко порой от иной такой счастливой легкости в поэзии, первоначально напоминающей «щебетание птиц небесных», до безумного «лепета» упоенного собой безмыслия, такого, например, как в стихотворении Ивана Храмовника по характерным названием «Нокдаун»:

*Но настает трагический момент:
займи мне рубль и продолжим танцы
на грани затемненного пространства
под звуки водосточных флейт.*

Поэт в своих стихах, так или иначе, всегда колдует. Он как маг, как ведун «заговаривает» своим словом, приобщаясь к потаенным энергиям Вселенной и черпая из них энергию своего стиха, своего поэтического слова буквально «пригоршнями». Мы убеждены в этом.

Красота поэтического слова, его чисто эстетические достоинства – отнюдь не самое главное. Много важнее – энергетика поэтического слова, его способность очаровывать и зачаровывать, овладевать сознанием воспринимающего его «субъекта» (читателя и слушателя) и властвовать в этом сознании хотя бы какое-то время, то время, которое способен длиться гипноз поэтического слова. А гипноз этот, это колдовство поэтического слова, бывает, длится и годами, десятилетиями даже, если говорить о поэтах особо замечательных, выдающихся.

При этом мы не отнюдь склонны расширительно толковать понятие и само явление Поэзии – как некую наивысшую форму истинного созидания и творчества как такового. А это в нашу эпоху уже не редкость...

Так, к подобному расширительному толкованию поэзии приходит, например, в фактически полуфантастической статье «Сверхпоэзия и сверхчеловек» Михаил Эпштейн («Знамя». 2015. №1).

В воображении Михаила Эпштейна и сейчас, в наши технократические времена «Поэзия продолжает преобразовать мир, причем более мощественно и всесторонне, чем когда-либо раньше. Физика, биология, энергетика, информатика приходят на службу поэзии, которая определяет смысл прогресса-поэзиса высшей целью, ранее достижимой только в слове: творить мироздание

как поэтическую композицию, где все отражается во всем».

Мы никакого «прогресса-поэзиса» вокруг себя, в отличие от Михаила Эпштейна, к сожалению, не видим и не понимаем в каких это формах физика, энергетика и информатика «приходят на службу поэзии», которая, как он утверждает, «выходит из своей ранней, словесно-стиховой формы, чтобы магически преобразовать мир».

По нашему глубокому убеждению жизнь и судьба поэзии навсегда связаны со словом – словом-заклинанием, словом-прозрением, Словом, наделенным неотразимыми чарами красоты, ее энергетикой, ее властной и вполне реальной магией, способной преобразовать сознание человека.

Все разговоры о «науке как сверхпоэзии», невероятной «социопоэзии» и «эконопоэзии», которые восторженно и запальчиво ведет в наше не один Михаил Эпштейн – только слова, слова, слова, как говаривал Гамлет, Принц Датский.

Современная цивилизация первозданную, самой природой созданную, поэзию жизни только разрушает, а реальную поэзию нашего времени, по-прежнему воплощающуюся в чарующем поэтическом слове, чаще всего просто игнорирует, не воспринимает, оставляет за бортом своих истинных ценностей.

Потому и те, кто громогласно заявляет об открытии некоего, творящего новую реальность, космизма в поэзии, подобно Константину Кедрову, на

деле создают преимущественно комичные и неловкие вирши для услады незадачливых простаков:

*Мыслью мысль
обнимая
воздвигая к небу мост
мозг меня не понимает
я не понимаю мозг.*

Вовсе не надо опять воздвигать Вавилонскую башню, воздвигать к небу «мост», тем более такой, на котором уже и твой собственный мозг тебя не понимает... Много лучше оставаться на земле человеком и не корежить, не уродовать хотя бы собственную душу. А Председатели Земного Шара у нас, как известно, уже были и – допредседательствовались...

Поэзия должна просто хранить живую душу человека и зеркально отображать ее в поэтическом Слове. Это само по себе – достойная цель творчества и давняя, целительная и удивительная магия, магия преобразующей восприятие мира красоты поэтического слова, под чарующей властью которого мир становится «до краев» одушевленным. Вот, как в славных строках Георгия Иванова:

*Край земли. Полоска дыма
Тянет в небо, не спеша
Одинока, нелюдима
Вьется ласточкой душа.*

ИЛЬЯ ШОКИН: «МОЙ ЛЮБИМЫЙ ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ – ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ...»

Родился в 1978 году в Ульяновске. В 2001 году закончил экономический факультет Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии имени П.Столыпина. Постоянный участник Форума молодых писателей в Липках. Публиковался в различных ульяновских альманахах.

У писателя из Ульяновска Ильи Шокина необычное и редкое хобби: он изучает и ищет минералы.

– Илья, с чего началось твое увлечение камнями?

И.Ш.: Наверное, мало какой ребенок не увлекался в детстве собиранием разных красивых цветных камешков. И я тоже. Но еще у меня были книги Фесмера, с фотографиями различных красивых камней. Здесь же сказы Бажова. Ну и далее шаг за шагом, одно к одному.

– Объясни, что такое минерал, и как его отличить от других, скажем так, камней?

И.Ш.: Не всякий камень является минералом и не всякий минерал является камнем (в привычном понимании этого слова). Например, вода и золо-

то – это тоже минералы. Гранит или мрамор – это камни, но не минералы, это горные породы. В чем отличие? Минерал (от позднелат. «*minera*» – руда) – природное твердое тело с определенным химическим составом, физическими свойствами и кристаллической структурой, образующееся в результате природных физико-химических процессов. Понятие «минерал» подразумевает твердое природное неорганическое кристаллическое вещество. Кристаллическая структура является и важнейшей диагностической характеристикой минерала, и носителем заложенной в минерале генетической информации, расшифровкой которой среди прочего занимается минералогия.

Чтобы понять, надо запомнить следующую цепочку. Атомы слагают кристаллы, из кристаллов слагаются минералы. Из минералов – горные по-

роды. Наукой создана четкая классификация, где все минералы разделены по видам, группам и так далее. В настоящее время насчитывается несколько тысяч минеральных видов! И каждый год наука открывает новые минералы! Все, что нас окружает, так или иначе состоит из минералов.

– Камни как-то классифицируются?

И.Ш.: Существуют различные классификации драгоценных камней. Нет одной общей системы определения, что относится к драгоценным камням. Но есть определенные критерии. Это твердость камня, редкость и красота (прозрачность, чистота и насыщенность цвета и т.д.). Но и здесь нет четкой определенности, так как рыночная цена каждого конкретного камня зависит от множества факторов. К примеру, некоторые рубины и александриты могут стоить больше, чем бриллианты. В российском законодательстве к драгоценным камням относятся алмаз, рубин, сапфир (но не все, а только василькового цвета), изумруд, александрит, а также особо крупные куски янтаря и природный жемчуг высокого качества. Но для каждого человека драгоценным будет являться не тот камень, который стоит больше денег, а тот, который ему дорог.

– Из всех минералов людей привлекают больше самоцветы...

И.Ш.: Это нормально, людей привлекают красивые цветные камни – самоцветы. Природа создает настоящие произведения искусства. Красота камней поражает своим совершенством и разнообразием. Минералы уникальны тем, что один и тот же минерал может иметь разный цвет и форму. И в то же время разные минералы могут быть похожи формой и цветом. По богатству и разнообразию красок и их сочетаний, минералы соперничают с цветами. Каждый камень – индивидуален, нет одинаковых.

– У каждого камня свой характер?

И.Ш.: Тут, скорее всего, под характером имеется в виду качества камня при обработке. Разные минералы имеют разные характеристики: твердость, вязкость, спайность и так далее. Соответственно при обработке необходимо знать все эти качества и применять определенную технику и методику.

– Какой твой любимый драгоценный камень?

И.Ш.: Мой любимый драгоценный камень – планета Земля... Кроме шуток, наша планета относится к каменным планетам и грубо говоря – это большой шарообразный камень. Но камень этот драгоценный. Во всех смыслах. И в том, что Земля – это наша родина, наш дом. И в том, что если посмотреть из космоса на нашу планету, то она выглядит как великолепный драгоценный камень – очень красива.

– Какой камень интереснее всего изучать?

И.Ш.: Для каждого человека интересны разные камни. Тут все субъективно. Кому-то нравится внешняя красота. Кому-то практическая польза.

Кому-то научная уникальность. Если подходить строго, то камней нет, есть минералы. И минералог или геолог, если вы спросите его о «камнях», может обидеться или отнести вас в класс «так уж и быть, прошу этому чудику его невежество». Для минералога все камни интересные. Впрочем, есть камень неинтересный, это алмаз. Да-да, самый твердый и один из самых дорогих минералов представляет малый интерес для профессионалов. Все дело в том, что это обычный углерод. Если говорить лично обо мне, то для меня интересны агаты. Их разнообразие просто поражает. Это настоящие произведения живописи, нечеловеческой красоты.

– Есть злые и добрые камни? Опасные и, напротив, сберегающие? Мужские и женские? Или все это суеверия? Верить в магию камней?

И.Ш.: С древности люди наделяли камни магической силой, часто поклонялись камням. Но настоящая сила камней в их физико-химических свойствах и том психологическом воздействии, которое они оказывают своей красотой.

Наделение камней какими-то мистическими или психическими свойствами – дело субъективное. Я придерживаюсь научных позиций. Все это суеверия и отголоски дремучих верований. Нет ни добрых, ни злых камней. Как нет мужских и женских. Конечно, если человек наделяет камень, да и вообще какой-либо другой предмет, подобными свойствами, то это может оказывать на самого человека влияние. Но оказывает влияние не предмет (здесь не важно камень это, черная кошка или разбитое зеркало), а психологическая установка самого человека. Как сказал один профессионал по продаже камней: я верю в магию денег, которые приносят те, кто верит в магию камней. Комментарии излишни.

Что касается опасности, то есть минералы опасные для здоровья и даже смертельные. Например, сера, ртуть, минералы, содержащие радиоактивные элементы. Но тут еще все зависит от концентрации вещества, продолжительности воздействия, дозы и того как вы обращаетесь с минералом. Но, как известно, многие минералы просто необходимы для жизни, из многих делают лекарства.

– В Ульяновске, где ты живешь, какой камень можно найти? Или ты специально выезжаешь в поисках нужных минералов?

И.Ш.: Самый известный камень в Ульяновске – это симбирцит. Это его торговое название. Но сам минерал – это кальцит. Это не драгоценный камень. Используется как поделочный камень. При должной обработке и умелости художника из него получаются великолепные по красоте украшения и декоративные вещи. Ну и, конечно, в изобилии на ульяновской земле есть мел, известняк, песчаник. Много других минералов, которые имеют значение для промышленности, но не представляют ценности для коллекционирования или изготовления украшений.

Специально за камнями не выезжаю. Для этого надо проводить серьезную подготовку. Это требует затрат времени, денег. Да и предварительная работа – сбор сведений тоже немалый труд. Ведь не будешь же ехать куда-то наобум, при этом затратив приличное количество денег и времени. Для обычного любителя, у которого есть работа, семья, разные другие обязательства, такое мероприятие сложно организовать.

– Что лучше: обработанный или естественный камень?

И.Ш.: Кому как. Есть минералы, которые красивы и интересны сами по себе. Это различные кристаллы, которые привлекают глаз своим блеском, цветом, узором и формой. А есть минералы, которые показывают свою красоту только после того, как подвергнутся обработке. Таково большинство так называемых поделочных камней. Это агаты, яшмы, нефрит, родонит и чароит, малахит и лазурит.

– Природный или синтетический камень, в чем различия?

И.Ш.: По большому счету, ни в чем. Обычный человек не сможет увидеть разницы. Хотя разница есть. Прежде всего, в цене. Синтетический камень гораздо дешевле. А еще синтетические камни чище: в них нет никаких посторонних примесей, внутренних трещин и других дефектов. То есть с точки зрения качества материала синтетический камень гораздо лучше натуральных. С другой стороны, кристалл, выращенный в автоклаве, ничем не отличается от другого такого же. Отличаться они будут разве что формой, которую им придадут при огранке. А поскольку виды огранок в основном стан-

дартизированы, то и здесь отличия не будут существенными. Другими словами синтетические камни не уникальны. В то время, как я и сказал выше, в природе нет ни одного камня, который бы был похож на другой.

Отличить синтетический камень от природного может только специалист-геммолог при наличии соответствующего оборудования. Да и то не всегда.

– Форма и вес камней играет роль?

И.Ш.: Да. Только надо знать, на какой сцене. Вес камня играет роль при определении его рыночной цены. Это касается, прежде всего, драгоценных камней. Чем больше весит камень, тем он дороже. Вес камней измеряется традиционно в каратах. Карат – это сушеное семечко одного из деревьев. Этой мерой веса пользовались купцы на востоке. Карат равен примерно двум десятых грамма. Форма камня имеет значение, скорее всего, только применительно к кристаллам. Играет роль с точки зрения эстетического восприятия.

– Камень серьезно влияет на жизнь современного человека очень большую роль или все же это игра?

И.Ш.: В истории человечества был период, который назван каменным веком. Век этот длился тысячи лет. Камень играл огромную роль в жизни человека. С его помощью люди делали много чего полезного. Есть даже гипотезы, где высказывается точка зрения о том, что изделия из камня (ножи, наконечники) были своеобразной мировой валютой. Какой бы сферы жизни мы ни коснулись – везде найдем тот или иной минерал. И вроде бы век этот закончился, но это только видимость. Мы продолжаем жить в веке камня, в веке минералов.

*Интервью взял
Александр БАЖАНОВ*

Агат

Аметист

*Алмаз
Ивана
Тургенева*

Азурит

Амазонит

Аквамарин

Апатит

Арагонит

Гипс

Берилл

Гелиодор

Гранат гессонит

Изумруд

Гранат демантоид

Горный хрусталь

Кварц волосатик

Кальцит

Кальцит

Диоптаз

Золото

Дымчатый кварц

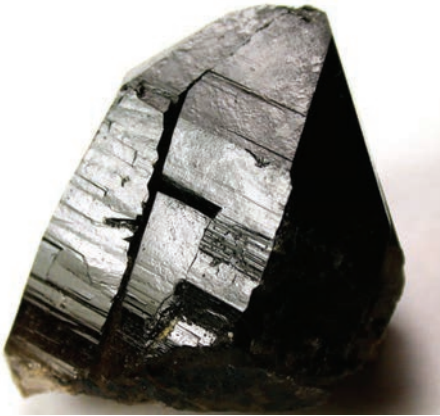

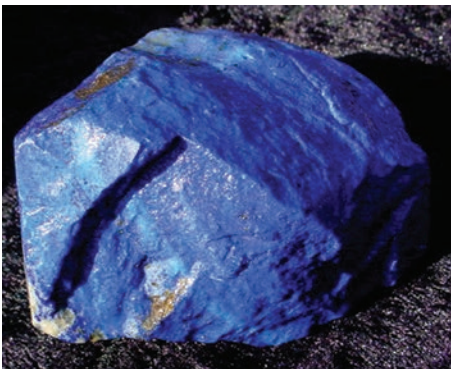
Ларимар

Куприт и медь

Морион

Лазурит

Морганит

Опал

Нефрит

Малахит

Пирит

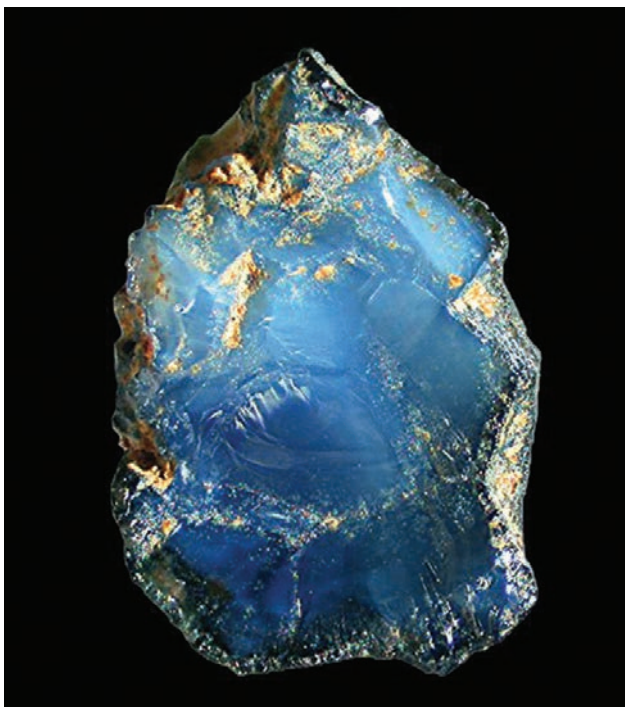
Родохрозит

*Рубеллит
Сапфир*

*Родолит гранат пироп
Розовый кварц*

Рубин

Сера

Смитсонит

Сердолик

Серебро

Танзанит

Цаворит

Флюориты

Флюорит с включением арагонита

Халцедон

Топаз

Турмалин

Чароит

Цитрин

Шпессартин

Шпинель

Яшма

Яшма

«Жрец как-то неестественно смеялся, не отпуская меня из крепких объятий. Но, с другой стороны, отпусти он меня сейчас, я попаду или под горячую руку эфебовых наемников, или в лапы агорной стражи. Ни того, ни другого я не хотел. К слову, амбалы сгнули вместе с эфебом, а вот рыночные стражники стояли рядом в растерянности, не зная, что предпринять. Верховный жрец имел большой вес в этом полисе. Да в любом городе такой жрец по весу и власти уступает только архонту.

Видя мое недоумение, наконец, объяснил:

– Я вижу, что ты не понимаешь. Дело в том, что у нас есть древнее пророчество. Царем города может стать только чужеземец, прибывший к нам из-за моря, который будет при себе иметь драгоценное кольцо. Надеюсь, ты не будешь отрицать. Это твое кольцо? – он почти силком взял мою руку с кольцом наяды, как будто хотел оторвать.

– Мое! – может, надо было сказать, что мне его подкинули, но оно было у меня на пальце. Разве откажешься? Нас окружила приличная толпа и все смотрели, чем закончится дело.

– Граждане Посейдонума, смею вам представить нового царя нашего города, по предсказанию он приведет наш город к процветанию и сделает самым богатым городом Атлантиды!»

**ЧИТАЙТЕ В №16 ЖУРНАЛА НОВУЮ СКАЗКУ САНДИ САБЫ
«ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ АТЛАНТИДЫ»**

Исчезновение *меня*
в статьи газет, наветы, слухи.
Я сеял Слово на камнях
и постигал молчанья звуки.

**И обретая учениц,
учеников, дарил им тайну
заветным шелестом страниц
моих рифмованных исканий.**

**Я видел нежности цветы
и проповедовал их детям,
хранящим чистые мечты
для оправдания столетья.**

Исчезновение *меня*
(надеюсь искренне) весома,
поскольку видят на камнях
мое раскидистое Слово.

**ЧИТАЙТЕ В №16 ПОДБОРКУ СТИХОВ ПЕТРА ГРОМОВА
«ТОЧКА СБОРКИ»
(Цикл стихов из книги «Фрактал»)**